

к 71076

ЯКУТИИ

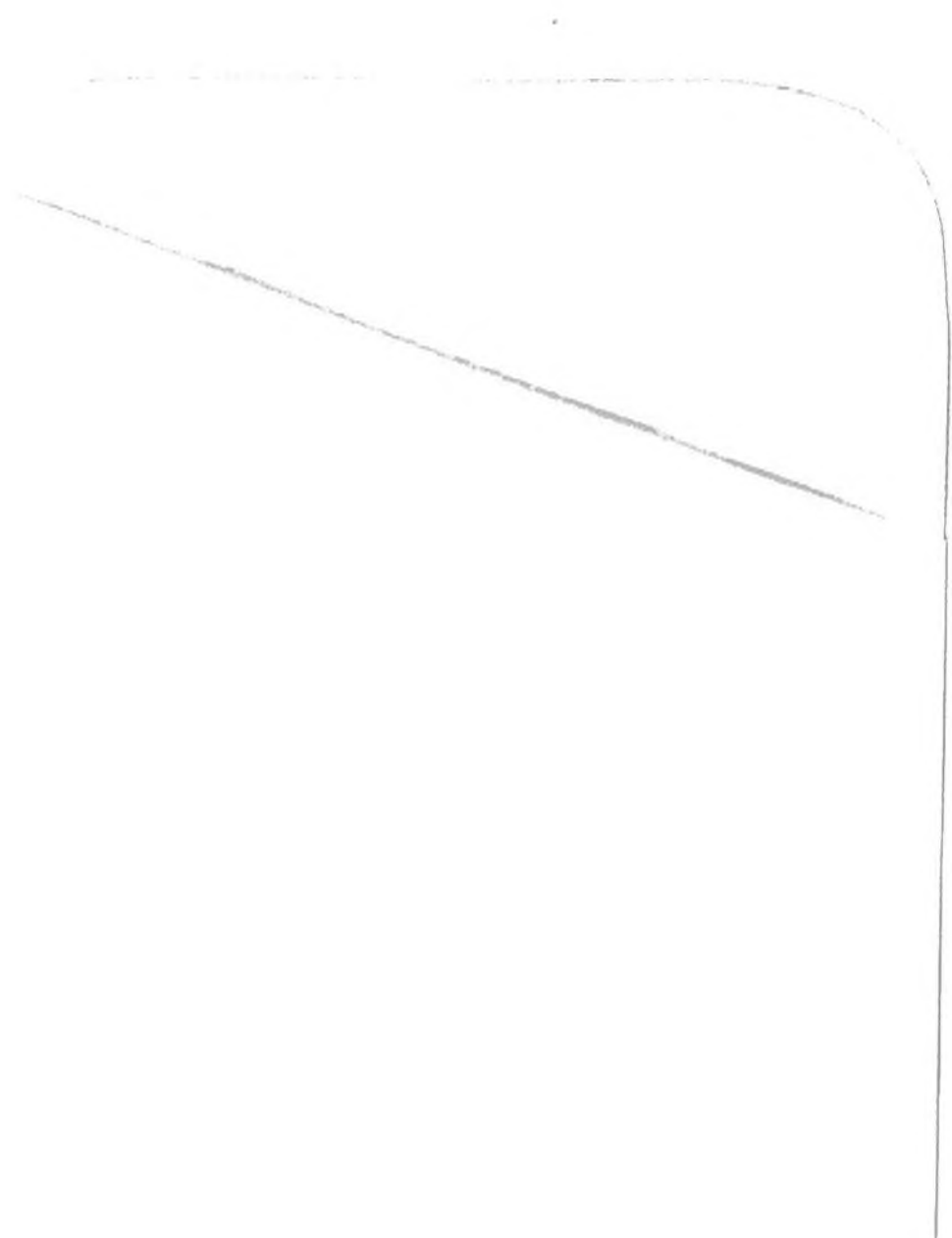
А.И.ГОГОЛЕВ

ЯКУТИИ

991
Г-58

Репр. 2000

Министерство образования Российской Федерации
Министерство по делам народов и федеративным отношениям
Республики Саха (Якутия)
Якутский государственный университет им. М. К. Аммосова

А. И. Гоголев

ИСТОРИЯ ЯКУТИИ

(Обзор исторических событий до начала XX в.)

Якутск 2000

К 70076

ББК 63.3

Г 585

Гоголев А. И.

Г 585 **История Якутии** (Обзор исторических событий до начала XX в.). – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1999. 201 с.

ISBN 5-7513-0233-8

Книга посвящена краткому обзору исторических событий в Якутии до начала XX столетия. Она предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей своей Республики.

Компьютерный набор М. П. Климовой

Г $\frac{5030209000-8}{2K9(25)-2000}$ Без объявл.

ББК 63.3

ISBN 5-7513-0233-8

© А. И. Гоголев

Предисловие

В последнее десятилетие XX в. открываются всё новые грани многовекового исторического процесса в Якутии. Прежде всего, они связаны с открытиями в области антропогенеза и исследованием проблем происхождения народов Якутии.

Благодаря демократическим преобразованиям нашего общества и деидеологизации исторической науки, стало возможным создание научно-объективной картины исторического прошлого.

В настоящее время накоплен большой фактический материал по истории Якутии, разбросанный по многочисленным книгам, брошюрам и статьям, остающийся преимущественно достоянием специалистов-историков. В этих условиях отсутствие обобщающей работы, изложенной в доступной для широкого круга читателей форме, во многом усложняет восприятие исторического процесса в целом. А история, как известно, - это наука, формирующая в человеке чувство гражданственности.

Предлагаемая работа призвана, в какой-то мере, восполнить этот пробел. Она представляет собой краткий обзор дореволюционной истории Якутии, написанный в популярной форме. Этим объясняется отсутствие в работе научно-справочного аппарата. Списки использованной литературы даются в конце каждой главы.

В методологическом плане в книге используется комплексный формационно-цивилизационный подход, дающий возможность рассмотреть исторический процесс с разных точек зрения.

Выражаю глубокую признательность коллективу кафедры всеобщей истории и этнографии ЯГУ за ценные советы и замечания, сделанные ими во время подготовки рукописи к печати, и особенно - Министерству по делам народов и федеративным отношениям РС (Я), выступившему с идеей и способствовавшему изданию настоящей работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЯКУТИЯ В ДРЕВНОСТИ И ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Раздел I. Первобытное общество в Якутии

§ 1. «Каменные страницы» истории Якутии

Большую половину человеческой истории занимает эпоха первобытности, связанной с такими глобальными процессами, как возникновение человека (антропогенез) и человеческого общества (социогенез). Эти события вселенского значения начались примерно 2,5 – 1,7 миллиона лет назад и завершились в пределах 40-30 тыс. лет назад. В науке утвердилось представление о том, что процессы антропогенеза и социогенеза происходили на ограниченной территории Земли - восточных и южных регионах Африки и на Евразийском континенте. Время, за которое происходили эти ответственные процессы, в археологии принято называть эпохой древнего каменного века (палеолитом). Палеолит делится на древнейший, древний, средний и верхний этапы. В пределах нижнего палеолита (2 млн. - 150 тыс. лет назад) начался процесс формирования древнейшего типа человека т.н. архантропа, в облике которого сохранялись многие черты обезьяны. Останки их обнаружены в Юго-Восточной Азии (питекантроп или "яванский человек"), Восточной Азии (синантроп или "китайский человек"), в Европе (гейдельбергский человек).

В среднем палеолите (в классической археологии его включают в состав нижнего палеолита) появился древний неандертальский человек, живший довольно долго, примерно 150-40 тыс. лет назад. В физиологическом строении этого древнего коренастого, очень сильного человека все ещё сохранялись черты "формирующегося" человека. Палеоантроп, как его называли антропологи, дал основу для появления человека разумного, т.е. современного человека (*Homo sapiens*). Завершение процесса антропогенеза произошло в начале верхнего палеолита, 40-35 тыс. лет назад в зонах климатического "благоденствия" (Африка, Передняя, Восточная,

Южная, Средняя Азия, Европа). И очень долгое время в археологии Сибири, тем более её восточная часть, где расположена территория Якутии, не входила в область формирования человека.

По новейшим данным, ранние предки человека появились на просторах Южной Сибири 400-300 тысяч лет тому назад (стоянка на р. Улалинка в г. Горно-Алтайске, обнаруженная А. П. Окладниковым). Серию аналогичных находок начала давать и Ангара. Более обширные материалы, в том числе и остатки скелетов, недавно найдены при раскопках пещерных жилищ неандертальцев в Горном Алтае (Усть-Канская) и в Хакасии.

В этих условиях, когда в Южной, Юго-Восточной Сибири, на Дальнем Востоке в низовьях Амура были отмечены следы пребывания древнейших и древних людей (архантропов и неандертальцев), в Якутии в 1982 г. была обнаружена стоянка Диринг-Юрэх. В её верхнем культурном слое археологи под руководством Ю. А. Мочанова и С. А. Федосеевой нашли следы уже известной дюктайской культуры, а в нижнем слое обнаружили орудия из кварцитовых галек.

Расщепленные валуны кварцита встречались в бассейне Ангары еще с 1950-х годов (особенно в устье р. Иды). Но основная суть диринг-юрэхских находок заключается в том, что орудия из его нижнего слоя имели большое сходство с изделиями из Олдувэйского ущелья в Северной Танзании (Африка). Это один из важнейших памятников для понимания эволюции человека и развития древнейших орудий в нижнем палеолите. Слой в Олдувэе, лежащий в основании, начал накапливаться около 1,9 или 2,5 млн. лет назад. В нем находились жилые и лагерные стоянки с галечными орудиями, т.н. чопперами. Следовательно, открытие Диринг-Юрэхэ сильно удревнило время появления человека в Якутии. Здесь обнаружено свыше 3000 различных каменных изделий, которые залегают в отложениях т.н. "табагинской террасы" р. Лены. Опираясь на эти и другие данные Ю. А. Мочанов считает вероятным возрастом стоянки Диринг-Юрэх 3,2-1,8 млн. лет.

Чтобы оценить огромное значение стоянки Диринг следует отметить, что в настоящее время на территории бывшего Союза возраст самых древних стоянок датируется в пределах 1 миллиона лет. Кроме того, по мне-

нию большинства ученых, прародиной человека считается Восточная и Южная Африка, откуда примерно 1,5-1 млн. лет назад началось расселение предков современного человека. Поэтому революционизирующее значение стоянки Диринг-Юрэх состоит в ломке привычных, установившихся представлений, в первую очередь, в области антропогенеза. Иными словами, в дальнейшем если возраст Диринга получит достаточное обоснование, то это должно вызвать пересмотр всех глобальных проблем первобытной истории человечества. В частности, вызывает большой интерес предположение Ю. А. Мочанова о "внетропической" модели прародины человека, которая, вероятно, охватывала территории Казахстана, Монголии, Северного Китая и Среднесибирского плоскогорья, в юго-восточной части которого находится стоянка Диринг-Юрэх. Это - области высотных широт, где последние 5 млн. лет достаточно резко ощущалось похолодание.

Таким образом, на протяжении всего плейстоцена, как отмечает С. А. Федосеева, население Северо-восточной Азии развивалось автохтонно, иногда часть его продвигалась на северо-восток, к Берингии, и через неё в Америку.

В настоящее время в Якутии обнаружены ещё несколько пунктов, где имеются каменные орудия, сходные с Дирингом (например, Усть-Олёкминск, открытый археологами ЯГУ в 1986 г.). Усилиями Приленской археологической экспедиции ЯНЦ СО РАН (руководители Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева) открыты аналогичные стоянки, датируемые средним палеолитом (мустьерская эпоха), в пределах 190-40 тыс. лет, когда жил древний человек (неандерталец), вооруженный копьем с каменным наконечником.

Верхний палеолит завершил первый очень длительный этап каменного века. Это - время сложения современного человека («человека разумного»). В это время в Якутии существовала дюктайская археологическая культура, получившая свое название по опорному памятнику - Дюктайской пещере на Алдане. Открыватель этой культуры Ю. А. Мочанов определил её существование концом ледникового периода, в пределах от 35 до 10,5 тыс. лет назад. В ней выделены два этапа: первый объединяет памятники возрастом 35-25 тыс. лет назад (стоянки Эжанцы, Усть-Миль, Ихине-

I, II); второй этап датируется 23-10,5 тысячами лет (стоянки Дюктайская пещера, Тумулур и др. на Алдане; Диринг-Юрэх, пещера Хайыргас и др. на Лене; Новый Летен - I,II, Малая Джикимдэ на Олёкме и в бассейне Вилюя, Индигирки).

На этих стоянках вместе с костями мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошади, северного оленя, лося найдены многочисленные орудия труда из кремня и галечника, в том числе двухсторонне обработанные изделия. Эти материалы показывают, что дюктайцы, люди эпохи верхнего палеолита, являлись охотниками на крупных стадных животных. Для выделки кожи они пользовались каменными скребками. Одежду сшивали костяными проколками и иголками. На стоянке Берелэх найден обломок бивня мамонта. На нем выгравировано уникальное изображение мамонта с намеренно длинными ногами. Находка ещё раз подтвердила вывод исследователей о зарождении изобразительного искусства в эпоху верхнего палеолита. Наскальные изображения верхнего палеолита выделены А. П. Окладниковым и А. И. Мазиным на писанице на р. Токко, первого притока р. Чара. Это - крупные реалистические изображения 4 быков и лошади, нанесенные светло-красной охрой.

По мнению Ю. А. Мочанова, именно дюктайцы, освоившие Якутию и Чукотку, составили первое население Американского континента, заселение которого началось через сухопутную Берингию (естественный мост через современный Берингов пролив, существовавший в эпоху оледенения) примерно 30 тыс. лет назад.

Около 11-10,5 тыс. лет назад началась мезолитическая, переходная от палеолита в неолит, эпоха. Она соответствует особой сумнагинской культуре. В это время рельеф, климат, животный и растительный мир Якутии принимают современный облик. Завершается эпоха ледников, в связи с этим уровень мирового океана поднимается сразу на 100 м. Исчезает т.н. "мамонтовая фауна" (мамонты, шерстистые носороги, плейстоценовые лошади). Животные становятся более мелкими. Загонная охота заменяется индивидуальной и человек от оседлого переходит к бродячему образу жизни. Широко распространяется рыболовство.

На мезолитических стоянках Якутии подавляющее число орудий изготовлено из ножевидных кремневых пластин. Некоторые орудия сделаны из микропластин, ширина которых не превышает 0,4 см. Появляются первые каменные нешлифованные орудия из кварцитовых галек. Объектом охоты для *сумнагинцев* являлись лось, олень, медведь, водоплавающая птица, лесная дичь. Они пользовались рыболовными сетями, запорами, заездами.

На рубеже V-IV тыс. до н.э. на территории современной Якутии происходит смена культуры и частично населения за счет пришельцев из юга. Началась последняя эпоха каменного века - неолит. Новый каменный век характеризуется наличием шлифованных каменных орудий труда, широким использованием лука и стрел, изобретённых ещё в мезолите, двухсторонне ретушированных (для получения лезвия) наконечников, костяных гарпунов и глиняных сосудов. По мнению Ю. А. Мочанова, за счет ассимиляции сумнагинцев выходцами из Забайкалья создается новая культура, названная сылахской и относящаяся к раннему неолиту. Эта культура существовала на протяжении одной тысячи лет в промежутке от 6 тыс. и до 4 тыс. лет назад (в IV тыс. до н.э.). Памятники этого периода обнаружены Приленской археологической экспедицией на всей территории Якутии и даже за её пределами. Известны более 50 стоянок сылахской культуры, которые характеризуются серийными типами шлифованных каменных орудий и впервые появляется глиняная посуда с сетчатым покрытием. Поскольку этот орнамент был связан с технологией изготовления сосуда, а не с намеренным украшением, сетчатое покрытие называют техническим орнаментом.

В изобразительном искусстве лось занимает центральное место на всех ранненеолитических писаницах Алдана, Лены, Олекмы, Амги. А на стоянке Туой-Хая в верховьях Вилюя С. А. Федосеева обнаружила каменную фигуру лося.

С конца IV тыс. до н.э. в Якутии начинается средний этап неолита, т.н. *белькачинская* культура. Самыми массовыми находками этой культуры по-прежнему остаются фрагменты керамики. Сосуды имели яйцевидную форму с отпечатками шнуровой орнаментации. Среди орудий труда пре-

обладали пластинчатые вкладыши с ретушью для получения лезвия, иволстые двусторонне обработанные ножи и наконечники копий. Из кости изготавливали кинжалы, наконечники копий и стрел, рыболовные крючки, гарпуны, иглы. Во многих местах обнаружены погребения, определяемые средним неолитом. Общим для них являются засыпка покойника охрой, среди орудий - шлифованные тесла, кремневые вкладыши, составные вкладышевые орудия. Встречаются украшения - бусы из створок раковин, орнаментированные костяные подвески в виде стилизованных изображений птиц, ожерелья из просверленных клыков, орнаментированные костяные пластины. Особенно богатый материал дало Родинское погребение на нижней Колыме.

В конце III тыс. до н.э. *белькачинская* культура в Якутии исчезает. Во II тыс. до н.э. развивается заключительный этап неолита, т.н. *ымыйахта-ская* культура. Её носители - выходцы с юга, со стороны Байкала, которые ассимилировали часть белькачинцев. В настоящее время известно около 200 памятников ымыйахтской культуры. Основным признаком её является круглодонная керамика с вафельными и рубчатыми отпечатками на внешней поверхности. Среди каменного инвентаря наиболее характерными считаются ретушированные трехгранные и четырехгранные наконечники стрел, подтреугольные ножи. Из костяных изделий, кроме обычных вещей типа гарпуна, наконечника стрел и копий, найдены панцирные пластины.

Сосуды изготавливались способом выколачивания. Специальной лопаточкой били по наружной стороне стенки будущего сосуда, изнутри подставляли при этом плоский камень. На этих лопаточках был вырезан вафельный штамп. Поэтому на поверхности сосудов оставались отпечатки вафельного технического орнамента.

Самобытной чертой ымыйахтских сосудов является их многослойность. По мнению С. А. Федосеевой, специально исследовавшей эту культуру, многослойность керамики не отмечена ни в более ранней, ни в поздней неолитической керамике. Орнамент на тулове ымыйахтских сосудов имел до 35 вариантов, а на венчике (на верхнем крае) - 7 вариантов. Кроме того, по форме сосудов С. А. Федосеева выделила 10 типов.

В изобразительном искусстве во II тыс. до н.э. первостепенное значение приобретает образ человека, который передается в разнообразных позах, но в целом в движении и выполнены только краской.

Погребения этого времени в основном представлены двумя памятниками - Чочур-Муранским и Диринг-Юрэхским могильниками. Инвентарь, который сопровождал умерших, довольно однообразен и в основном представлен каменными и костяными наконечниками стрел, скребками. В отличие от белькачинцев ымыйахтацы не использовали охру в погребальном обряде.

Диринг-Юрэхский могильник состоял из 4-х отдельных погребений в каменных ящиках из известковых плит. Всего в могильнике зафиксировано 10 костяков. Погребальный инвентарь богат и разнообразен: костяные и кремневые наконечники стрел, скребки с роговыми держателями; резец, вставленный в роговую рукоятку, костяные кинжалы, кольца из белого нефрита, кусочек меди, костяная рукоятка металлического коленчатого ножа. Все эти данные также говорят о постепенном переходе эпохи каменного века в эпоху древних металлов (палеометаллов).

В целом, население Северной Азии не отставало от темпов развития людей, этого периода, и как отметила С. А. Федосеева, оно было предельно чётко адаптировано к природной среде обитания в вечной мерзлоте.

§ 2. Этап палеометаллов

С конца II тыс. до н.э. в Якутии начинается культура бронзового века, получившая название "усть-мильская". Возникновение и развитие местной бронзовой металлургии в Якутии было доказано А. П. Окладниковым еще в 1940-х годах. Так, в Покровске, Якутске и Старом Сиктэхе (Булунский улус) были найдены принадлежности бронзолитейных мастерских: остатки плавильных печей-горнов, обломки глиняных форм для литья топоров, наконечников копий, глиняные ложки для заливки расплавленной бронзы (лячки) и литейные формы.

Эти исследования были продолжены в 1960-1980-х годах сотрудниками Приленской археологической экспедицией ЯНЦ СО РАН. Среди па-

мятников бронзового века особое значение имела стоянка Усть-Миль в бассейне Алдана. В ней впервые в едином слое вместе с каменными орудиями и керамикой было найдено бронзовое изделие - бронзовый нож с костяной ручкой.

Усть-Мильская культура бронзового века существовала в интервале от XIV до IV вв. до н.э. и её памятники обнаружены на Амге, Вилюе, Лене, Индигирке, Яне, Колыме. Археологическая экспедиция Якутского университета открыла стоянки и наскальные изображения усть-мильской культуры в бассейне Олекмы, в Вилюйском и Чурапчинском улусах (руководитель этих работ А. Н. Алексеев). Усилиями двух указанных экспедиций найдены около 100 археологических памятников эпохи бронзы.

Своеобразной "визитной карточкой" культуры бронзы является тонкостенный сосуд усеченно-яйцевидной формы с выпуклым туловом и округлым дном, высотой до 40 см. Это - однослойные сосуды преимущественно с прямыми венчиками. Верхняя часть их украшалась различными сочетаниями налепных и выдавленных поясков-валиков. Многие вещи по-прежнему изготавливались из камня, поэтому металлические изделия не сразу вытеснили из употребления каменные и костяные орудия.

В разных местах Якутии обнаружены всего 18 бронзовых вещей. Большинство этих изделий изготовлено из мышьяковистой бронзы. Эти вещи, исполненные по "мировым стандартам" того времени, имеют аналогии в бронзовом инвентаре Прибайкалья, Западной и Южной Сибири, Центральной Азии и в бронзолитейной металлургии скифского мира. Следовательно, как полагает Н. Д. Архипов, местная бронза развивалась в условиях постоянно действующих контактов с синхронными южно-сибирскими культурами Минусинской котловины и Прибайкалья.

Как показали исследования С. А. Федосеевой, В. И. Эртюкова, смена позднего неолита (энеолита) Якутии бронзовым веком произошла во второй половине II тыс. до н.э., в ходе расселения здесь пришедшего населения. Оно частично оттеснило аборигенов в северный и восточный районы, а частью ассимилировало и это привело к складыванию усть-мильской культуры бронзового века. Однако это произошло не на всей территории Якутии. Предполагается, что в отдельных регионах к западу от Лены на

смену ымыйахтахской культуре вместо усть-мильской пришла культура с зубчатой керамикой, имеющая связь с Минусинской котловиной Южной Сибири.

Усть-мильцы, как считает А. Н. Алексеев, находились на стадии разложения родоплеменного строя и жили небольшими коллективами, ведя характерный для таежных охотников образ жизни. Хоронили в грунтовых могилах, предварительно "очистив" их огнем от злых духов. Некоторое изменение в духовной жизни отразилось в сюжетах наскальных изображений. В сравнении с предшествующей эпохой в эпоху бронзы становится больше стилизованными фигурки людей в "рогатых" или "лучистых" головных уборах. Наиболее выпукло религиозно-мифологические представления людей того времени отражены в сцене на писанице у с. Тойон-Ары на Лене. Здесь изображены охрой самец и самка лосей, которые противостоят друг к другу и между ними - лосенок, а под лосихой нарисована фигура человека.

Основанием для датировки бронзовым веком этого рисунка послужила манера изображения лосей в "скелетном" и ажурном стиле.

В целом культура бронзового века в последние два десятилетия хотя и стала предметом специального внимания якутских археологов (В. И. Эртюков, С. А. Федосеева, А. Н. Алексеев), но в силу недостаточности фактического материала, ждет своего дальнейшего изучения, особенно в более аргументированной периодизации её этапов.

Впервые люди познакомились с железом в его "небесном" метеоритном виде с высоким содержанием никеля. В странах Древнего Востока его высоко ценили из-за магических свойств, предполагавшихся в связи с небесным происхождением. В источниках имеются разрозненные сведения о времени расплавки железа, но технология получения была освоена после 1500 г. до н.э. хеттами. После разгрома Хеттского государства, их секрет раскрылся, железо стало широко распространяться по регионам, заменив бронзу в основных орудиях и ознаменовав, таким образом, начало железного века.

Быстрое распространение железа было обусловлено его очевидными преимуществами перед бронзой, как по техническим данным, так и по

широкой распространенности железной руды. Последнее обстоятельство предопределило его относительную дешевизну. В Сибири железные вещи получили распространение с рубежа III-II вв. до н.э. В Якутии А. П. Окладниковым впервые были намечены хронологические границы раннего железного века с середины I тыс. до н.э. и до конца XV в.н.э. Эти открытия были дополнены материалами Вилюйской археологической экспедиции под руководством С.А. Федосеевой в 1959-1963 гг. Она поддержала мнение А.П. Окладникова о формировании металлургии железа в местной бронзовой культуре.

Дальнейшее исследование раннего железного века Якутии было продолжено сотрудниками Приленской археологической экспедиции. Наиболее значительные открытия ею были сделаны в бассейне р. Алдана. С открытием алданских многослойных стоянок появилась возможность выделения чистого комплекса железного века. На этом материале была подтверждена предложенная С.А. Федосеевой датировка этого времени концом I тыс. до н.э. первой половиной I тыс.н.э.

По мнению И.В. Константинова, написавшего специальную монографию по данной проблеме, железные изделия находят ближайшие аналогии в мохэских памятниках Верхнего и Среднего Амура. В глиняных сосудах по орнаментации выделил три комплекса: пояса из гладких вдавлений разнофигурных штампов на гладкостенном глиняном сосуде (усть-мильский комплекс); рассеченные наlepные валики (сумнагинский комплекс); оттиски зубчатого штампа (дюктайско-белькачинский комплекс). Предполагается, что третий орнаментальный комплекс проник из Среднего Приамурья, а первый тип керамики связывается с традицией местной бронзы и этнически с предками юкагиров. В целом, И.В. Константинов определил ранний железный век Якутии III в. до н.э. -XII в.н.э., в пределах которого происходило просачивание мелких групп «пеших» тунгусов. Примерно с XII в. началось более мощное миграционное движение тунгусоязычных с районов Байкала в сторону севера. Это были группы людей, освоивших верховое и вьючное оленеводство, что обеспечивало интенсификацию охотничьего направления хозяйства. В Якутии тунгусы в основном распространялись по Вилюю, прилегающему отрезку Лены и низовьях Алдана.

С учетом новых данных с бассейна Олекмы А.Н. Алексеев предложил следующую периодизацию раннего железного века в Якутии: усть-мильский этап - II-VIII вв., сумнагинский - VIII-XI вв., белькачинско-дюктайский комплекс - XII-XIV вв.

Железные изделия представлены наконечниками стрел, ножами, панцирными пластинами, рыболовными крючками и другими изделиями. Но самым массовым материалом поселений по-прежнему остаются многочисленные фрагменты глиняных сосудов. Они гладкостенны, имевшие на тулове оттиски рубчатого штампа, крупные "вафельные" отпечатки. Сосуды имели округлое или приостренное дно.

Распространение более эффективных железных орудий сказалось на общем процессе хозяйства, хотя люди по-прежнему занимались охотничьим промыслом и рыболовством.

В изобразительном искусстве стилизованные антропоморфные фигуры имели треугольное туловище, косо поставленные ноги-черточки. А условные изображения животных представлены фигурами, в виде дуги или, как это отмечено А.Н. Алексеевым, буквы "П" ("тело"), к которой примыкает короткий хвост, а снизу - ноги в виде черточек. Но встречены и более реалистичные фигуры людей, в частности шамана. Начинают развиваться зачатки рисуночного письма (пиктографии).

Религиозные представления людей эпохи раннего железного века тесно связаны с дальнейшим развитием анимизма (одушевление природы), культа природы и зачатков шаманства, промыслового культа.

Самыми замечательными открытиями последних лет являются:

во-первых, обнаружения древнейшей стоянки, датируемой за пределами миллиона лет и на этой основе предложение о внетропическом происхождении человека;

во-вторых, причастность древних племен Якутии в процессе заселения Американского континента;

в-третьих, развитие эпохи палеометаллов в Восточной Сибири в целом не отставало от южных центров бронзы и раннего железа Сибири и Центральной Азии (середина II тыс. до н.э. - XIII в.н.э.). С этим периодом связано появление современных юкагиров, эвенов и эвенков.

§ 3. Происхождение аборигенного населения Якутии

Юкагиры - один из древних народов Якутии. В документах русской колониальной администрации они стали известны с 1635 г. Но в мировую этнографию юкагиры введены В. Иохельсоном в конце XIX вв. Он же начал изучение происхождения этого древнего, загадочного народа и связал их этногенез с индейцами Северной Америки. Но в последующее время, как он заметил, «юкагиры так смешались с тунгусами, что их признаки стали ближе к монголоидам, чем американоидам». Вместе с тем В. Иохельсон выявил языковую и культурно-бытовую близость их к чукчам и корякам. Наиболее распространённое самоназвание юкагиров – *одул*, в дословном переводе означающее «сильный». А.П. Окладников пришел к выводу о принадлежности неолитической культуры Якутии предкам юкагиров. Этой точки зрения придерживались такие известные советские исследователи, как М.Г. Левин, И.С. Гурвич, Ю.Б. Симченко. А.В. Чернецов обосновал интересную теорию о существовании единого этнического субстрата в различных культурах циркумполярной зоны. Этот субстрат, уральский по происхождению, он связывал на востоке с юкагирами, а на западе с ло-парями (саамами). Следовательно, самой восточной ветвью уралоязычных этносов, оторвавшейся в глубокой древности от своего ядра, являются юкагиры. Это идея была поддержана лингвистами Ю.А. Крейновичем, А.Б. Долгопольским и др.

В неолите заселение Заполярья Восточной Сибири шло более интенсивно и к началу II тыс. до н.э. здесь, как и по всей циркумполярной зоне Евразии, выработались те характерные черты культуры охотников на дикого северного оленя, которые определили развитие хозяйства у всех тундренных народов, вплоть до появления у них оленеводства. С формированием циркумполярной культуры тесно связано сложение древней уралоязычной основы юкагиров. Северная ветвь ымыйахтакцев Якутии оказала решающую роль на формирование культур II-начала I тыс. до н.э. на западе до Таймыра и на востоке до Чукотки. В этих культурах, начался процесс оюкагирования древнего уралоязычного субстрата, ускоренного в I тыс. до н.э. притоком усть-мильских (эпоха бронзы в Якутии) праюкагирских племен.

В раннем железном веке юкагиры имели длительные контакты с восточными самодийцами, отразившиеся в фольклоре нганасан Таймыра. В середине II тыс. н.э. эти связи были прерваны вклинившимися между ними предками анабаро-оленьских тунгусов. С этого времени юкагиры начинают оттесняться на восток и подвергаться все возрастающему влиянию тунгусоязычных племен.

Поэтому по антропологическим данным у юкагиров и нганасан существует единая древняя сходная основа. В дальнейшем с усилением связи с тунгусоязычным пришлым населением образовалось юкагиро-эвено-эвенкийская антропологическая общность. С другой стороны, сравнение антропологических типов юкагиров и чукчей выявляет существенные отличия. Тем не менее, значительный архаизм особенностей общественных отношений изучаемого народа (матрилокальность браков, добрачная свобода девушек, билинейный, двойной счет родства) свидетельствует о том, что они унаследовали элементы общественного устройства древнейших насельников севера Восточной Сибири. Эти факты дополняются еще тем, что такие элементы их духовной культуры, как жертвоприношение собак, представление о возрождении души, особая роль ворона в мифах указывают на влияние на них культуры северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков). Примерно, начиная с XVI в. у тундренной части этого народа распространяется оленеводство.

Традиционно у них была репутация лучших воинов на крайнем северо-востоке Сибири. Чукчи и коряки называли юкагиров *атал* или *отал*, что является чукотско-корякским произношением юкагирского *огул*.

Эвены и эвенки, составляющие часть аборигенного населения Якутии, по языковой классификации, входят в тунгусо-маньчжурскую группу алтайской языковой семьи. В дореволюционной литературе эвенов называли *ламутами*, а эвенков - *тунгусами*.

Многие исследователи, преимущественно ранние, тунгусов рассматривали как пришельцев из южных районов - с территории Китая, Маньчжурии или из регионов Центральной Азии. Но большинство ученых свя-

зывает этногенез тунгусов с районами Байкала. Более полно и последовательно эта точка зрения разработана Г.М. Василевич.

По данной концепции, основа древней пратунгусской культуры пеших охотников начала складываться в неолите в горно-таежных районах Южного Прибайкалья (Восточные Саяны, Верховья Енисея и Селенги). Тогда же и в эпоху медно-каменного века формируется комплекс элементов будущей тунгусской культуры: М-образный лук, широкие лыжи, горшки-дымокуры, литые бусы, круглые бляхи, нарезной орнамент из трех коротких параллельных линий, начало шаманства. В эпоху бронзы стабилизируется данный комплект и определился тунгусский составной костюм из пяти частей - на-тазника, ноговицы, унтов, распашного кафтана и нагрудника.

Из южных районов Предбайкалья произошел первый крупный отход прототунгусов в Приамурье, где они дали основу предкам чжурчженей и маньчжур. По многим данным, эти перемещения произошли в конце неолита.

Расселению древних пеших тунгусоязычных охотников из Прибайкалья по сибирской тайге в первых веках н.э. дали толчок вышедшие к Байкалу скотоводы. Тогда же тунгусы появились и на территории Якутии.

По этногенезу тунгусов существует также гипотеза, предложенная М. Г. Левиным и В. А. Туголуковым, по которой местом их формирования считается Северное Забайкалье и Приамурье, между средним течением Олёкмы и верховьями Зеи и Учура. Отсюда, из горной местности, расположенной к северу от Верхнего Амура, в западных отрогах Саянского хребта, началось расселение древних тунгусов, предположительно в XII в. Основные их миграции имели в то время северное и северо-восточное направления – в Якутию и к Охотскому побережью.

Возникновение оленеводства у тунгусов Верхнего Приамурья и Байкала относится к первой половине I тыс. н.э. В дальнейшем усиление монгольских племен и освоение ими бассейна Байкала, начавшиеся с X в.н.э., явились вторым толчком, вызвавшим наиболее интенсивное освоение уже оленными тунгусами просторов Сибири: побережье Охотского моря, бассейны Лены и Енисея. В ходе этого процесса они частично вытеснили, а частично включили в свой состав палеоазиатов-аборигенов восточносибирской и среднесибирской тайги.

На Вилуйско-Алданской низменности тунгусы ассимилировали местное население по языку близкое к юкагирам. Об этом говорит "хакающий" диалект эвенков данного региона. Дело в том, что звук "Х" отсутствует в чукотском языке, зато фонемы "Х" присутствуют в юкагирском.

Нижнеленская группа дотунгусского населения несколько отличалась от среднеленской, но была близка к ней.

В ходе ассимиляции тунгусов с юкагирами и отчасти коряками определилась новая тунгусоязычная народность - эвены.

Чукчи. По языковой классификации, они составляют часть палеоазиатского населения северо-восточной Сибири. Чукчи – самый крупный народ в группе северо-восточных палеоазиатов, к которой, кроме них относятся коряки и ительмены. Приморские чукчи называют себя *ан'калын* – «помор», «приморский житель», а тундровые чукчи-оленеводы – *чавчу*, как и оленные коряки. Поэтому русское название чукча происходит от вышеупомянутого термина чавчу. Общее название чукчей – *пуораветлан* – «настоящие люди».

Одним из первых этногенез чукчей изучал В. Тан-Богораз. Он связывал их происхождение с северо-западными племенами Америки и, в частности, с эскимосами. По всей видимости, предки чукчей заменили здесь верхнепалеолитическое население. Это проявляется в языке в виде субстрата. Об этом также говорит длительность их обособления, выраженная в отсутствии прямых связей чукотского языка (также как и корякского) с другими языковыми семьями Азии.

Считается, что предки чукчей стали осваивать внутренние районы Чукотского полуострова со второй половины IV тыс. до н.э. Но более четко их культурные традиции стали проявляться во II- начале I тыс. до н.э. Эти родоплеменные группы продолжили культуру позднелитических охотников и рыболовов циркумполярной зоны древней Якутии. К концу I тыс. до н.э. эти группы достигли северное и восточное побережья Чукотки. Здесь они частично смешались с носителями древнеберинговской культуры эскимосов и положили начало береговым чукчам.

В целом, на рубеже II-I тыс. до н.э. в рамках усть-бельской археологической культуры пеших охотников и озерно-речных рыболовов возникла

этническая группа проточукчей. В этом процессе основным ядром были проникавшие из Якутии группы позднеолитических охотников, ассимилировавшие остатки древнего мезолитического населения континентальной Чукотки.

В последующее время происходит широкое распространение культуры оседлых морских зверобоев по берингоморскому побережью, завершившегося во второй половине I тыс. н.э. формированием т.н. "сидячих" групп чукчей. В первой половине II тыс.н.э., в связи с проникновением оленеводства во внутренние районы полуострова происходит становление "оленной" группы чукчей и в целом завершается этногенез этого народа.

Раздел II. Якутия в эпоху средневековья (конец XIII – XVII вв.)

§ 1. Обоснование и характеристика периода

По предположению исследователей, выючно-верховое оленеводство проникает в бассейн Средней Лены в начале II тыс. н.э. Подчинение транспортного вида оленеводства охоте, происшедшее в конце раннего железного века, побудило эвенков полностью перейти к специализированной охоте. И даже в этих условиях племена Якутии по-прежнему оставались на уровне присваивающей экономики, не зная ни скотоводства, ни земледелия.* Только в начале второй четверти II тыс. н.э. произошли события, связанные с распространением здесь коневодства и крупного рогатого скота. Происходит постепенно становление сенокосно-пастбищной формы скотоводства. Зачинателями этих коренных хозяйственно-культурных преобразований стали южные предки современных якутов. Они, попадая в новые природно-климатические условия севера Восточной Сибири, вступали в культурно-этнические связи с аборигенами края. Так

* Таёжное транспортное оленеводство, оставаясь выючно-верховым, не призвано было обеспечить хозяйство продуктами питания, за небольшим исключением. Главным средством существования оставался охотничий промысел, отчасти рыболовство. Поэтому такой тип специализированного хозяйства не отвечал требованиям производящего, каковым является целенаправленное производство пищи посредством земледелия и скотоводства.

постепенно происходил процесс сложения якутской народности. В плане археологической периодизации на Средней Лене начинается эпоха раннего средневековья, связанная с началом коренных, радиальных перемен, прежде всего в хозяйственной жизни. Южные предки якутов продвинули границу распространения производящего хозяйства далеко в глубь Сибири, на зону вечной мерзлоты, образовав основу современной формы сельского хозяйства Якутии.

Средневековое общество – это, по преимуществу, аграрное общество, базирующееся на ручном труде и феодальных общественно-экономических отношениях. Основной экономической ячейкой этого общества являлось хозяйство непосредственного производителя – крестьянина в условиях частной собственности феодалов на землю. В период средневековья происходит формирование современных народов. Средневековье создало новый городской образ жизни, зачатки профессиональной культуры. Духовной основой европейской средневековой цивилизации становится христианство.

В Якутии в соответствии со специфическими особенностями культурного наследия, географической средой, системой ведения хозяйства, переход к средневековью начинается со времени распространения в бассейне Средней Лены скотоводства и формирования постплеменной якутской народности с патронажно-иерархической традиционной структурой, содержащей элементы феодальных отношений. И данный переход завершился ко времени присоединения Якутии в состав Русского феодального государства. Якутский край постепенно втягивался в орбиту Восточноевропейской христианской средневековой цивилизации, становясь её административной единицей.

§ 2. Происхождение якутов

Среди тюркоязычных народов нашей страны якуты (самоназвание "саха") занимают весьма своеобразное положение, которое характеризуется особенностями языка, традиционной культуры и физического облика. Несмотря на принадлежность якутского к тюркским языкам в нем просле-

живается большой процент слов монгольского 25,5 % и около 4 % слов тунгусо-маньчжурского происхождения. Вместе с тем якутский язык относится к числу древних тюркских языков и, возможно, с этим связано наличие в нем около 10 % слов неизвестного происхождения.

Предположение о южном происхождении якутов выдвинули ученые и путешественники XVIII в (Ф. Страленберг, Г. Миллер, Э. Фишер, Я. Линденау). Оно подтвердилось в трудах исследователей XIX - начала XX в.: Н.Н. Кострова (1874 г.), А.Ф. Миддендорфа (1867г.), Р.К. Маака (1887 г.), И.А. Худякова (1969 г.), В.И. Иохельсона (1895 г.), В.Л. Серошевского (1896 г.), В.Ф. Трощанского (1902 г.) и др.

Большое значение в историографии проблемы имели труды дореволюционных тюркологов - О. Бётлингга (1851 г.), Г. Вамбери (1885 г.), В.В. Радлова (1908 г.).

Специальное изучение проблемы происхождения якутов с массовым привлечением фольклорного и исторического материалов впервые осуществлено Г.В. Ксенофоновым в монографии "Уранагхай - сахалар". Очерки по древней истории якутов" (1937 г.). Основной вывод автора сводится к тому, что современные якуты - народ смешанного происхождения.

В начале 1940-х годов разработкой данной проблемы занимался крупный советский этнограф С.А. Токарев. Он выдвинул идею, что якуты сложились на Средней Лене, на базе смешения различных этнических компонентов, но при преобладании аборигенного начала.

Видное место в изучение этногенеза якутов занимает академик А.П. Окладников. В своей основной работе по истории Якутии он подчеркивал преобладающее значение южных элементов в складывании народности на Средней Лене. Он, вслед за Б.Э. Петри, Г.В. Ксенофоновым, искомым югом, откуда проникли на север тюрки, считал Прибайкалье. Курыканы или их потомки начали продвижение на север в X в. и весь этот процесс завершился в XVI в. (1955 г.).

В дальнейшем этим вопросом занимались И.В. Константинов и И.Е. Зыков и другие. Таково историческое наследие рассматриваемой проблемы.

По современным представлениям, в истоках этногенеза якутов (так и тюркоязычных народов Южной Сибири) прослеживаются скифо-хуннские

компоненты, состоящие из двух составных частей - скифо-сибирской и хуннской. С этой точки зрения, истоки этногенеза уходят своими корнями в общую региональную культуру ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Она стала основной для формирования ряда тюркоязычных народов Сибири. Для всех этих народов "этногенетическим моментом", или условной точкой этногенеза, стала эпоха скифо-сибирского культурного единства.

Скифо-сибирская эпоха имела кардинальное значение в сложении раннекочевнического мира на евразийских степях, в недрах которого постепенно происходило сложение прототюркского субстрата.

От этого древнейшего начального "скифо-арийского" истока этногенеза сохранились некоторые реликтовые проявления в традиционной культуре якутов. Они зафиксированы и в языке народа, большей частью в религиозных терминах. Например: як. *aap* обозначает сакральную чистоту, благородство, сопоставляется с др. иран. * *aru* "чистый, благородный" и др. инд. ** *arja* "хозяин, господин" и как эпитет бога. Др. инд. *arta* обозначает также сакральное речение идеального характера и собственное имя божества (как у як. *Aap тойон*), др. иран. *sur-sura* "сильный, сильная", як. *сур*, духовная сила человека. Якутское *айыһ* "творение, общее название творцов-создателей". Оно встречается в др. тюрк. и в языках народов Южной Сибири. Возможно его сопоставление с индоевропейской основой *ai* "живое существо"; др. инд. *Ai* "богиня-мать", як. *Айыысыт*, богиня плодородия и деторождения. Авестийское *kavi* "мудрец", "шаманствующий", як. *кэб*, все принадлежности шамана у северных якутов. Кроме того, *kavi* в буквальном переводе "запевающий при совершении жертвоприношений", як. *кэбин* "предсказывающий об участии", "жребий"; др. инд. *vidmdn* "знание"; як. *бит* "знак, признак, предчувствие"; як. *биттэн* "узнавать по приметам" и др.

Якутско-индоиранские языковые соответствия прослеживаются и в бытовой лексике. Например: др. инд. *vis* "род, племя", як. *биис*, в том же значении; *vispati* "глава рода", *биис баһа* "глава рода"; др. инд. *ostha*. авест. *aosta* "губа", як. *уос* "губа"; инд. иран. *manī* "ожерелье", як. *монньу* "шея";

* Др. иран. - древнеиранский язык.

** Др. инд. - древнеиндийский язык.

др. инд. *dheni* "корова", як. *тицэһэ* "трехтравая корова"; др. иран. *padis* "загон для скота", як. *наадьы* "опекун", в мифологии *Наадьы Ньаха*, хозяйка скота, богиня-охранительница скота вообще. Общеиранское *kata* "хлев", "жилище типа землянки", можно сопоставить с бурятско-якутским хотон "помещение для скота"; а др. иран. *vida* "строить жилище", с як. *бутэй* "плотный, сплошной, глухостенный"; др. иран. *aman* "наставлять" с як. *амаан тыл* слова наставительного, назидательного характера; ирано-осетинское *urmathu* "моль" с як. *үрүмэччи* "моль".

Выявляемая связь якутской культуры со скифо-сибирской эпохой, видимо, объясняется тем, что самый ранний пласт в этногенезе саха составили какие-то древние рано отуреченные группы индо-сакского происхождения, связанные с племенами Горного Алтая.

Популяционно-генетические исследования системы HLA в крови, проведенные В.В. Фефеловой среди монголоидных популяций Сибири, показали, что "якуты по происхождению не монголоиды, а европеоиды". По предположению исследователя, затем произошло смешение древних европеоидов с монголоидными племенами, что могло превратить предков якутов в тюр-коязычную монголоидную этническую общность.

О родстве якутов с хуннами выдвинули предположения Г.В. Ксенофонов и А.Н. Бернштам. О хуннском компоненте в орнаментике якутов высказывался С.В. Иванов. Профессор судебной медицины А.Д. Григорьев показал сходство химического состава и формы волос хуннов из ноин-улинских княжеских погребений с волосами современных якутов. Кроме того, у них наблюдаются параллели в материальной культуре. Истоки этого "хуннского" комплекса в якутской культуре нашли отражение в религиозных верованиях. В частности, с ними связывается ысыах, праздник обновления природы, в своем близком варианте существовавший у хуннов. Это также доказывается наличием у хуннов термина *тун* в обозначении кумыса. Якутский *тунах* /как хакасский *тун*/ обозначает "обилие молочной пищи", "брызгание кумысом во время ысыаха".

Таким образом, хуннское время оказало определенное влияние на формирование древних основ якутской культуры.

Считается, что западные районы Центральной Азии и отчасти Алтай являлись местами формирования тюркских племен. Ранний период этнической истории древних тюрков начинается с III в. н.э. и проходил в ираноязычной тохарской среде Восточного Туркестана. После 460 г. тюрки переселились в Южный Алтай и включили в свой состав некоторые местные племена, в том числе и остатки ираноязычного населения.

Разгром жужжаней тюрками в 552 г. привел к созданию Первого тюркского каганата и началу древнетюркской эпохи. В ней происходило формирование основ современных тюркоязычных народов Сибири. О. Бётингк, В.Л. Котвич, С.Е. Малов, Н.А. Баскаков, Е.И. Убрятова Н.К. Антонов и др. тюркологи отнесли якутский язык к числу древнейших тюркских наречий и определили время отделения его V-VII вв. Действительно, многие бытовые древнетюркские слова в якутском языке сохранились без лексико-фонетического изменения. Это говорит о том, что тюркские основы якутского языка принадлежали к "стандартному" тюркскому языку, т.е. восточной группе древнетюркских диалектов (языков). Вместе с тем тюркская основа якутского языка с индоиранским субстратом отделилась от других тюркских наречий в древности и прошла длительный самостоятельный путь развития.]

В целом, в формировании якутской культуры участвовали два отдельных тюркских компонента. Один из них, составивший основу современного якутского языка, был близок к древнеогузскому и отделился от родственных наречий примерно в VI в. Им, видимо, являлся язык прибайкальских курыкан. Можно предположить, что в развитии этого языка определенную роль сыграли кыргызы и особенно древние уйгуры. Под влиянием местного монголоязычного населения происходило становление хозяйства курыкан со стойловым содержанием скота. Впоследствии курыканские предки занесли в бассейн Средней Лены специфическую форму оседлого скотоводства, стали строить жилища, лепить глиняные горшки. Они унаследовали также свой основной физический облик.

Вторым тюркским компонентом, вошедшим в состав якутского языка, был язык кыпчакского типа. С носителями этого языка связывается самоназвание народа «саха» и этноним «ханалас»

Археологические материалы позволяют определить кыпчакскую "экспансию" в Сибири XIII-XIV вв. Хотя в историческом плане она продолжалась и после распада Белой Орды (первая половина XV в.).

В формировании якутского языка особую роль сыграли монгольские языки. Считается, что эти заимствования в языке произошли не раньше XII-XIII вв. Другие предполагают более раннее происхождение якутских монголизмов, датируемых эпохой образования первых "кочевых государств". Думается, что и те, и другие правы, т.к. эти контакты продолжались достаточно долгое время, в течение которого предки якутов несколько раз сталкивались с различными монголоязычными племенами. Так, в якутском языке обнаружено 2500 слов монгольского происхождения, причем монголизмы тяготеют к восточным монголам. В этом плане довольно явственно выступают якутско-бурятские параллели в языке и культуре. Антропологи подчеркивают краниологическую близость этих народов. Среди якутов выявлены бурятские этнонимы такие, как *батылы*, *хоро*, *барын*, *борто*, *нохой* и др. Это родство также определяется наличием общих предков в лице курыкан. К якутам особенно близки *булагаты* и *эхириты*. Уместно тут привести данные Ц.Б. Цыденданбаева о том, что в языке эхиритов до XVII в. активно сохранялся фонетический строй тюркского языка. Все это, вероятно, говорит о том, что тюркоязычные курыканы находились в интенсивном контакте с местными монгольскими племенами Прибайкалья. В дальнейшем это наследие и послужило антропологической основой сложения бурят и якутов.

Филологи считают, что мощное влияние монгольского языка на якутский произошло на Средней Лене в XIII-XV вв. Оно пока не подтверждается археологическими данными. Хотя с монголоязычной средой связаны навыки ведения оседлого скотоводства с практикой заготовки сена на зиму, способы подледного рыболовства, зимние конструктивные детали юрты для ее утепления, терминология, связанная с черным шаманством и др.

В 1970-1980-х годах в Центральной Якутии впервые были обнаружены скотоводческие поселения, датируемые XIV-XV вв. Эти памятники составили особую кулун-атахскую археологическую культуру. Вещи из этих поселений проявляют близкую связь с аналогичными находками из археологических культур Прибайкалья, Южной Сибири, в основном, датируемых курыкано-уйгурским временем (VI-X вв.). Но часть кулун-атахского комплекса несет на себе печать традиций раннего железного века Якутии.

Принято считать, что этнос приспосабливается к определенному ландшафту в период своего формирования. С этой точки зрения, якуты как народность сформировались в бассейне Средней Лены, т.е. на территории Центральной Якутии. Пришлые скотоводы кулун-атахцы произвели определенные изменения в хозяйственной жизни региона - привели с собой лошадей и коров, организовали сенокосно-пастбищное хозяйство в Якутии.

Обзор вещевого комплекса из памятников XVII-XVIII вв. показал его глубокую связь с материальной культурой кулун-атахцев, ставшей основой развития традиционной культуры якутов. Вместе с тем наблюдается существенное изменение культуры, происходящее как под влиянием автохтонной этнической среды, так и дальнейшим ее приспособлением к местной природной среде.

Инвентарь из якутских погребений XVII-XVIII вв. находит свои ближайшие аналогии в вещах из археологических культур сопредельных территорий, датируемых в основном поздним средневековьем. Притом, подавляющее число аналогий происходит из территории Южной Сибири, преимущественно охватывающий районы Алтая и Верхнего Енисея в пределах X-XIV вв. Параллели, прослеживаемые между курыканской и кулун-атахской культурами, в это время как бы ослабевают. Вместе с тем, вырисовывается панорама былых кыпчако-якутских связей по сходству черт материальной культуры. С ними необходимо связать также обряд погребения с конем, особенно с остовом коня, чуждый как для курыкан, так и для монголоязычных предков якутов. Все это возникло под воздействием позднесредневековой кыпчакской среды.

Как известно, этногенез покоится на трех главных компонентах: историко-культурном, языковом, антропологическом. Оседлое скотоводство, сочетающееся с рыболовством и охотой, жилища и хозяйственные постройки, одежда, обувь, орнаментальное искусство, религиозно-мифологические воззрения якутов имеют южносибирскую, в своей основе тюркскую, платформу. Устное народное творчество, народные знания, обычное право, имея тюрко-монгольскую основу, окончательно сформировались в бассейне Средней Лены. Исторические предания якутов происхождения народа связывают с процессами переселения. Именно пришлые группы,

возглавляемые Омогоем, Эллэем и Улуу-Хоро, составили основной костяк якутского народа. В лице Омогоя можем усмотреть потомков курыкан, принадлежавших по языку к огузской группе. Но их язык, видимо, испытал влияние местной прибайкальской и пришлой средневековой монголоязычной среды. Эллэй олицетворял собой более поздних выходцев из Южной Сибири. Кыпчакские привнесения в якутском языке представлены редко употребляемыми словами. Следовательно, эта группа не оказала ощутимого воздействия на фонетический и грамматический строй языка старотюркского ядра якутов.

Предания об Улуу-Хоро отразили приход монголоязычных компонентов на Среднюю Лену. Это согласуется с языковыми данными. Следовательно, якутский язык по грамматическому строю принадлежит к огузской группе, по лексике - огузско-уйгурской и отчасти кыпчакской. В языке выявляется древний "подпочвенный" слой лексики индоиранского происхождения. Монгольские заимствования в якутском языке происходили на протяжении длительного времени в два или три этапа. Относительно малочисленны слова эвенкийского происхождения.

Формирование современного физического типа якутов завершилось не ранее середины II тыс. до н.э. на Средней Лене, на основе смешения пришлых и аборигенных тунгусских племен. В южном антропологическом пласте якутов возможно выделение двух типов - мощного центральноазиатского, представленного прибайкальским ядром, испытавшим влияние монгольских племен, и южносибирского антропологического типа с древним европеоидным генофондом.

Принято считать, что завершение процесса этногенеза происходит в момент возникновения отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого становится общее самосознание. Якутское самоназвание - *саха*, этимологией которого интересовались многие исследователи. Основа его, видимо, восходит к названию *saка*. Через него в средневековье произошли тюркские этнонимы: *соккы* (хак.), *сахал* (каз.), *сакоо* (кирг.), *сакалык* (сары уйг.), *сактар* (бараб.тат.), *сакар* (турк.), *сахасахалар* (як.). Все они, так или иначе, были связаны с кыпчаками.

В целом, хозяйство, культура, язык и физический облик якутов окончательно сформировались на Средней Лене. Приспособление хозяйства и культуры южных пришельцев к новым природно-климатическим условиям Севера происходило в основном за счет дальнейшего усовершенствования своих традиций, но естественная для новых условий эволюция культуры выработала многие специфические особенности, присущие якутской традиционной культуре.

Таким образом, завершение этногенеза и формирования якутской культуры на Средней Лене произошло во второй половине XVI в.*

В якутских преданиях XVII в. определяется эпохой Тыгына и тыгынидов. А.П. Окладников назвал его «якутским царем». Его дедом был Баджай. О нем сохранилось воспоминание как об исключительно богатом и могущественном властелине, имевшем много скота, воинов, слуг и рабов, жившем на коренных кангаласских землях. От его старшего сына Мунньан Дархана родился Тыгын. Последний в исторических легендах изображен в мрачном свете. Тыгын неустанно преследует другие роды и племена, убивает их воинов-богатырей, возможных претендентов на власть.

По материалам Я.И. Линденау, наследником титула правящего рода *тойон-ууса* стал Тыгын, младший сын Мунньан Дархана. Старшие братья Тыгына были крайне раздосадованы тем, что отец отнял у них преимущество в наследовании его прав, и поссорились с Тыгином. Ссора же сыновей Мунньан Дархана вызвала волнение в народе. Междоусобные распри между наследниками Мунньан Дархана во второй половине XVI и в начале XVII в. привели к эпохе войн и раздоров - *кыргыз үйэтэ*, окутанная маревом пожаров и дымящейся человеческой крови.

На склоне лет Тыгын стал повелителем большинства якутских родов и племен. Долина Туймаада с центром вокруг оз. Сайсары становится поли-

* В формировании северных якутов-оленоводо-в, особой этнографической группы, решающую роль сыграли носители исходной якутской культуры - амгино-ленские якуты. Последние постепенно проникали в эвенкийскую среду, приспособляя свое хозяйство к условиям лесотундры и тундры. И уже к 1660-м гг. в этническом составе населения низовьев Лены преобладали якуты. В дальнейшем шло освоение ими территории до Хатанги на востоке. Параллельно шло интенсивное перемешивание различных тунгусских родов и их сближение с якутами на основе взаимных браков. Процесс оформления северных якутов в основном завершился в середине XIX в., в котором также приняли участие потомки русских старожилов.

тическим и культурным сосредоточием сформировавшейся якутской народности.

"Фигура Тыгына,- писал акад. А.П. Окладников в I-ом томе "Истории Якутии", - мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника самого Улуу тойона, каким представляли его сородичи, уже при жизни сливалась на этом фоне с величественными образами эпических богатырей и божеств... Наконец, даже и сама по себе гибель Тыгына связана была с крупнейшим историческим переломом в жизни якутов, появлением русских на севере и обрисована в величественных чертах эпической драмы".

Я.И. Линденау в 1740-ых годах писал, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приездом первых воевод в Якутский острог. Восстание 1642 г., во время которого был убит Осип Галкин, Линденау объяснял стремлением сыновей Тыгына - Бэджэкэ, Окурея, Чаллая освободить отца и отомстить за унижение, которому он подвергался в плену. Следовательно, Тыгын умер до указанного восстания, будучи в престарелом возрасте, примерно где-то до 1640 года.

После смерти Тыгына, одного из знаменитых отпрысков Эллэя, в Якутском крае начинается новая эпоха, время новых героев и событий - начинается писаная история Якутии.]

§ 3. Присоединение Ленского края в состав Русского феодального государства

Все началось с 1619 г., когда тунгусский князец из Верхней Тунгуски Илтик, находясь в остроге Енисейск, рассказал казакам о "великой реке", расположенной где-то на востоке, по которой "ходят суды большие и колоколы на них великие естъ, звон их они слышат часто, и из пушек с тех больших судов стреляют". Служилые поспешили об этом доложить тобольскому воеводе. В дальнейшем от тунгусов-буляшей мангазейские казаки впервые узнали название этой реки "Лин".*

* Землепроходец Пенда докладывал, что енисейские эвенки называют большую реку на востоке *Елюенэ*. Топонимисты полагают, что название Лена восходит к эвенкийскому *Елюенэ* со значением «река», «Большая река». Эти гидронимы являются производными от корневого элемента *Лэнэ-линэ* – «очень большая река».

В 1620-х гг. первым достиг Лены промышленник П.Д. Пенда. О том, что Пенда действительно побывал в центре Якутской земли, свидетельствуют и якутские предания. В рассказах о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому неведомые пришельцы - первые русские. Эти новые люди, поразившие якутского вождя умением работать и своей мудростью, появились неожиданно и так же неожиданно исчезли.

Вернувшись обратно, П. Пенда составил первое письменное известие о своих открытиях, которое и явилось поводом к дальнейшему исследованию и заселению русскими восточных областей Сибири.

В 1629 г. С. Новицкий выделил особую группу из 30 человек и поручил ей "про те новые земли проведать и тех новых землиц людей под государеву высокую руку призывать". Эта группа из Мангазеи под предводительством А. Добрынского с верховьев Нижней Тунгуски по Чоне добралась до р. Вилюя и по ней спустилась на Лену, где она наткнулась "на конную якутскую орду". Это произошло в 1630 г. после безуспешных попыток сбора ясака с местного населения отряд вернулся в Туруханск, а затем в Тобольск.

Летом 1631 г. с верховьев Лены в самый центр Якутской земли приплыл новый отряд енисейского атамана И.А. Галкина. Здесь они привели в подданство 5 князцов: Сергуя, Буруху, Ногуя, Ижила и Семена. Собрав ясак, спустились по Лене до устья Алдана. Здесь они "побили" жителей, "жен их и детей в полон взяти". Это были первые пробы, во время которых проводилось географическое уточнение бассейна Лены. Но включение Ленского края в состав Русского государства завершил енисейский сотник Петр Бекетов. После многочисленного сопротивления "якуцких людей" в сентябре 1632 г. сотник поставил Ленский острог на территории Намского улуса. За год казаки подчинили земли 31 князца, составлявшие почти всю Центральную Якутию. Не обошлось и без крайних жестокостей. Так, в марте 1633 г. в Оспекской волости /Усть-Алданский улус/ казаки, не взяв приступом, сожгли несколько якутских острожек /деревянных крепостниц/, где от огня погибло 87 человек.

В последующие годы были присоединены к "русским землям" бассейны Вилюя, Олекмы. Алдана, Май и Жиганская земля. Одновременно происходило освоение русскими районов Заполярья. Так, в 1633-1638 гг. отряд Ильи Перфильева открыл реки Оленек, Яна, Индигирка. В 1642 г. Дмитрий Зырян проплыл всю Алазею. В следующем году вместе с Михаилом Стадухиным открыл Колыму. До 1646 г. были поставлены три острога - Нижнеколымск, Верхнеколымск и Среднеколымск. В 1648 г. Семен Дежнев открыл р. Анадырь и построил Анадырское зимовье. В Якутск вернулся он только весной 1662 г., после более чем двадцатилетнего путешествия.

В административном плане с 1641 г. образовался Якутский уезд, непосредственно подчиненный Сибирскому приказу в Москве. Уезд состоял из отдельных волостей, которые соответствовали местом проживания родов и крупных этногрупп. С 1640-х гг. Якутский уезд состоял из 35 волостей, и в таком положении находился вплоть до второго десятилетия XVIII в.

Полный список названий этих волостей опубликовал С. А. Токарев. Они следующие: Кангаласская, Батурусская, Хатылинская, Нюрюктейская, Мегинская, Бетюнская, Намская, Борогонская, Чумецкая, Атамайская, Сыланская, Дюпсинская, Скорульская, Емкюнская (Жемконская – А.Г.), Бояназейская, Хатырыгская, Нахарская, Подгородная, Модутская, Оспекская, Чериктейская, Батулинская, Мальжагарская, Одейская, Бординская, Гурменская, Баягантайская, Олеская, Ордутская (Ергетская А. Г.), Тагусская. Все эти волости назывались «подгородними», хотя они занимали всю огромную территорию Центральной Якутии, впоследствии образовавшую Якутский округ.

Местонахождение всех этих волостей легко находить по названиям улусов, сохранившимся вплоть до первых десятилетий советской власти.

В 1641 г. в Якутский острог прибыл первый официальный наместник вновь присоединенных земель Петр Головин. При нем острог был перенесен на "Еюков Луг", близ оз. Сайсары, ставший основой города Якутска. Его окружал тын с пятью башнями. Внутри находились воеводский двор, съезжая и таможенная избы, амбары с казной, тюрьма, пытошная изба, церковь и жилые дома.

Строительство острога было завершено в 1643 г. Со всего коренного населения взималась дань, называемая ясаком. Наиболее распространенной нормой была шкура одного соболя с одной или двух коров. В дальнейшем дополнительно стали облагать и другими податями и повинностями.

Неудачи якутских князцов, которые не раз организовывали сопротивление ясачному режиму, показали трудность и сложность борьбы с русскими отрядами, вооруженными не только огнестрельными ружьями, но и психологией превосходства большого "государственного" народа. Тем не менее, затруднения испытывала и русская администрация. Во время восстания 1642 г. якуты быстро уничтожили отряды ясачных сборщиков, по численности не уступавшие отрядам, действовавшим в Якутии еще в 1630-х годах. Между тем большая часть якутского населения постепенно убеждалась в выгодности мирных связей с русскими.

Злоупотребления воеводы П. Головина были настолько великими, что царь назначил новых правителей Якутского воеводства В. Пушкина и Сутонеева. Они по дороге получили очередную мирскую челобитную на Головина. Там, в частности служилые люди писали, "...якутов, князцев лутчих людей пытал и огнем жег и кнутом бил больше месяца... после того своего сыску тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека... Да в том же изменном деле многие якуты с пыток и с холоду в тюрьмах померли... многую налогу и тесноту делал... а как приехали якуты с ясаком, князцев и лутчих людей на морозе морил..." (Воеводческая Сибирь // Восточное обозрение. 1889. 8 января).

Преемники П. Головина В. Пушкин и последующие злоупотребляли властью не менее своего предшественника.

В 1630-1640-х годах приток русского населения в Якутию был более сильным, чем в последующие десятилетия XVII в. В 40-х годах его численность равнялась уже десятой части численности коренного населения. Оно составило основу сложившегося позднее русского старожильского населения Якутии. Через Якутск в эти годы проходило свыше тысячи промышленников. Но с упадком соболиных промыслов на протяжении второй половины XVII в. они стали уходить из Якутии. Но оставшаяся часть промышленников образовала на Анадыре, Колыме, в низовьях Лены

и Оленька русское население. Тогда же выявились районы, в которых возможно было ведение земледелия. Такими местами стали устье Олекмы, Якутск, среднее течение Амги.

Администрация отводила крестьянам земельные участки и помогала семенами и деньгами на приобретение земледельческих орудий и рабочего скота. Вся обрабатываемая земля делилась на части: одна из этих частей называлась десятинной пашней, весь урожай с которой сдавался государству. Другая часть называлась собиной пашней, т.е. собственной запашкой. В целом, посевы были маленькие, урожаи - низкие. Тем не менее, этим делом стали заниматься и якуты. Так, уже с 1670-х гг. около полутора десятка их было посажено на десятинную пашню.

В крае сравнительно ускоряется развитие торговли. Началось распространение русских монет и вызванные ими товарно-денежные отношения.

Включение Якутии в состав Русского государства в относительно короткое время объяснялось не только политикой феодального правительства, направленной на захват новых территорий и расширением сферы грабежа, но устанавливавшимися хозяйственными связями между её народами и переселяющимся русским населением.

§ 4. Традиционная культура аборигенов Якутии в XVII- XVIII вв.

В традиционной культуре народов Якутии до конца XVIII в. не происходили существенные изменения. С учётом этого в данном разделе даётся общая характеристика культуры коренных народов края XVII – XVIII вв.

Чукчи. Русские впервые столкнулись с чукчами в середине XVII в. В 1642 г. казак Иван Ератов с отрядом встретил их к западу от Колымы на р. Алазее. В 1644 г. был основан Нижнеколымский, а в 1649 г. Анадырский остроги. Отсюда русские вошли в соприкосновение с чукчами.

В XVII в. чукчи являлись наиболее крупным этносом северо-восточной Сибири. Они занимали область, лежащую на востоке и юго-востоке от низовьев Колымы, которая гигантским клином разделяет Ледовитый океан и Берингово море. Приход русских не остановил продвижения оленных групп чукчей на запад, продолжавших теснить и ассимили-

ровать юкагиров. Не помогла постройка Нижнеколымского и Анадырского острогов, фактически взявших юкагиров под свою защиту. Это стало одной из причин русско-чукотских военных столкновений, особенно обострившиеся в XVIII в. Так, в марте 1730 г. у р. Парен чукчи разгромили специальный отряд казачьего головы А. Шестакова из 150 человек. Погиб сам голова. В том же году отряд Павлуцкого из 500 человек прошелся по чукотским поселениям, опустошая их и угоняя тысячи оленей. Но чукчи не были покорены. В 1743-1747 гг. Д. Павлуцкий организовал 4 похода на них. Во время последней карательной экспедиции погиб сам воевода. Но и на этот раз чукчи не были покорены. Эти походы продолжались до 1752 г. Л. Н. Гумилёв чукчей отнёс к т.н. «некомплиментарным» народам Сибири.

Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга открыла северо-западные берега Америки и часть Алеутских островов. Она установила дорогу к ним, минуя Чукотку, морем через Охотск и Камчатку. Это приостановило организацию военных походов на Чукотку. С 1755 г. с чукчами установились мирные отношения. Но на территории чукчей, как отмечает Ф.Г. Сафронов, "ясачные зимовья и остроги не были поставлены и русские за ясаком в их стойбища не ходили". Они приносили ясак по доброй воле и числились подданными Русского государства лишь номинально. В 1771 г. Анадырский острог, как дорогостоящий казне, был ликвидирован. Зато оживились торговые связи с ними. Это способствовало постепенному сближению чукчей с русскими. Была организована Анюйская ярмарка, проходившая в марте. Сюда приносили ясак, сколько считали нужным, рассматривая его как взнос за право торговли, глубинные чукчи вообще ничего не платили. Устав 1822 г. узаконил это положение, согласно которому чукчи и впредь должны были платить "по собственному произволу". Такое положение фактически осталось до установления советской власти. Зато восточноевропейская цивилизация мало коснулась их, и первобытно-патриархальный быт у чукчей не был поколеблен.

Чукчи подразделялись на две обособленные в культурно-хозяйственном отношении группы: пастухов-оленоводов, кочевавших в тундре, и морских зверобоев, оседло живших на побережье океана.

Чукотское оленеводство имело ряд особенностей, характеризующих его как ранний этап одомашнивания оленей. Оно также не знало пастушьей собаки.

Основной формой поселений оленеводов были стойбища, состоящие из нескольких переносных жилищ шатрового типа - яранг. Они располагались в ряд, вытянутый с востока на запад. Первый в ряду с востока ставилась яранга главы кочевой общины. Остовом жилища служил каркас из деревянных жердей. Сверху его покрывали покрышками, сшитыми из оленьих шкур шерстью наружу, и обтягивали ремнями. Пол устилали шкурами. Внутри яранги устраивались помещения для отдельных брачных пар - пологи. Для его освещения и отопления пользовались жировой лампой-плошкой с фитилем из мха. Для приготовления пищи в общей части яранги разводили костёр. Чукчи использовали оленя только в упряжке. Нарты были двух типов: легкие (ездовые) и тяжелые (грузовые). Управляли оленями ременной вожжей, пристегнутой справа, и длинным хлыстом.

Приморские чукчи известны по историческим документам с 1648 г., со времени плавания С. Дежнёва. В XVIII и XIX вв. у них неоднократно бывали русские казаки, посылавшиеся из Анадырского острога, а также русские путешественники и мореплаватели, топографы и купцы. Основным занятием приморских чукчей считалась охота. Главными промысловыми животными являлись морж, кит, несколько видов тюленей (главным образом нерпа и морской заяц - лахтак). Основным орудием охоты являлись гарпуны. Зимой и весной на нерпу охотились у отверстий во льду, проделываемых нерпой для дыхания. Их искали при помощи специальных собак и ставили в него сеть в форме люльки, в которой запутывался тюлень. В другом случае охотники садились около отверстия с подветренной стороны и ожидали появления зверя. Услышав дыхание подплывающего тюленя, бросали в него гарпун.

Весной, когда тюлени вылезали через продох (отверстие) на снег греться на солнце, охотники подползали к зверям и убивали их гарпунами. Летом охотились на тюленей с небольшой байдарки (кожаной лодки) или сетью, сплетённой из тонкого прочного ремня, сделанного из шкуры лахтака.

Охота на моржа и на кита производилась коллективно. В охоте на кита участвовало несколько байдар. Осторожно на вёслах приблизившись к киту, охотники бросали в него гарпуны, снабженные 2-3 парами поплавков, мешающих киту нырнуть под воду. Добивали обессиленного кита специальным длинным копьём и буксировали к берегу.

Продукция морского зверобойного промысла для приморских чукчей имела громадное значение. Она же шла на корм ездовым собакам. Шкуры нерпы использовались для пошива летней одежды и обуви. Шкуры моржей употреблялись при устройстве яранги (летняя крышка, подстилка на полу) на обтяжку байдар. Из шкур лахтака делали подошвы и ремни для хозяйственных и промысловых нужд. Моржовый клык шёл на мелкие поделки, кости кита – на полозья для нарт.

Рыболовство у чукчей, кроме живших в бассейнах рек Анадыря, Колымы, почти не имело значение. Приморские жители ловили летом навагу небольшим сачком с грузом на дне и ловили с байдарки палтуса и треску. Чукотская сеть, которой промыслили летом в бухтах, реках и озёрах гольца и горбушу, была очень узкой и короткой.

Птиц добывали особым метательным орудием, состоящим из 5-6 толстых шнурков, сплетённых из оленьих сухожилий, на концах которых прикреплялись камешки, а другие концы шнурков связывались вместе. Такой снаряд, брошенный в летящую стаю, опутывал птицу, и она падала на землю. Использовались также метательная дощечка с дротиком. На гаг охотились в конце июля, во время плавания птиц недалеко от берега. Их окружали на байдарках и били палками. С охоты привозили полные байдарки гаг. Поэтому охота на них служила большим подспорьем в хозяйстве.

Основной пищей чукчей-оленоводоов являлось оленьё мясо и содержимое оленьего желудка – *рилькэиль*. Оно представляет собой массу мелких растительных волокон, напоминающих зеленоватую кашу. Его отжимали, прибавляли к нему кровь, жир, нарезанные кусочками тонкие кишки оленя и варили. Рилькэиль был обычным завтраком оленных чукчей.

Приморские чукчи впрок заготавливали только мясо крупных животных – белухи, кита и моржа. Способ заготовки мяса был прост: тушу (например, моржа) разрезали вместе со шкурой на большие части, до 80 кг. каждая,

зашивали в эту шкуру и складывали в вырытые ямы. Мясо не солили, и таким образом получалось квашеное мясо. Им питались в течение всей зимы.

В пищу также шли листья кормовой ивы, дикого щавеля и съедобные корни, которые заготавливали впрок. Приморские летом употребляли морские водоросли с жиром в сыром и варёном виде. Лакомством считались колобки, приготовленные из толчёных корней, смешанных с мясом и жиром. Посудой у чукчей служили различные блюда из дерева, кости и кожаные сосуды; ложки из дерева и кости; сосуды из позвонка кита; мешки из цельных нерпичьих шкур. В них хранили нерпичий жир, мясо, растительную пищу.

Украшениями у чукчей служили браслеты и ожерелья из бус. Мужские причёски были весьма разнообразны. Обыкновенно чукчи брили верхнюю часть головы, оставляя волосы у лба и на затылке в виде кружка. Обычная причёска женщин – две туго заплетённые косы, концы которых связывались вместе ремешком.

Селения приморских чукчей состояли обычно из 2-20 яранг, разбросанных на некотором отдалении друг от друга. Размеры селения определялись промысловыми возможностями того или иного района. К приходу русских чукчи жили в полуземлянках. Круглый каркас жилища делали из челюстей и рёбер кита. Отсюда её название *валхаран* – «дом из челюстей кита». Покрывали каркас дёрном и засыпали сверху землёй. Жилище имело два выхода: длинный коридор, которым пользовались только зимой, т.к. летом его заливало водой, и круглое отверстие сверху, закрываемое лопаточной костью кита, служившее только в летнее время. В центре жилища помещался большой жирник, горевший целые сутки. По всем четырём сторонам полуземлянки устраивали возвышения в виде нар, и на них сооружали по числу семей пологи обычного типа.

Приморские около яранг устанавливали 4 китовых ребра с поперечинами на высоте около 2-х метров от земли. Потом на них ставили нарты, а зимой байдары, чтобы предохранить от собак ремни, скрепляющие нарты и кожаные покрышки байдар.

До XIX в. поморами употреблялись собачьи упряжки веером в дугокопильную нарту. Пользовались также лыжами — ракетками ступательного типа.

В XVII-XVIII вв. чукотское общество являлось патриархальным, но потерявшим основные формы родовой организации. Это было общество с известными пережитками первобытнообщинных отношений и заметной имущественной и социальной дифференциацией. У них отсутствовали такие показатели родовой организации, как экзогамный обычай (запрет вступать в брак внутри рода) и родовое самоуправление. Знали патриархальное рабство. Рабы, мужчины и женщины, захватывались во время военных столкновений с эскимосами, юкагирами и коряками. Они жили в яранге хозяина, пасли его оленей и выполняли другие хозяйственные работы. Иногда рабом считались и чукча-убийца или кто-нибудь из членов его семьи, выданный родственникам убитого. Этот человек приходил в семью убитого, и выполнял всю его работу, заменяя мужа его жене и отца его детям.

Пушной промысел получил развитие в связи с ростом товарообмена.

Мужчины обычно носили две свободные рубахи: нижнюю мехом к телу, верхнюю мехом наружу. Они одевались через головы. Подол, рукава и ворот обшивались пушистым мехом. Верхняя рубашка имела капюшон. Мужчины носили две пары штанов длиной до щиколоток. Короткие сапоги, надевавшиеся на меховой чулок, подвязывали ремнями. Зимой надевали капор с накидкой, закрывающей шею и грудь. Верхняя рубашка подпоясывалась ремнем. К нему привешивались нож и кисет.

Женщины носили свободный двойной комбинезон длиной до колен и меховые сапоги. Поверх комбинезона надевали меховую рубаху, подобную мужской. Летом ограничивались одним комбинезоном, сшитым мехом вовнутрь.

У чукчей, как и у эскимосов, долго сохранялся обычай татуировки, наносившаяся с целью охраны от злых духов.

Обычным условием заключения брака была отработка за невесту. Калыма не знали. Существовал также брак путём похищения и путём обмена женщинами. Свадебный обряд состоял из помазания кровью принесённого по этому случаю в жертву оленя. Причём невесте наносили на лицо знаки

помазания семьи жениха. Жена переселялась в семью мужа. Таким образом, в общественных отношениях с одной стороны, у них сохранялись пережитки матриархальной организации при хорошо проявляемых патриархальных порядках, с другой - чётко выступали признаки соседской общины и в этой связи отчетливо сказывалось имущественное и социальное неравенство.

По представлениям чукчей, весь окружающий мир был населен духами, которые ведут жизнь, подобную жизни людей. Они являлись причинами болезней и смерти. Человек может воздействовать на мир духов, снискать расположение добрых и обезопасить себя от злых. Для этого использовали различные амулеты, приносили духам жертвы. Наиболее действенными в борьбе с духами считались хранившиеся в каждой семье антропоморфные дощечки, при помощи которых добывали огонь, связки амулетов в форме человеческих фигур и бубен.

Шаманы резко не выделялись среди остального населения. Не имели особого костюма. Отличались они лишь по большому количеству амулетов, нашитых на одежду.

Оленеводы отмечали праздниками время массового убоя оленей, время отела ("праздник рогов").

У приморских чукчей - жертвоприношение морю, праздник байдары, праздник голов, праздник Кэрэткуна.

Важным моментом праздников было жертвоприношение. В жертву духам приносили оленей (у оленных), а также маленькие фигурки оленей из жира, корней растений, снега и др.

Первый и второй осенние убои оленей являлись главными праздниками оленеводов. Совершался обряд помазания кровью людей и нарт. Ели жертвенное мясо, и члены семей по очереди ударяли в бубны. На таких праздниках часто присутствовали родственники и друзья из приморских чукчей и эскимосы, привозившие продукты морского зверобойного промысла в обмен на шкуры и мясо оленей. Обычно на праздниках устраивались состязания в беге.

Праздник жертвоприношения морю поморы совершали в конце лета или осени. В сопровождении женщины лучший охотник в семье приходил

к морю с охотничьим снаряжением. Женщина приносила жертву: кровавую похлёбку и кусочки колбасы из оленьих кишок, а охотник «показывал» морю своё снаряжение и просил удачи в промысле.

Ранней весной устраивали праздник байдарки. Утром байдарку снимали с вешал, и приносили в жертву морю мясную пищу. Затем все обходили вокруг жилища. Первой шла старейшая женщина семьи, за ней – хозяин байдарки, рулевой, гребцы и остальные участники обряда. Утром, совершив жертвоприношение морю, спускали лодку в море и отправлялись в первую поездку.

Летом, после окончания ловли тюленей на плавучих льдах, устраивали праздник голов. Из погребца вынимали головы моржей и лахтаков и клали на шкуру посередине яранги. К самой большой голове привязывали длинный ремень и изображали вытаскивание из воды туши убитого моржа.

Праздник Кэрэткуна был посвящен «владельцу» всех морских зверей и устраивался поздней осенью. Длился от 2 до 3 суток, в зависимости от зажиточности семьи. Употреблялась специальная сеть из сухожилий оленя («сеть Кэрэткуна»), разрисованные вёсла, фигурки птиц и изображения самого духа из дерева в антропоморфной форме. Участники одевались в одежду из кишок моржа и специальные головные уборы. По окончании праздника, сопровождавшегося обильной едой в яранге, изображение Кэрэткуна сжигали на жирнике. Мусор и остатки жертвоприношений собирали и бросали в море. Считалось, что этим возвращали в море всех убитых зверей.

У чукчей существовало два способа погребения: сжигание трупа на костре и оставление его в тундре. Мёртвого одевали в похоронную одежду, чаще из белых шкур. Похороны сопровождались многочисленными магическими обрядами.

Добровольная смерть поощрялась. Считалось, что им в царстве мёртвых предоставляются лучшие места. Чаще такую смерть предпочитали старики.

Фольклор чукчей состоял из космогонических мифов, сказок о происхождении шаманов, сказаний о межплеменных столкновениях. Многие из чукотских мифов аналогичны корякским, ительменским, эскимосским и мифам североамериканских индейцев. В чукотских мифах о сотворении

мира встречается образ Ворона – Куркыля. Он проклевал в небе дыру, через которую пробился рассвет. Похитил у злого духа мячи с зашитыми в них солнцем, луной и звёздами, расклевав оболочку мячей, освободил светила. В других сказаниях он выступает в смешных и глупых положениях и часто оказывается одураченным.

Во многих сказаниях говорится о морских чудовищах, и о Кочатко – белом медведе с костяным туловищем и шестью лапами. Обширен раздел сказок о животных, птицах. Но в чукотском фольклоре отсутствуют загадки, мало пословиц, но популярны скороговорки. Пляски и пение были развиты слабо.

Юкагиры. Название "юкагир" не является самоназванием этого народа. Как, отмечали выше, верхнеколымские юкагиры называют себя *одул*, нижнеколымские – *вадул*. К началу русской колонизации племенные группы юкагиров занимали территорию от р. Лены до устья Анадыря. Они распались на 12 родовых групп. Так, в долинах Лены и Яны обитали яндагирцы, омороевцы, хромовцы; в бассейне Индигирки – олюбенцы, ягинцы, омокцы, когимцы, лавренцы; в бассейне Анадыря – чуванцы, анаулы, ходынцы. Б.О. Долгих по архивным данным определил, что в начале XVII в. юкагиров было около 5000 человек.

С середины XVII в. численность юкагиров стала быстро сокращаться. Причинами этого процесса, по мнению Б. Шишло, стали, во-первых, система заложников (аманатов), которые представляли "лучших людей". В середине XVII в. в аманатах находилось одновременно 6 % взрослого мужского населения в русских зимовьях и острогах. Кроме того, изъятие русскими юкагирских женщин, которые служили наложницами и циркулировали, как и дети, в качестве живого товара. В 1650-1680 гг. у юкагиров было отнято около 10 % лучших женщин. Во-вторых, страшные эпидемии оспы, кори, появившиеся с приходом русских. Уже к концу XVII в. от этих болезней умерло 50 % юкагиров. В-третьих, административный произвол и беззащитность юкагиров перед жестокостью казаков и промышленников*. В-четвертых, потеря юкагирами их территорий в резуль-

* Из-за непомерных поборов в 1662-1663 гг. восстали янские юкагиры, в 1666-1667 гг. – индигирские, которые объединились с ламутами и трижды ходили на Зашиверский острог. Восстания происходили и в первой половине XVIII в. К этому времени численность юкагиров резко сократилось вследствие опустошительных эпидемий оспы.

тате набегов чукчей и коряков. Дальнейшее продвижение тунгусов и якутов, становившихся доминирующими этносами на юкагирской земле. Хозяйственным укладом у юкагиров, как вскользь отмечали выше, являлась **охота** на дикого оленя. Зимой они преследовали их на нартах, осенью охотились с помощью маньщиков. Охотились на оленей со специально обученными собаками. Застав стадо диких оленей, охотники загоняли их с помощью собак в озеро. Когда стадо пыталось переправиться через него, то с противоположного берега озера спускали с привязи еще несколько собак, которые мешали оленям выбраться на сушу. А охотники на лодках приступали к закалыванию животных копьями. Кроме того, главное значение имела охота на мигрирующих диких оленей на речных переправах. Занимались юкагиры дополнительно и рыболовством в низовьях северных рек.

Единственными домашними животными долгое время оставались собаки, на которых ездили. Примерно начиная с XVI в. у тундренной части юкагиров распространяется оленеводство.

Вооружением юкагиров служили луки со стрелами, копья, каменные топоры. Железных вещей было мало. Для ловли рыбы использовались заездки, плетенные ловушки-морды, неводы, сети из тальника, также удочки. Подледный лов не был известен.

Юкагирские жилища имели сезонный характер - землянки, полуземлянки, конические шалаши, чумы, покрытые шкурами, корой или дерном. Со второй половины XVIII в. стал использоваться также деревянный сруб, т.н. "якутский дом".

Примерно с XVII в. юкагиры более массово стали носить одежду тунгусского образца: распашной кафтан из ровдуги, меховой нагрудник, кожаные штаны, длинные кожаные чулки, шапку. Своеобразной деталью юкагирского костюма был пыжиковый воротник-боа. Летняя обувь шилась из ровдуги, зимняя - из камуса. Одежда украшалась вышивкой из оленьего волоса, позднее - бисера, аппликацией из камуса, меховой оторочкой. Раскрашивалась дымом, ольхой и глиной. В одежде преобладали черный, красный и белый тона.

Вплоть до недавнего времени у верхнеколымских юкагиров существовало рисуночное (пиктографическое) письмо на бересте.

На сезонных **собраниях**, длившихся обычно около месяца, устраивались празднества, **игры, танцы** и различные спортивные состязания.

В религиозном **мировоззрении** юкагиров в древности большое место занимали культ матерей природы. Поклонялись священным камням, персонифицировавшим **женское** начало. Позднее наряду с ними появились духи-хозяева мужского пола и духи-покровители животных, с которыми связан ряд запретов и **охотничьих обрядов**.

Представления о **душе** отличались известной сложностью. Они верили в триединость души. Одна из них после смерти отправлялась в мир мертвых. Другая имеет вид двойника, которого могут видеть только шаманы, и которая после смерти переселяется в новорожденного ребенка. Третья душа-тень, которая **свойственна** также неодушевленным предметам.

Захоронения совершались на деревьях или столбах в деревянных ящиках. Довольно развитый культ предков был связан с культом священных деревьев. До сравнительно позднего времени не было профессиональных шаманов. Но существовал обычай расчленять тело умершего вождя или, в более позднее время, шамана, кости которого, зашитые в специальные мешочки, родовичи использовали как амулеты или для гадания, а из головы изготавливали куклу.

Примерно с конца XVIII в. юкагиры территориально разделены на две части: одна часть их расселена по притокам Колымы: Коркодону, Балыгчану и Ясачной, а также в предгорьях Арга-таса. Другая часть обитала у «края лесов», между низовьями Колымы и Алазеи в бассейне р. Чукотской. Отдельные их группы обитали на большом и малом Анюях и притоках Омолона.

Название «**юкагиры**» русские заимствовали от якутов, но по происхождению оно, вероятно, тунгусское. Юкагиры, заинтересованные в приобретении русских железных и медных вещей обихода, не оказали сопротивления первым казачьим отрядам и добровольной согласились платить дань.

Значительную роль играла охота на птицу. У тундровых практиковалась осенняя охота по берегам озёр на гусей и уток во время линьки. Участники охоты разделялись на две группы. Одна группа окружала озеро

рыболовными сетями, а другая, сидящие в лодках, загоняла лишённых возможности летать птиц в сети.

Как отмечали выше, у юкагиров большое значение имело рыболовство. Ловили, в основном, нельму, омуля, муксуна. Из рыбы летнего улова изготавливали юколу. Зимой ели замороженную рыбу в виде строганины. Мясо консервировали путём вяления на вешалах и замораживания. Ягоды и различные корни служили добавочным сезонным питанием. В качестве наркотического средства употребляли грибы мухомора.

Старинным средством передвижения по реке у юкагиров был плот треугольной формы. Пользовались также челноками, долблёнками из ствола тополя. Зимой ходили на охоту на лыжах – ракетах. У верхнеколымских – лыжи тунгусского типа. Размер таких лыж позволяли их использовать как волокушу.

Предания юкагиров сохранили упоминание о гончарстве, хотя место глиняной посуды давно заняла деревянная и берестяная утварь. Деревянные блюда, берестяные сосуды четырёхугольной и круглой форм различных размеров, мешки из кожи оленя или рыбы, ложки из оленьего рога и каменный молот для разбивания костей и толчения жира.

Приготовление горячей пищи, а также вытапливание рыбьего жира производились в корытообразных деревянных сосудах с помощью камней.

Обработка металлов носила у юкагиров более примитивный характер. Ковка железа была заимствована ими у якутов в XVII в., а литьё металлических украшений – у эвенов. Ценными и почитаемыми, переходящими из поколения в поколение, предметом считался серебряный или бронзовый диск, прикрепляемый к одежде на груди, т.н. «грудное солнце».

Одежда старинного юкагирского воина состояла из боевого шлема и панциря из роговых пластин, скреплённых жильными лосиными нитями.

Существовала богатая песенная лирика. Известен круговой юкагирский танец лонгдол /возможно, появившийся под влиянием тунгусов/ и парный танец. Устное народное творчество было небогато в жанровом отношении. Сведения о наличии у них эпических форм фольклора нет. Популярными являлись сказки о животных. Ворон был наделён исключительно сатирическими чертами. Зато к образу героя приближается, как у

американских индейцев, умный и хитрый заяц. Характерны короткие сказки бытового характера.

(В XVII-XVIII вв. у них существовала билинейная экзогамия, согласно которой половое общение разрешалось в обоих линиях родства - по отцовской и материнской. Существовали у таежных юкагиров пережитки т.н. "гостеприимного гетеризма": укладывали гостя с незамужней женщиной или девушкой. Совместная постель, однако, не означала, что женщина была безропотным орудием гостеприимства. Старые юкагирки говорили Иохельсону: "Умная женщина не снимет передника, если не любит").

(В социальной жизни юкагиров преобладали традиции матернитета (пережитков матриархата) и матрилинейности (родство по материнской линии). До прихода тунгусов в северо-восточную Якутию юкагиры жили небольшими материнско-родовыми общинами, в которых счет родства велся по женской линии. В дальнейшем в результате тесного взаимодействия с тунгусами архаические основы юкагирского общества были частично разрушены, а частично видоизменены в сторону отцовского начала. Именно этим можно объяснить диаметрально противоположные оценки принципов вступления в брак у юкагиров, которые встречаются в литературе. Так, по В.И. Иохельсону, большинство браков они заключали внутри рода. А по Н.И. Спиридонову (Тэки Одулок), юкагирский брак был строго экзогамным, т.е. браки устраивались за пределами рода (мужьями становились мужчины из другого рода).

Калым отсутствовал. Жених у лесных юкагиров в течение некоторого времени выполнял разную работу в семье невесты. Получив согласие семьи на брак, жених приносил своё имущество в дом тестя, и оставался жить там. Старший сын и дочь причислялись к роду матери, следующие дети - к роду отца. У тундренных юкагиров брак был патрилокален (жена переходила в семью мужа).

У тундренных сватовство начиналось после того, как родители получали согласие дочери. Оно сопровождалось определенным обрядом: после изложения сватом просьбы жениха выдать за него дочь, ее отец брал топор и валил в лесу сухое дерево. Жених должен был поднять дерево и перебросить через чум своей невесты. Если жених не устраивал почему-либо

родителей или невесту, дерево выбиралось потолще - такое, какое было не под силу поднять одному человеку.

Эвенки. Основой хозяйства эвенков было сочетание трех видов деятельности - охоты, оленеводства и рыболовства. Они взаимно дополняли друг друга. Весной эвенки подходили к рекам и до осени промышляли рыболовством, осенью уходили вглубь тайги и в течение всей зимы занимались охотничьим промыслом.

Охотничий промысел у эвенков, которые вели перекочёвки по водоразделам горно-таёжных районов, был основной отраслью хозяйства. Для ведения промысла они обычно объединялись небольшими группами по 3-4 семьи. С наступлением промысла они передвигались с навьюченными оленями к месту охоты и находились в этом районе, пока не опромышляли его или пока олени выбивали ягельник. Охотились луками, стрелами, пальмой, копьём. Широко использовали самострел. Черканами промышляли мелких пушных зверей, а крупных - пастями-ловушками. Широко использовали обученных с раннего возраста собак. Зимой на промысел ходили на лыжах. В зависимости от погодных условий употребляли два типа лыж: голицы и камусные. Голицы (эв. каяма) употребляли в осеннюю пору, когда снег был неглубок или ещё не слежался, а также весной, когда он начинал рыхлеть и подтаивать. При длительной ходьбе зимой, когда снег плотно слежался, особенно по гладкому насту использовались лыжи, оклеенные лосинами, оленьим или конским камусом. Такие лыжи были особенно удобны при ходьбе по горной местности.

Наличие в хозяйстве домашних оленей и численность их поголовья были главным фактором развития экономики охотников - оленеводов, поскольку все перекочёвки происходили на оленях и от них зависел охват территории охоты и её продуктивность (в среднем по 40-50 голов на хозяйство). В период *сонкан* (эв.) - май - перекочевание на время отёла на места, к которым привыкли важенки. Здесь ставили изгороди для проведения отёла, после чего уходили к горам, к порослям молодой травы. Затем в период *илкун* (эв.) - июль - поднимались наверх по долинам, богатым иван-чаем, приближались к гольцам, где благодаря ветрам, было меньше оводов и мошек. Отсюда в конце сентября, следовал обратный путь в уз-

кие долины, к богатым хвощём местам, где устраивали изгороди, в которые днём загоняли молодняк, чтобы сохранить во время гона. После периода *сирудян* (эв.) – сентябрь – откочёвывали в лесные районы. Местами в весенне-летнее время эвенки занимались рыбной ловлей, заготавливали её впрок. Так, в течение года обходили весь бассейн реки или определённую область кочевания.

Повседневный присмотр за оленями, выючение, развьючивание, доение важенков были обязанностью женщин. Мужчины устраивали дымокуры, строили изгороди во время отёла, собирали оленей для перекочёвки. Оленей забивали на мясо очень редко, в исключительных случаях: во время голода, при похоронах и при совершении шаманских обрядов.

Обучение и заездка оленей состояла в следующем: пойманного арканом трёхлетнего оленя крепко привязывали к дереву, где держали без еды 2-3 дня. После этого ослабленное животное навьючивали кладью и включали его в караван, привязывая между опытными оленями. А под верховую езду обычно выбирали зрелого сильного обученного быка, испытанного во вьючной или нартеной езде.

Основную пищу эвенков составляло мясо. Его варили, жарили на вертелах, летом вялили на солнце и сушили, готовили впрок. Вяленое на солнце мясо называли *ургатка*. Для этого нарезанное на длинные полосы мясо подвешивали на листовенные вешала над костром. Дым костра оберегал от мух. Сушёное мясо называли *улэнки*. Это недолго варёное в подсоленной воде мясо, которое подвешивали над костром и высушивали насквозь. Сушёное и толчёное в порошок мясо называли *хорого*. Его хранили ещё дольше чем улэнкэ. Таким же способом хранили и рыбу. В летнее время употребляли оленьё молоко.

Летом на небольших таежных речках сооружали запоры, в которых устраивали плетеные корзины - "морды", ставили сети; били рыбу острогой. Лодки изготавливали из бересты или выдалбливали из ствола дерева. Путём специальной обработки умели придавать бересте эластичность и прочность. Из оленьих шкур выделяли тонкую замшу - "ровдугу". Кузнечное дело было известно почти каждому эвенку. Традиционная одежда эвенков делалась из ровдуги и меха. Мужская и женская одежда различа-

лась только деталями. В состав костюма входили натазники и длинные ноговицы, закрывавший тело спереди от шеи до колен нагрудник и облегавший тело сзади удлинённый распашной кафтан. На ноги надевали сапоги - "унты", летом из ровдуги, зимой меховые. На голове носили плотную шапку в виде чепца, которую изготавливали из шкуры снятой с головы оленя.

Основным видом эвенкийского жилья был конический шалаш - "чум". Его основу составляли три соединённые сверху жерди. На них опирались другие жерди, поставленные по кругу. Остов покрывался покрышками из ровдуги или бересты.

Религиозные представления эвенков отражали различные стадии формирования мировоззрения, получившего в науке наименование "шаманизм".

Вселенная, в мифологических воззрениях, была разделена на три вертикальные сферы. В верхнем мире пребывают души ещё не родившихся людей, в нижнем - души мертвых, средний мир - мир людей. Посредником между миром людей и миром духов являлся шаман.

В условиях патриархального рода и родовой экзогамии эвенк мог взять в жены в любом роде, кроме своего собственного. Предпочтение отдавалось роду матери, в котором старались взять в жены дочь брата матери. За жену у них полагалось вносить калым или выкуп. А жена приносила приданое. Последнее оставалось личной собственностью женщины, и при разводе не по ее вине она забирала его с собой. Богатые могли обзавестись несколькими женами. Обычно к родителям невесты отправляли свата, дав ему узду и пальму. Придя в дом невесты, он втыкал пальму в пол, и на нее вешал узду. Затем вступал в переговоры с отцом девушки о количестве калыма. Если отец не хотел отдавать свою дочь замуж, он выносил пальму с уздой из чума.

В ряде случаев принадлежностью свадебного ритуала у эвенков являлся особый чум для жениха и невесты.

Умыкание (похищение) или увоз жены "даром" встречалось у тунгусов весьма редко. При этом исключались нормальные отношения между тестем и зятем. Хотя почти до конца XVIII в. взаимные захваты женщин, детей или оленей были обыкновенной картиной в жизни тунгусских родов того времени. Учет данного обстоятельства помогает понять некоторые

странные детали брачной церемонии эвенков. К числу их можно отнести приход свата к родителям невесты с уздой и пальмой. Оба эти предмета как бы символизировали насильственный увод женщины в чужой род. Видимо, то же можно сказать о закрывании лица невесты, когда ее снаряжали для переезда верхом на олене в чум жениха. Это, возможно, отголосок того времени, когда похищенной женщине не позволяли видеть дорогу, чтобы она не могла вернуться обратно.

В свадебной обрядности принимал участие и шаман. Он не должен допустить злых духов туда, где совершалось заключение брака, и добивался этого как камланием, так и окуриванием местности дымом.

Одно из первых сообщений о похоронах эвенков принадлежит Адаму Каменскому (1658 г.): "В земле умерших не хоронят, так как считают, что она их не принимает. Только на деревьях они оставляют в определенное время - на кедрах... или на соснах".

В целом, тунгусы-оленоводы практиковали воздушное захоронение - на деревьях или на лабазах, устроенных на обрубленных деревьях или столбах. Применялись как заворачивание тела в кожу или бересту, так и положение тела в деревянную колоду. Но в древности, как считал В.А. Туголуков, применялось и трупосожжение.

Характерной чертой похоронного обряда тунгусов являлось наличие сопроводительной жертвы в виде оленя. Возможно, в этом проявилось влияние других народов, в частности якутов.

Страх эвенков перед мертвым заставлял их уничтожить чум, в котором находился покойник до захоронения, а стойбище переносили на новое место.

В большинстве случаев эвенки ориентировали покойников головой на запад. Отклонения от указанной ориентировки, отмеченные у вилюйских тунгусов, показывают о влиянии дотунгусского субстрата.

Эвены. Как отмечалось в предыдущем разделе, наиболее близко к эвенкам по языку, происхождению и культуре стоят эвены (ламуты). К приходу русских в XVII в. они являлись уже сформировавшимся этносом. Их территориальные группы были расселены к северу и северо-востоку от эвенков (северо-западное Верхоянье, бассейны Индигирки, Колымы, по-

бережье Охотского моря). Жили и продолжали жить в близком соседстве с якутами, чукчами, коряками и юкагирами. Поэтому в хозяйстве и культуре эвенов много черт, роднящих их с этими народами, особенно с юкагирами.

Происхождение эвенов неразрывно связано с этногенезом эвенков. В бассейнах Колымы, Яны и Индигирки тунгусы вступали во взаимоотношения с юкагирскими племенами и восприняли многое из юкагирской культуры. Это в дальнейшем привело к формированию эвенов-ламUTOв. ПрОдвижение эвенов на восток, в северную часть Охотского моря, относится ко второй половине XVIII в. А на Камчатку попали только в 40-х гг. XIX в.

Этноним «ламут», принятый в этнографической литературе до установления официального единого названия «эвен», восходит к русским документам XVII в., в которых этим термином обозначались территориальные группы народности, обитавшие по рекам Яне, Индигирке, Колыме. Корень этого термина происходит от слова «ламу», обозначавшее море, озеро. Русские данный этноним впервые восприняли от якутов.*

Эвенский язык, входящий в состав тунгусо-манчжурских языков, подразделяется на две группы говоров – восточную и западную.

В хозяйственной деятельности эвенов сочетались кочевое оленеводство, охота на мясного и пушного зверя, рыболовство. Среди кочевых охотско-колымских эвенов различалась группа хозяйств с большим радиусом кочёвок, охватывавшая бассейны Колымы, Омолона, Индигирки. Другие группы хозяйств кочевали с малым радиусом кочёвок, державшаяся главным образом в бассейне Охотского моря, входившего в Якутскую область.

Эвенский олень отличается от корякского и чукотского большим ростом, силой и выносливостью. В документах XVII – XVIII вв. зафиксирова-

* До середины 1930-х гг. в местах обитания эвенов в качестве самоназвания ещё фигурировали старые родоплеменные названия. Так, эвены бывшего Тугэсирского «рода» Саккырырского района называли себя *тюгес*, эвены Усть-Янского и Аллаиховского районов – потомки юкагиров – называли себя *дуткиль*. В 1930 г. одно из самоназваний ламUTOв (в частности, охотских) – «эвен» стало официальным.

Территория современного расселения эвенов охватывает Саккырырский, Усть-Янский, Оймяконский, Нижне-Средне - Верхне-Колымский, Томпонский, Момский, Аллаиховский и Верхоянский улусы. За пределами Якутии они живут в Хабаровском крае (Охотский район), в Магаданской области – в Ольском, Северо-Эвенском и Средне-Канском районах, в Чукотском и Корякском национальных округах Камчатской области.

ны сведения о том, что чукчи и коряки охотно выменивали своих оленей на эвенские, отдавая за одного двух своих.

Во время зимних кочёвок охотились на пушного и мясного зверя. В старину на волка не охотились, т.к. он считался запретным животным. Оленогонных собак не держали.

Рыболовство имело лишь подсобное значение. Так, в горных речках ловили хариуса и другую рыбу. Её били острогой, ловили удой в проруби.

У эвенов бытовали два типа жилищ: эвенкийский чум и чукотско-корякская яранга. Одежда этого народа по составу костюма и покрою была подобна эвенкийской. Вышивка располагалась по швам и краям одежды, чтобы "мешать" проникновению злых духов в одежду. Орнамент в одежде (у тунгусоязычных наблюдается преобладание в орнаменте геометрических узоров) обладал определенной сакральной силой, внушающей владельцу данной вещи чувство уверенности и неуязвимости, силу и мужество.

В XVII-XVIII вв. эвены продолжали жить в условиях патриархально-родовых отношений. Они разделялись на экзогамные патрилинейные роды, которые часто были рассеяны на большом пространстве. Поэтому эти роды дробились, и части их получали поэтому дополнительно к родовому названию ещё и порядковые номера. Уже по данным XVII в. можно констатировать у них далеко зашедшее разложение кровного рода и имущественную дифференциацию. В её основе, как у любого кочевого скотоводческого народа, лежало владение оленями. Существовал, как и у эвенков, обычай "нимат", коллективного распределения продуктов охоты и рыболовства. Так, охотник по возвращении с мясной охоты должен был отдавать свою добычу одному из соседей по стойбищу, который распределял ее между всеми семьями, оставляя охотнику лишь незначительную часть туши и шкуру. Особенно строго "нимат" соблюдался в случае добычи медведя, который у эвенов также считался священным животным.

В XVII в. семья эвенов была патриархальной. Тем не менее, в отношениях отмечалось независимое положение женщин в семье. Сыновья до раздела с отцом были в полной зависимости от него.

Свадебная обрядность у эвенов в основном являлась аналогичной эвенкийской. За невесту уплачивали калым – *тори*. Его стоимость превос-

ходила в 2-3 раза приданое. После уплаты калыма родители и другие родственники невесты привозили её с приданым к родителям жениха. Невеста три раза объезжала по солнцу вокруг чума, а затем родители вручали её жениху. После этого обряда невеста входила в чум, где уже был подвешен новый полог для молодых. Она вынимала свой котёл и варила мясо убитого оленя. Приданое развешивали вне чума на обозрение.

При рождении ребёнка ему выделяли в стаде определённое количество оленей. При выходе девушки замуж она получала в приданое стадо, образовавшееся от размножения этих оленей.

В религиозных представлениях эвенов существовал культ «хозяев» природы и стихий: тайги, огня, воды и т.д. Особое место занимало поклонение солнцу, которому приносили в жертву оленей. Зафиксирован также широко распространённый в Северной Азии культ медведя. Так, эвен, получивший в качестве нимата медведя, устраивал общественный праздник, на котором съедалось мясо медведя. Его кости хоронили на свайном помосте, складывая их в строго анатомическом порядке. Местами сохранялся древний обряд похорон черепа медведя путём укрепления его на вершине невысокой лиственницы.

Костюм эвенского шамана отличается от эвенкийского и якутского меньшей сложностью, в частности, отсутствовали кованые железные изображения духов. А бубны сравнительно узкоободные, круглые, небольшого диаметра. Они стоят ближе к амурскому варианту шаманских бубнов.

В XVII-XVIII вв. эвены одевали покойника в самое лучшее платье, сообразно времени года, укладывали в деревянную колоду и ставили его на деревья или на столбы. Заколов несколько оленей, их кровью обагрjali гроб и деревья. Чум умершего, его утварь и прочее оставляли под деревьями. И.А. Худяков писал, что индигирские ламуты (эвены) хоронили покойников головой на запад, ибо верили, что он "отправится на восток". Томпонские эвены, по материалам В.А. Туголукова, обряжали покойников в одежду, сшитую без узлов - "чтобы облегчить душе освобождение от тела, когда она начнет свое путешествие". Обычай удушения оленей у эвенов, как предполагают ученые, является наиболее древним тунгусским способом умерщвления жертвенных животных при похоронном обряде.

В эвенском традиционном календаре каждый месяц начинался с новолуния. В дни солнцестояний, по их мнению, открывались двери в верхний мир. Земными "преддвериями" его служили две лиственницы, между которыми натягивалась веревка с пучками подшейных волос священного оленя. Во время проведения этого календарного обряда человек, вышедший за эти "небесные ворота», превращался как бы в "птицу-оленья", затем - в "птицу-стерха-оленья". Это и другие материалы свидетельствуют о развитии культа солнца, связанном с почитанием божественного оленя.

В эвенском фольклоре большое значение придавали сказкам и былям-преданиям. Причём среди сказок особо выделяются сказки о животных и птицах, близкие по содержанию к сказкам эвенков. Некоторые части сказаний о героях-богатырях, например речи героев, обычно поются. Среди былин особенно интересны былины о героях-женщинах, побеждающих в состязаниях мужчин. Вообще следует отметить, что при исполнении произведений эпического характера широко использовалась песенная передача былины, и для каждого героя существовала своя, особая мелодия.

В традиционном народном искусстве эвенов значительное место занимал хороводный танец "сээдьэ", имеющий религиозно-обрядовый характер. Такие коллективные танцы проводились весной и летом при ежегодных традиционных встречах. Они вселяли небольшим этногруппам эвенов чувства единения, коллективного разума, уверенности в преодолении невзгод, веры в добро.

Кроме того, лексический материал выявляет названия мембранных, духовых и самозвучающих музыкальных инструментов.

Якуты. Основным занятием якутов было разведение лошадей и крупного рогатого скота, в северных районах занимались оленеводством. Скотоводы совершали сезонные перекочевки, а на зиму для скота запасали сено. Большое значение сохраняли рыболовство и охота. В целом было создано очень своеобразное специфическое хозяйство - оседлое скотоводство, но вначале в нем большое место занимало коневодство. Развитый культ коня, тюркская терминология коневодства говорят за то, что лошади были приведены южными предками саха. Кроме того, исследования, проведенные И.П. Гурьевым, показали высокое генетическое сходство якут-

ских лошадей со степными лошадьми - с монгольской и ахалтекинской породами, с казахской лошадью типа джабе, отчасти с киргизской и, что особенно интересно, с японскими лошадьми с острова Черчжу.

В период освоения бассейна Средней Лены южносибирскими предками якутов особо большое хозяйственное значение имели лошади, которые обладают способностью "тебеневать", разгребать копытами снег, разбивать ими корку льда, кормиться самим. Крупный рогатый скот для дальних перекочевок не приспособлен и появляется обычно в период оформления полuosедлого (пастушеского) хозяйства. Как известно, якуты не кочевали, а переезжали из зимника на летник. Этому соответствовало и якутское жилище, *туруорбах дьизэ*, деревянная стационарная юрта.

• По письменным источникам XVII-XVIII вв. известно, что якуты зимой жили в юртах, «осыпанных землей», а летом - в берестяных юртах. •

Интересное описание составлено японцами, которые посетили Якутию в конце XVIII в.: "В середине потолка проделано большое отверстие, на которое положена толстая ледяная доска, благодаря которой внутри дома якутов очень светло".

• Якутские поселения состояли обычно из нескольких жилищ, расположенных одно от другого на значительном расстоянии. Деревянные юрты почти без изменения просуществовали до середины XX в. "На меня внутренность якутской юрты, - писал В.Л. Серошевский в своей книге "Якуты", - особенно ночью, освещенная красным пламенем огня, производила немного фантастическое впечатление... Её бока, сложенные из круглых стоячих бревен, кажутся полосатыми от затененных желобков, и вся она с потолком... со столбами по углам, с массой леса, мягко падающего с крыши на землю, представляется каким-то восточным шатром. Только легкая восточная ткань в силу обстоятельств заменена здесь золотистым лиственным деревом...".

┌ Двери якутских юрт располагались с восточной стороны, навстречу восходящему солнцу. В XVII-XVIII вв. камины (*көмүлүөк оһох*) были не битые глиной, а мазанные ею, и всё время подмазывались. Хотоны отделялись только невысокой жердевой перегородкой. Жилища строили из мелких деревьев, ибо считали грехом срубить толстое дерево. Юрта имела

нечетное число окон. Ороны-лежаки, идущие вдоль южной и западной стен жилища, были широкие и ложились на них поперек. Имели они разную высоту. Самый низкий *орон* помещался на правой стороне, рядом со входом (*уца орон*), а более высокий - хозяйский, "чтобы счастье хозяина не было ниже счастья гостя". Ороны с западной стороны друг от друга отделялись сплошными перегородками, а спереди забирались стойками, оставляя лишь отверстие для небольшой дверцы, на ночь запирались изнутри. Перегородки же между оронами южной стороны были не сплошные. Днем на них сидели и называли *орон олох* "сидение". В этой связи первая восточная нара на южной стороне юрты называлась в старину *көңүл олох* "вольное сидение", вторая - *орто олох*, "среднее сидение", третья нара у той же южной стены - *түспэтийэр олох* или *улуутуйар олох*, "ступенное сидение"; первый орон на западной стороне юрты называли *көзүл олох*, "священное сидение", второй орон - *дархан олох*, "почетное сидение", третий с северной стороны у западной стены - *кэнчээри олох* "детское сидение". А нары на северной стороне юрты назывались *күөрэл олох*, лежанки для слуг или "воспитанников".

Для зимнего жилья выбирали более низкое незаметное место, где-нибудь на дне аласа (елани) или около опушки леса, где оно лучше защищалось от холодных ветров. Таковыми считались северные и западные ветры, поэтому ставили юрту на северной или западной части поляны.

Вообще, следует отметить, что при выборе места для жилища старались найти укромный счастливый угол. Не селились среди старых могучих деревьев, ибо последние уже взяли счастье, силу земли. Как и в китайской геомантии, выбору места для жилья придавали исключительное значение. Поэтому скотоводы в этих случаях часто обращались к помощи шамана. Обращались также к гаданию, например, к гаданию с кумысной ложкой.

В XVII-XVIII вв. большие патриархальные семьи (*кэргэн* как римская "фамилия") размещались в нескольких домах: *уруң дьиз*, "белый дом" занимали хозяева, в следующих - жили женатые сыновья и в *хара дьиз* "черный, худой дом" размещались слуги и рабы.

В летнее время такая большая богатая семья проживала в стационарной (не разборной) берестяной уресе конусообразной формы. Она стояла

очень дорого и имела значительные размеры. Еще в XVIII в. большинство летних жилищ у состоятельных семей состояли из таких берестяных юрт. Их называли "*Ус курдуулаах моғол ураса*" (с тремя поясами большая монгольская ураса).

Были распространены урасы и с более малыми диаметрами. Так, ураса средней величины называлась *далла ураса*, низкая и широкая по форме; *ханас ураса*, высокая ураса, но диаметром небольшая. Среди них самая большая имела 10 м высоту и 8 м по диаметру.

• В XVII в. якуты представляли собой постплеменную народность, т.е. народность определившуюся в условиях раннеклассового общества на базе существующих пережитков родоплеменной организации и без сформировавшегося государства. В социально-экономическом плане она развивалась на основе патриархально-феодальных отношений. Якутское общество состояло, с одной стороны, из малочисленной знати и экономически независимых рядовых общинников, а с другой - из патриархальных рабов и подневольного зависимого (кабального) люда.

В XVII - XVIII в. существовали две формы семьи - малая моногамная, состоящая из родителей и в основном несовершеннолетних детей, и большая патриархальная семья, объединение кровнородственных семей, во главе которой стоял патриарх-отец. При этом превалировала первая разновидность семьи. С.А. Токарев находил наличие большой семьи исключительно в тойонских хозяйствах. Её составляли, кроме самого тойона, его братья, сыновья, племянники, вскормленники, холопы (рабы) с женами и детьми. Такая семья называлась *аҕа-кэргэн*, притом слово *аҕа* в дословном переводе "старший по возрасту". В этом плане *аҕа-ууһа*, патриархальный род, первоначально мог обозначать большую патриархальную семью.

Патриархальные отношения предопределили брак с выплатой калыма (*сулу*) как главное условия для заключения брака. Но редко практиковался брак с обменом невест. Существовал обычай левирата, по которому после смерти старшего брата его жена с детьми переходили в семью младшего брата.

В изучаемое время у саха дьоно существовала соседская форма общины, которая обычно возникает в эпоху разложения первобытного строя

Она представляла собой союз семейств по принципу территориально-соседских связей, частично с совместной собственностью на средства производства (пастбища, сенокосные, промысловые угодья). С.В. Бахрушин и С.А. Токарев отмечали, что сенные покосы у якутов в XVII в. брались в аренду, передавались по наследству, продавались. Составляла объект частной собственности и часть рыболовных угодий. Несколько сельских общин составили т.н. "волость", имевшую относительно постоянное количество хозяйств. В 1640 г., судя по русским документам, установились 35 якутских волостей. С.А. Токарев определил эти волости как племенные группировки, а А. А. Борисов предложил раннеякутский улус рассматривать как территориальное объединение, состоящее из кланов или как этно-географическую провинцию. Крупными из них были Бологурская, Мегинская, Намская, Борогонская, Бетюнская, которые насчитывали от 500 до 900 взрослых мужчин. Общее население в каждом из них колебалось от 2 до 5 тыс. человек. Но среди них встречались и такие, где общее количество населения не превышало 100 человек.

Неразвитость, незавершенность якутской общины диктовались спецификой хуторного типа хозяйств, расселенных на обширной территории. Отсутствие общинных органов управления компенсировалось наличием позднеродовых учреждений. Таковыми выступали патриархальный род - *аҕа-ууһа* "отцовский род". В его рамках объединение семей происходило по линии отца-патриарха, основателя рода. В пределах XVII в. существовала малая форма *аҕа-ууһа*, состоящая из братских семей до 9-го колена. В последующее время преобладала большая сегментированная форма патриархального рода.

Аҕа-ууһа состояли не только из отдельных моногамных (малых) семей, но и из семей, основанных на полигамии (многоженстве). Богатый скотовод содержал свое большое хозяйство на двух-четырех отдельных *маласах-еланях*. Таким образом, хозяйство было разбросано по нескольким *маласам*, где скот содержали отдельные жены с прислугой. И в силу этого потомки от одного отца, но от разных жен (подхозяйств), в дальнейшем разветвлялись, составляя категорию родственных семей под названием *ийэ-ууһа* "род матери". До сегментации единого отцовского хозяйства -

это полигамная семья с филиационной (дочерней) структурой. В дальнейшем сыновья обзаводились своими семьями и составляли отдельные линии материнской филиации от одного отца-предка. Поэтому многие абаууһа в XVIII вв. состояли из объединения отдельных ийэ-ууһа. Таким образом, *ийэ-ууһа* не был пережитком матриархата, а являлся продуктом развитого патриархального общества с элементами феодализма.

В структурном отношении якутская сельская община состояла из неполноправных бедных и богатых байских, тойонских аристократических семей.

Зажиточная прослойка якутского общества в русских документах XVII вв. обозначалась термином "лутчие люди". Основная масса непосредственных производителей составляла категорию «улусных мужиков». Наиболее эксплуатируемой прослойкой общинников являлись люди, живущие "подле", "около" тойонских и байских хозяйств. В положении разной степени патриархальной зависимости от тойонов находились "захребетники" "вскормленники".

Рабов в основном поставляла сама якутская среда. Но незначительную их часть составляли тунгусы, ламуты. Ряды рабов пополнялись военным захватом, порабощением зависимых общинников, самозакабалением из-за нищеты, отдачей рабов в виде головщины вместо кровной мести. Они составляли часть непосредственных производителей в хозяйствах состоятельных семей и тойонов. Например, по данным В.Н. Иванова, специально занимавшийся этой проблемой, у намского князца Букея Никина в 1697 г. упоминаются 28 холопов, за которых он платил ясак. Тойон Ботурусской волости Молтон Очеев после себя оставил 21 холопа, которые были разделены между его наследниками.

В XVII в. процесс классовообразования ускорился благодаря введению ясачного режима, но так и не завершился к концу изучаемого времени. Одной из причин определенной застойности социальной организации якутского общества явилась его хозяйственная основа - малопродуктивное натуральное сельское хозяйство, которое не могло обеспечить быстрый рост населения. А от уровня плотности населения в значительном плане зависела и развитость социально-экономических отношений.

В XVII в. каждый улус («волость») имели своих признанных предводителей. Таковыми были у борогонцев – Лөгэй тойон (в русских документах – Логуй Амыкаев), у мальжегарцев – Соххор Дуурай (Дурей Ичикаев), у ботурусцев – Күрэкэй, у мегинцев – Борухай (Тойон Бурухай) и т.д.

В целом, в XVII в. (особенно в первой половине) якутское население состояло из объединения соседских общин. По своей социальной сущности они представляли, видимо, переходную форму сельской общины от первобытной к классовой, но с аморфной управленческой структурой. При всём этом в общественных отношениях наблюдались элементы, с одной стороны эпохи военной демократии (*кыргыс үйэтэ* – века войн или *Тыгын үйэтэ* – эпохи Тыгына), с другой – феодализма. Административный термин «улус», видимо, был введён в якутскую действительность русской властью. Он впервые встречается в ясачной книге И. Галкина от 1631/32 гг., потом после 1630-х гг. термин вышел из употребления, вытесненный словом «волость». Вновь он всплыл в 1720-х гг. Таким образом, в XVII в. большие улусы состояли, по всей видимости, из условно объединённых сельских общин, в состав которых входили патриархальные роды (патронимии - кланы).

Вопрос о якутской системе родства и свойства недостаточно чётко и самостоятельно подвергался обстоятельному исследованию по сравнению с терминологией родства. Вообще, принято считать, что терминология родства относится к наиболее архаичным пластам лексики любого языка. Поэтому у многих народов прослеживается несоответствие между сохранившейся с древних времён системой родственных отношений, терминологии родства и существующей формы семьи. Такое явление присуще и для тюркских народов, особенно якутов. Это видно из нижеприведённых терминов якутского родства по крови и браку.

Прадед - *хат эһэ, кырдыаҕас эһэ*

Прабабка - *кырдыаҕас эбэ*

Брат прадеда или брат деда - *абаҕа*

Сестра прабабки - *эдьий*

Сестра прадеда - *эдьий*

Брат бабки - *таай*

Сестра деда - *агас*

Сестра бабки - *эдый*

Брат отца - *убай* - (если моложе отца), - *абаа* - (если старше отца)

Сын брата деда - *убай*

Брат старший родной, двоюродный; старший сын старшего двоюродного брата отца - *бии*

Брат младший родной, двоюродный, младший сын младшего двоюродного брата отца и т.д. - *ини*

Тетка - *агас* или *эдый*

Старшая сестра матери – *таай эдый*

Младшая сестра матери - *эдый*

Старшая сестра отца - *агас* или *эдый*

Сын брата (любого) - *ини*

Сын сестры - *уол*

Сын дочери сестры - *сиэн*

Сын дочери брата - *сиэн*

Сын сына сестры - *сыган*

Сын сына сестры матери - *сыган* - *дбылан*

Сын сына брата матери - *таай*

Жена сына брата - *кийиит*

Муж дочери брата - *күтүөт*, Жена сына сестры - *сиэним ойобо*

Муж дочери сестры - *сиэн күтүөт*, Старший брат мужа - *аба кылын*

Младший брат мужа - *уол кылын*

Старшая сестра мужа - *агас кылын*

Младшая сестра мужа - *кыыс*

Младшая сестра жены - *свояченица* - *күрэ балыс*

Жена младшего брата мужа - *бадья*

Жена старшего брата мужа - *бэргэн*

Жена младшего брата мужа - *кийиит*

По отношению к женщине

Жена - *ойох*

Сестра по свойству - *бадья* (если жена младше брата)

Жена брата мужа - бэргэн (если жена старшего брата)

Сестра по свойству (золовка) - если старшей сестры - аҕас кынат, если младше сестры – кыыс.

Сестра жены (свояченица) - если старше - аҕас кылын

Сестра жены (свояченица) - если младше - күрэ балыс

Жена брата (невестка) - кийиит (младше)

Жена брата (невестка) - санас (старше)

Жена сына брата отца – кийиит

Жена сына сестры отца – сизним ойобо

Жена сына сестры матери – сыга

Жена сына брата матери – таайым ойобо

Брат мужа (деверь) - младший - уол кылын

Брат мужа (деверь) - старший - аҕа кылын

Муж сестры жены (свояк) - биллэх

Брат жены (шурин) - уол кылын

Сын дочери брата отца матери - сыган

Дети сестры отца матери - сыган (если говорящий мужчина и младше)

Большинство этих терминов относятся к общетюркскому словарному фонду, но с заметным семантико-фонетическим отклонением от них. В целом создается впечатление, что тюркоязычные ядро будущих якутов отделилось от основной массы в очень отдаленное время. Во всяком случае, архаичность якутской терминологии родства (т.н. классификационная система родства) говорят в пользу такого предположения.

Среди якутских сосудов наибольшее распространение получили долбленые чаши на низком поддоне самых различных размеров. Они украшались валиками в виде плотно свитого шнура. В набор деревянной кумысной посуды входили чороны, воронки, разнообразные мутовки и ковши, изготавливаемые из березы. Домашнюю утварь дополняли кожаные, берестяные и глиняные сосуды, плетеные из конских волос коврики, а также коврики, сшитые из конской шкуры.⁴ Поскольку главным занятием якутов было разведение лошадей и крупного рогатого скота, продукты животноводства занимали главенствующее значение. На первом месте стояла молочная пища, затем мясная, далее - рыбная и на последнем месте - расти-

тельная. Например, *суорат* - особым образом приготовленная простокваша из снятого молока, с добавкой сливок. Приготавливали масло. Иногда их сбивали и употребляли в свежем виде - *күөрчэх* (наподобие крёша); *бөлөнөх* - разновидность простокваши, *издьэгэй* - творог. Однако особое предпочтение отдавали кумысу, забродившему кобыльему молоку. Из мясных - конина самая излюбленная пища якутов. Благодаря одной из самых замечательных особенностей якутской лошади - способности к быстрой наживке - коневоды различали 12 степеней тучности животных. Конское мясо употребляли в полувареном виде, когда оно имело сладковатый вкус и было более питательным.

• Обычной верхней одеждой являлся *сон* - однобортная шуба наподобие кафтана с прямым разрезом сзади. Праздничным женским нарядом был старинный верхний костюм *сагыннах*. Это красивый и богато украшенный длинный меховой кафтан, скроенный в талию, с длинным разрезом сзади, с меховой оторочкой и декоративными нашивками.

Верхнюю одежду мужчины подпоясывали кожаными поясами, покрытыми серебряными орнаментированными пластинками. К поясу подвешивались нож в ножнах и огниво.

• Формы якутских головных уборов были довольно разнообразны. Но в целом преобладали башлыкообразные. А из обуви были характерны высокие кожаные сапоги с мягкой подошвой. У женской обуви верхнюю часть голенища покрывали сукном, с орнаментированными мотивами.

Как правило, одежда богато украшалась, причем значение декора было очень важным: он имел культовое значение и "оберегал" человека. У якутов существовало представление о вертикальном строении трех миров, нашедшее отражение и в одежде. На головных уборах и нагрудных украшениях: верхний мир небожителей олицетворяли через круглые бисерные отверстия и металлический круг "солнце". Средний мир - мир людей - обозначался через лирообразный орнамент на декоре плечевых изделий и на рукавицах. Нижний мир передавался через вышивку обуви на тему "Древо жизни", корнями уходящее в землю.

Благородный бежево-охристый колер, характерный для костюма саха создавался природными красителями или натуральными цветами меха,

кожи и замши, из которых шили одежду, оживляя ее медными украшениями и перфорированной отделкой из материалов различной фактуры, разноцветной вышивкой растительных орнаментов.

Женские украшения отличались особенным богатством и разнообразием. Так, например, украшение *илин кэбинэр* состояло из массивной гривны с рядом длинных цепочек и широких фигурных звеньев, заканчивающихся подвесками. Кроме серег, перстней и браслетов с конца XVIII в. был широко распространен большой нагрудной крест на широкой плоской серебряной цепочке который носили одновременно как украшение.

Основу традиционной религии скотоводов Лены возникла на просторах Центральной Азии и Южной Сибири на рубеже нашей эры. Предки якутов пришли на Среднюю Лену с довольно сложной системой религиозного синкретизма, находившегося на стадии формирования политеистической религии (религии многобожья). Традиционные верования саха в XVII-XVIII вв. отличались значительной архаичностью. Заметное место в них занимали обряды магического характера, наиболее четко прослеживающиеся в почитании окружающего мира.

В цикле календарных обрядов главное место занимал праздник ысыах, поскольку он связывался с возрождением и обновлением природы, с плодородием и началом нового года. Ритуал проведения ысыаха начинался с обряда *айах тутар* (держание кубков с кумысом), во время которого восхваляли богов. Затем следовало ритуальное распитие кумыса, освященного божеством солнца Юрюнг Айыы тойоном. Церемония начиналась с восходом солнца, когда жрец, одетый во все белое, с опахалом в руке, произносил благопожелания божеству Юрюнг Айыы тойону. После соответствующего окропления кумысом жрец поочередно обращался с алгысом к другим божествам, прося у них умножения лошадей в табунах и рогатого скота в стадах и всяческого благополучия.

Одной из характерных особенностей религии якутов является дуалистическое мировоззрение. Равновесие Вселенной и основа жизни людей зависели от вечного противоборства злого и доброго начал. Поэтому справляли ысыах не только в начале хозяйственного года, но и осенью,

когда природа вновь "умирала". Посвящался этот обряд, главным образом, духам и демонам и проводили его шаманы.

Якуты всеми мерами старались оградить себя, свое жилище и домашних животных от действия всевозможных злых духов. Для этой цели служило множество словесных заговоров, молений и обрядов. Кроме них важную роль играла знаковая система, особый орнамент на одежде, утвари, украшениях. Многие обряды якутов-язычников были направлены на то, чтобы воздействовать на силы неба, земли, воспринимавшиеся как главные божественные податели, служившие порукой хорошего урожая трав и приплода скота. Кроме того, традиционные календарные обычаи и обряды так же несли в себе бессознательное, интуитивное стремление к идее гармонического единства неба, земли и человека.

В якутских мифах "мир до сотворения" описывается как мир мрака и хаоса. В этом хаотичном беспорядке сначала появляется вода, в которой плавали железные рыбы, несущие на себе мироздание. Мир был сотворен *Айыы тойоном*. В нем сферы мироздания держатся благодаря наличию мирового дерева *Аал Кудук мас*.

Очень большое место в повседневной жизни саха занимал культ огня - *Уот иччитэ* (дух священного огня). В сознании народа он имел небесное происхождение, считался сыном *Юрюнг Айыы* тойона, божества солнца. Очаг, куда когда-то спустился огонь с небес - это святилище. Через огонь проводились молитвы и жертвоприношения людей божествам.

Вселенная "с восемью огненными лучами света" ассоциировалась с образом прекрасного могучего жеребца, "айгыр силик". Культивированный образ коня четко проявляется в его связи не только с небом (небо-конь), но и с солнцем: первый конь был спущен на землю самим *Юрюнг Айыы* тойоном.

В религиозных воззрениях якутов одно из главных мест занимали представления о душе. Она состояла из трех элементов - *салгын кут* (воздух-душа), *ийэ-кут* (мать-душа), *буор кут* (земля-душа). *Сюр*, дух человека, его психический строй в этих представлениях, занимал значительное место. При рождении ребенка эти души и *сюр* соединяла богиня *Айысыт*. По тем же представлениям, *ийэ-кут* обитает около сердца (имеет

белый цвет), буор кут находится в ушах человека (имеет коричневый цвет). А салгын кут - бесцветный.

Церемония традиционного свадебного обряда обычно начиналась со смотрин, производившихся под видом гостевания. Сватовство сводилось к иносказательной просьбе свата породниться, подкрепленной подарком. Принятие его означало окончание сватовства. После этого стороны улаживались о размерах калыма и приданого.

Калым состоял из нескольких частей: сулу - определенное число скота, курум несколько голов лошадей и коров на забой для угощения и подарков в виде скота родителям невесты. Приданое (энньэ) состояло из одежды невесты, постели, серебряных украшений, домашней утвари и некоторого количества скота, а также подарков родителям жениха и его родичам.

По материалам И.А. Худякова, при обряде выплаты калыма, привезенное женихом мясо для угощения выкладывалось около камелька. На нем помещали конскую голову с открытыми глазами и раскрытым ртом. Церемония начиналась с питья кумыса. Отец невесты и отец жениха разбрызгивали кумыс, обменивались кубками и коленопреклонённо подтверждали свое намерение создать новую семью.

После выплаты калыма улаживались о времени переезда в дом жениха. Он приурочивался к новолунию. К жениху невеста ехала верхом в богатом одеянии в сопровождении жениха и родственников. Уезжая из родного дома, невеста выслушивала благопожелания отца в форме стихотворной импровизации. По приезду она три раза объезжала свое новое жилище по ходу солнца. Затем она приобщалась к очагу семьи мужа, при этом невеста не только кормила огонь, но и обращалась к нему с заклинаниями.

Во время свадебного пира угощение начиналось с кумыса, затем подавали мясо. Утром хозяин одаривал гостей, особенно со стороны невесты, подарками - скотом, мясом. Уезжающим подносили кумыс. Его пили, и остатки выливали на гривы лошадей. На этом свадебный обряд заканчивался.

В рассматриваемое время у якутов существовали три основных способа погребения - грунтовое погребение, "воздушное", арангасное и кремация. При этом наиболее распространенным способом захоронения до хри-

стианизации являлось арангасное захоронение, т.е. помещение тела в колоду на столбах. Богатые грунтовые захоронения сопровождались конями, погребенными в отдельных ямах.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Алексеев А. Н. Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск, 1996
2. Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы. Иркутск, 1987.
3. Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е. Археология Якутии. (Эпоха палеометаллов и средневековья): Уч. пособие. Якутск, 1991.
4. Алексеев А.Н., Черосов Н.М. Археология Якутии (Каменный век): Уч. пособие. Якутск, 1990.
5. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М., 1969
6. Архипов Н.Д. Древние культуры Якутии. Якутск, 1989.
7. Архипов Н.Д. Древняя Якутия. Мирный, 1993. Ч.I; Мирный, 1999. Ч.II.
8. Василевич Г. М. Эвенки. – Л., 1969
9. Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск, 1998.
10. Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья. – Иркутск, 1990
11. Гоголев А. И. Отражение древних алтае-индоевропейских связей в культуре и языке якутов // Вопросы истории. – 1998. - №11-12
12. Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск, 1993
13. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов (к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). – Л., 1977
14. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Востока Азии. – М., 1979
15. Дьяченко В. И., Ермолова Н. В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. XVII – XX вв. – СПб., 1994
16. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900
17. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968
18. История Якутии: Уч. пособие. Якутск, 1988
19. Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск, 1978.
20. Кочмар Н.Н. Петроглифы Якутии. - Новосибирск, 1995.

21. Ксенофонов Г. В. Урангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Иркутск, 1937
22. Левин М. Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. – М., 1958
23. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. - Новосибирск, 1977.
24. Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга (археологический возраст памятника) и проблема внетропической прародины человечества. - Якутск, 1988.
25. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.
26. Народы Сибири. – М.; Л., 1956
27. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т.1. Якутия до присоединения в состав Русского государства. – М.; Л., 1955
28. Окладников А.П. Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. - Л., 1972.
29. Окладников А.П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к Русскому государству. - М.; Л., 1955. Т.1.
30. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна р. Алдан. - Новосибирск, 1979.
31. Сафронов Ф. Г. Древний Северо-Восток Азии. – Якутск, 1992
32. Сидоров Е. С. Санскритско-якутские лексические параллели. – Якутск, 1992
33. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М., 1976
34. Федосеева С. А. Археология Якутии и её место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. – Якутск, 1999.
35. Федосеева С.А. Диринг-Юрэхский могильник // Археология Якутии. Якутск, 1988.
36. Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. - Л., 1968.
37. Федосеева С.А. Ымыйахтахская культура Северо-Восточной Азии. - Новосибирск, 1980.
38. Фефелова В. В., Высоцкая Г. С. Изучение распределения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций. – Красноярск, 1987
39. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. - Новосибирск, 1988.
40. Эртюков В.И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. - М., 1991.
41. Этническая история народов Севера. – М., 1982

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЯКУТИЯ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ К НОВОЙ ИСТОРИИ (XVIII – первая половина XIX вв.)

§ 1. Характеристика эпохи

Ещё в предшествующее время, в XVI – XVII вв. на Западе зарождается технический прогресс, формируется новый тип экономики и социальных отношений (освоение мирового океана, процесс первоначального накопления капитала, перерастание простых товарно-денежных отношений в рыночную систему хозяйствования, начало создания океанической глобальной цивилизации, идеи антропоцентрического гуманизма, реформационное движение). На Востоке происходит замедление социально-экономического развития, несмотря даже на более высокий исходный уровень развития производительных сил чем на Западе. Причины различий лежали в политической, идеологической и социокультурной среде.

XVIII в. в жизни народов Европы и Америки – это начало Нового времени, время величайших культурных, социально-экономических и политических сдвигов. В исторической науке эпоха Нового времени связывается с утверждением буржуазных отношений в Западной Европе. Происходит разрушение устоев традиционной европейской цивилизации и утверждение новой. Этот качественный сдвиг получил название *модернизации*. Модернизация – это *индустриализация* в сфере производства (использование машин), *урбанизация* в социальной сфере (преобладание городов в экономической жизнедеятельности общества), *демократизация* в сфере политики (предпосылки для возникновения гражданского общества и правового государства), *секуляризация* в духовной сфере (высвобождение из-под опеки религии, развитие образования, науки). Поэтому не случайно Новое время – это эпоха социальных революций, сознательных попыток насильственно перестроить общественную жизнь. Человек Нового времени – это мобильная личность, быстро приспосабливающаяся к происходящим изменениям.

XVIII в. – это эпоха *Просвещения* в Европе, ставшей идеологией Нового времени. Деятели Просвещения выработали новое мировоззрение, укрепившее человеческую мысль, освободившую её от рамок средневекового традиционализма.

XVIII в. стал веком промежуточным. Борьба между буржуазией и землевладельцами не была закончена. Её завершило следующее поколение.

Россия в XVIII в. также встала на путь модернизации. Начало этому процессу положили реформы Петра I, охватившие многие сферы жизни общества – военная (формирование регулярной армии и флота), государственная (тотальное огосударствление общества), религиозная (для управления церковными делами создаётся госколлегия – Святейший Синод, подчинение духовной власти светской), промышленная (в 1720-х гг. в стране действовало 221 промышленное предприятие). При Петре I идёт процесс зарождения социально-классовой структуры европейского типа. Шёл активный процесс формирования слоя предпринимателей, вырос слой собственников. С середины XVIII в. появились наёмные рабочие.

Пётр I являлся основоположником светского просвещения России, положил начало периодической печати в стране.

В результате в России произошёл значительный сдвиг по пути интеграции в европейскую систему.

В дальнейшем реформаторский курс продолжила Екатерина II (1762-1796 гг.). Началась эпоха просвещённого абсолютизма (1762-1815 гг.). Эпоха была пронизана идеями французских просветителей, «остро критиковавших деспотических правителей и засилье католической церкви» и характеризовалась появлением буржуазии. Екатерина II стремилась провести либеральные реформы, направленные на формирование в России новой силы, которая бы стала социальной базой для европейского типа развития. Страна при ней сделала крупный шаг по пути к разделению ветвей власти. Суд был отделён от администрации и полиции. Жалованная грамота городам (1785 г.) передавала городским обществам право юридического лица, которое могло самостоятельно распоряжаться собственностью и доходами с неё. Согласно указу, горожане делились на 5 разрядов: купцы, мещане, дворяне, чиновники и духовенство.

В конце царствования Екатерины II в России действовали 167 горных заводов, 1094 предприятия обрабатывающей промышленности. Происходило становление мануфактуры из мелкого товарного производства. В основу системы образования были положены идеи французских просветителей. Дальнейшее развитие получает наука, литература. Эпоха Екатерины II ознаменовалась всплеском научных открытий, ярких литературных талантов. В общественно-политической жизни утверждались демократические традиции.

XIX в. в России начался с воцарением Александра I в 1801 г. Оно совпало с усилением европейских влияний с более быстрым развитием социально-экономических процессов, свидетельствующих о складывании капиталистических отношений. Исключительную роль в разработке реформ М. М. Сперанского сыграл Г. С. Батеньков. В 1830-1840-х гг. в России начинается промышленный переворот, переход от мануфактуры к фабрике. Но специалисты справедливо отмечают сохранение феодальных устоев в российской деревне до середины 60-х гг. XIX в. Тем не менее, в начале второй половины XIX в. в России завершается переход к новому этапу своей истории. Страна постепенно начинает входить в число капиталистических держав мира.

На фоне этой всероссийской исторической панорамы происходил очередной этап развития Якутии.

§ 2. Административное управление

В первой половине 1720-х гг. среди якутов Центральной Якутии возникло двухстепенное административное деление: улусы – волости.

1720-1730 годах происходит объединение волостей в более крупные административные единицы - улусы. Это - Кангаласский, Мегинский, Намский, Борогонский улусы и Баягантайская, единственно сохранившаяся волость. В 1815 г. из состава Борогонского улуса выделяется Дюпсунский улус и в эти же годы Баягантайская волость получила статус улуса.

В 1822 г. по "Уставу об управлении инородцев Сибири" в Якутской области вместо комиссарств было образовано пять округов: Якутский,

Олекминский, Вилюйский, Верхоянский и Колымский. Округа делились на улусы, улусы - на наслеги, наслеги - на роды. Кроме того, в некоторые улусы были включены тунгусские кочевья по родам.

Во вновь образованном Якутском округе (территория Центральной Якутии) было семь улусов: Мегинский, Кангаласский, Намский, Борогонский, Дюпсинский, Батурусский и Баягантайский. В Вилюйском округе – Верхневилюйский, Средневилюйский, Мархинский, Сунтарский улусы. Каждый из них занимал огромную территорию, что создавало немалые трудности в управлении. Олекминский округ состоял из одного одноимённого улуса. В 1820-х гг. а нём было 5 якутских наслегов и 5 тунгусских родов, а с 1836 г. стало 6 наслегов. Четыре улуса составляли Верхоянский округ. Это – Верхоянский, Усть-Янский, Элгетский, и Жиганский. Колымский округ состоял из одного обширного и одноимённого улуса, хотя, естественно-географически делился на три части: верхнеколымскую, средне и нижнеколымскую. В 1810 г. здесь было 11 якутских наслегов, 13 юкагирских, 8 ламутских и 1 тунгусский род.

Население Вилюя первоначально было прописано к трем зимовьям: Нижневилюйскому, Средневилюйскому и Верхневилюйскому. Таким же образом поступили и в отношении населения южной, северной и восточной Якутии. В целом, на этих территориях, преимущественно обжитых кочевыми и бродячими племенами и родами, в начале XVIII в., по данным Ф.Г. Сафронова, было 2 острожка и 20 ясачных зимовий. Но указанная территория постепенно заселялась якутами. Это колонизация, начавшаяся еще до прихода русских, усилилась во второй половине XVII- первой половине XVIII в. В результате почти повсюду якуты составили большинство населения. Поэтому тунгусские, ламутские, юкагирские роды в административном плане оказались в ведомстве ответствующих улусов. Официально это произошло в 1770-х годах: на р. Вилюе -Средневилюйского, Верхневилюйского, Сунтарского улусов, на Олекме - Олекминском, на севере - Жиганском, Верхоянском, Усть-Янском, Эльгетском и Среднеколымском улусах. В 1824 г. из Верхневилюйского был выделен Мархинский улус. Улусы не были образованы только на р. Мае и в верховьях р. Алдана, где кочевали эвенки.

Как отмечалось выше, термин "улуус" впервые встречается в ясачной книге И. Галкина от 1631-1632 гг. Само слово имеет общее тюрко-монгольское происхождение. Н. Виташевский, один из известных дореволюционных якутологов, отмечал, что "улуус" является искусственно созданной единицей. Сами якуты, видимо, не использовали этот термин. Русским он был известен благодаря монголам. И, возможно, по этой причине термин через них попал в административную лексику.

Другой административный термин, "наслег" В.Л. Серошевский производил от тунгусского "нюлг", обозначающего расстояние в 8-10 верст. Ф.Г. Сафронов, вслед за Л. Г. Левенталем, считал, что "наслег" происходит от слова "ночлег". Служилые люди во время разъезда по волостям останавливались в жилищах князцов. Поэтому эти жилища выполняли функцию постоянных дворов. Отсюда и обилие в документах XVII-XVIII вв. следующие выражения: "наслег Ботурусского улуса Чакырской волости князца Чалыя Бырдахова", "Меитской волости в наслеге князца Елисея Былкова" и т.д.

Улусы и наслега имели своё название, определившееся при их возникновении. Некоторые из них назывались, исходя из особенностей географического расположения (Амгинский, Верхоянский, Усть-Янский и т.д.). К другой группе относятся названия, отмечающие природные особенности мест, где находились те или иные наслеги (например, Мастахский от слова мас – лес, дерево). Встречаются наслеги, названия которых происходят от людей, по той или иной причине оставивших память о себе. Есть наслега с трудноопределимыми названиями.

В исторических преданиях, например, часто упоминается сын легендарного прародителя Эллэя Чериктей, его внук богатырь Мэнэ, правнук Алтан Харах, правнук куобас Бахсы, сын Баджея (дед Тыгына) Ханалас, современники Тыгына Омолон и богатырь Куукай, древние якуты Тарабай Үөдэй и т.д. Их именами, по легендарным данным, названы Кангаласский и Мегинский улусы, Алтанский, Бахсытский, Кюкяйский, Омолдонский, Одейский, Тарагайский и Чериктейский наслега.

По тем же материалам, до начала XVII в. жил добрый и скромный старец Нам. В 1630-х гг. его сын Мымах Намов был князем Намской волости. В 1630-х гг. жил князец Дюпсинской волости Остек и т.д. Эти и другие имена в ясачных книгах первой половины XVII в. многократно повторяются. Ф. Г. Сафронов отмечал, что в связи с распространением сферы обитания якутов эти названия распространяются почти по всей территории Якутии. При этом некоторые названия этногрупп превращаются и в личные имена. Так, по данным Г. П. Башарина, в ведомостях распределения сенокосных угодий между жителями вилюйских волостей 1770-х гг. встречаются имена и названия, встречаемые в Центральной Якутии 1630-1640-х гг.: Баягантай, Батур, Дюпсин, Маложегар, Таркай, Хаяхсыт, Атамай, Мача, Мырыла, Татта, Томпо и др.

Управляли наслегами (волостями) и улусами тойоны. До 1760-х годов эти должности замещались по наследству: они механически переходили от отца к сыну. С 1760-х годов улусных князцов стали именовать "улусными головами". Одновременно все административные должности становятся выборными. Они увольнялись в основном только по болезни и в случае смерти. Князцы занимались раскладкой и сбором ясака и других податей. Это окончательно входит в административный оборот в 1769 г., после упразднения института сборщиков ясака. С середины XVIII в. гражданские и уголовные дела, за исключением крупных, были переданы якутским тойонам.

В историографии дореволюционной Якутии постоянный интерес вызывал якутский социальный термин «тойон». Так, Л. Г. Левенталь считал, что постоянная борьба якутов на юге до вытеснения их на север и продолжительная борьба здесь с тунгусами, ламутами, юкагирами за новую родину и властное положение «выделили среди якутов воинственную аристократию, сильную многочисленностью кровных родственных связей и организаций, - аристократию жестокую и гордую, выводившую родословие от представителей якутского Олимпа, от знаменитых шаманов и шаманок...» Тойоны, по его предположению, увеличивали своё благосостояние и могущество военной добычей, данью с покорённых чужеплеменных соседей.

После покорения края войны начались внутри завоевателей. В этих условиях, по его мнению, только сильные и многочисленные семьи – общины могли жить самостоятельно. Под защиту их на правах покровительствуемых клиентов входили и другие семьи, признав главу – родоначальника их за своего господина. Последний становился главой целой группы семей. Так объяснял Л. Г. Левенталь происхождение якутских тойонов, опираясь, в основном, на фольклорные материалы. В дальнейшем возникали прототипы будущих улусных территорий и перед приходом русских на арене борьбы в местности, прилегающей к Якутску, выдвинулись две крупные силы – Тыгын и Лёгёй. При этом, как мыслил автор, кангалассы, с Тыгином во главе, были сильнее и воинственнее борогонцев, потому Тыгын жил «считая себя вольным царём якутским». Как полагал Левенталь, потому, когда Тыгын был разгромлен казаками, Лёгёй не поддержал кангаласцев и в дальнейшем добровольно согласился принять подданство Белого царя. В новом положении вещей всё должно было уступить место соглашению. «Всё это как нельзя более благоприятно было для умного и энергичного якутского аристократа». При этом по-прежнему земля, скот, вода, все наиболее ценные орудия труда – всецело оставались в руках знати.

С. А. Токарев, ссылаясь на документы XVII в., описывает тойонов крупными скотоводами, владельцами родов и предводителями дружин. Он также согласился с мнением Л. Г. Левенталья о том, что историческими предшественниками их были «истинно военные предводители». Но вместе с тем С. А. Токарев считал, что в «историческое время» тойоны не обладали родовым авторитетом среди народа. В их хозяйствах трудились различные категории непосредственных производителей, отличавшихся друг от друга степенью экономической зависимости от тойонов. По мнению Г. П. Башарина, В. Н. Иванова и др., наиболее эксплуатируемой являлась категория людей, живущих «подле», «около» тойонских хозяйств. На положении полной зависимости от тойонов находились «захребетники», «воспитанники», «боканы», «кулуты» (холопы)

В 1677 г. тойоны Мазары Бозеков, Нокто Никин и Трек Осюркаев во время пребывания в Москве выдвинули требование «быть бы им над род-

никами своими судьями, и меж ними суд и расправу чинить без градския волокиты».

Приведённые и другие материалы позволяют определить слово «тойон» как военно-административный и сословно-аристократический термин.

Якутские князцы – из кангаласцев Мазары Бозеков (сын Бозека, казнённого воеводой Головиным, внук Тыгына), из намцев Нокто Никин (внук Мымака), из мегинцев Трек Орсукаев – выхлопотали разрешение представиться царю, и в 1676 г. приехали в Москву. Они 3 января 1677 г. подали челобитную о разорении якутов, вследствие злоупотребления служилых людей. Поэтому желательно лишить сборщиков ясака права на осуществление суда над ясачными в улусах, и это право передать им, на них же возложить сбор ясака в пределах своих улусов. Царь поддержал челобитную якутских тойонов и 9 февраля 1677 г. издал указ, который допускал якутских тойонов к участию в рассмотрении мелких споров между ясачными в улусах. В следующем 1678 г. вышел другой царский указ, допускающий тойонов к участию в сборе ясака. Интересно и то, что в 1680 г. во время второго приезда якутской делегации, особым царским указом было подтверждено следующее: родоначальников Мазары Бозекова, Чука Капчикова и Чугун Бодоева официально признали князцами. В этой связи воевода И. В. Приклонский предоставил князцу Мазары Бозекову полицейские полномочия. Вскоре и многие другие князцы и «лутчие люди» удостоились аналогичных полномочий.

Кроме того, по данным Г. П. Башарина, в 1677 г. в Москве был также тойон Кисикей Сахалкин. Здесь он крестился у русского священника. Ему дали имя Леонтий Львов, царь присвоил звание сына боярского ему и его сыну, Ивану Львову.

По "Уставу об управлении инородцев Сибири" (1822 г.) якуты были отнесены к разряду кочевых народов, эвенки, эвены, юкагиры и чукчи – к разряду бродячих. В этой связи в якутских наслегах создавались родовые управления, куда входили староста (бывшие князцы) и один или два помощника "из почетных и лучших родовичей". Родами, составлявшими наслег, правили старшины. В улусах создавались инородческие управы из

улусного головы, двух выборных и письмоводителя. Роды "бродячих" начали управляться одними старостами. Все избранные утверждались в своих должностях областным начальником и приводились к присяге на верность службе прицтами церквей. Затем улусные головы и старосты получали кортики. На жалованье содержались только улусные писари за счет самого населения. За хорошую службу награждались красными кафтанам, серебряными кортиками, золотыми и серебряными медалями. Взятки и одаривание являлись дополнительными источниками обогащения тойонов.

При инородческих управах и родовых управлениях имелись тюремные помещения, называемые "сибирками", где на короткий срок содержались провинившиеся. Ясачная политика, развитие торговли, зарождение земледелия усилили социальное неравенство среди местных жителей.

Сибирские воеводы и служилые люди занимались казнокрадством и лихоимством в отношении аборигенов. Так, ясачные сборщики требовали себе подарков мехами. Львиную долю подарков забирал себе комиссар, затем – писарь, толмач, целовальник, далее казаки. У бедняков отбирали жён и взрослых детей в «работу» и предметы быта. Правительство было весьма обеспокоено этим, и время от времени посылало ревизоров. Так, например, сыщик-ревизор Ф. Охлопков в 1665-1666 гг. выявил, что якутский воевода И. Ф. Голенищев – Кутузов различными злоупотреблениями нажил 22920 соболиных шкур. Воевода Лодыженский получил «в почесть» 1600 соболей. Беря взятки у якутов, нажил «на год скотин по 200 быков и коров». Спекулировал водкой, хмелем, мукой. Воевода Елгин признавал, что в один праздничный день взял «почётных приносов» на 5-6 тыс. рублей.

Царское правительство пыталось бороться с этим злом. Не помогало неоднократное издание указов, содержащих угрозы в адрес воров, обидчиков ясачных, даже случаи демонстративных репрессий в период оформления абсолютной монархии в России. Так, в частности по приказу Петра I в 1721 г. в Петербурге состоялась публичная казнь первого Сибирского губернатора князя М. Н. Гагарин «за великие воровства» и якутского вице-губернатора Жолобова - в 1736 г.

Правительство Анны Ивановны 21 мая 1733 г. издало указ, направленный против рабства в Якутии и на Камчатке. Указ затруднил служилым людям возможность злоупотребления, превращения свободных якутов в холопы, но действие его было все же ограничено. Поэтому в 1750 г. Иркутская провинциальная канцелярия потребовала, чтобы «впредь никого из якутских обывателей новокрещённых в холопство ни под каким видом не крестили».

§ 3. Экономическое положение в Якутской области

В рассматриваемое время экономические связи якутов с эвенками, эвенками и юкагирами продолжались в форме обменной торговли. Но наряду с ними со времени включения Якутии в состав Русского государства она была втянута во всероссийский рынок, а через него в международные торговые связи. Пушные богатства края представляли огромный источник пополнения финансовых ресурсов России. Якутия, по сравнению с другими частями Сибири, поставляла на рынок наибольшее количество пушнины, которая благодаря своей ценности играла в XVII-XVIII вв. роль валютной казны. Якутск становится одним из крупных торговых центров Сибири. По свидетельству П.С. Софронеева, специально исследовавшего Якутию первой половины XVIII в., по удельному весу в казенной и частной торговле пушниной г. Якутск порой занимал ведущее место среди других сибирских городов. Казна завозила разные товары в Якутию, чтобы закупить у местного населения ценную пушнину. Таможенный контроль и высокие пошлинные платы значительно ограничивали деятельность частных торговцев. Но несмотря на это главная роль в развитии торговли принадлежала торговым людям. Ежегодно они приезжали в Якутск из разных городов России и Сибири. Из Якутска купцы ездили до Анадыря, Охотска и Камчатки.

Г.Ф. Миллер, прозванный "отцом сибирской истории", делил товары, привозимые из России на два рода: собственно русские и иностранные. Из русских товаров наибольшим спросом пользовались юфть, красное сукно, холст, полотно и разные металлические изделия, бисер, корольки.

Из иностранных товаров большой сбыт в Сибири находили немецкие, голландские, английские, французские сукна. Кроме того, в Якутск больше всего поступали китайские товары. Привозные товары продавались по очень дорогой цене. Разница между ценой покупаемых в России товаров и ценой их сбыта в Якутии была колоссальной и Якутск в обозреваемое время, являлся самым дорогим городом в русском государстве.

Наряду с пушниной ценным товаром для купцов являлась мамонтовая кость. Почти вся торговля в крае этого периода находилась в руках приезжих купцов. Они, наряду с промышленными товарами, в значительном количестве привозили хлеб. Много хлеба доставлялось из Илимского и Иркутского уездов на плотах из строевого леса.

Для снабжения продовольствием служилого русского населения казна закупала у якутов скот, мясо и масло. Кроме того, в документах немало упоминаний о продаже якутами сена, рыбы, ягод, конечно, пушнины. Продавались и сенокосные угодья.

В 1768 г. была официально учреждена Якутская ярмарка и в следующем году сюда было доставлено на 150 тыс. руб. промышленных товаров. Обороты ярмарки на рубеже XVIII-XIX вв. превышали 2500 тыс. руб. Происходила она ежегодно в два срока: в июне-августе и в декабре. Основную поклажу казенных судов составляли спирт, вино и соль. К моменту прибытия верхоленских судов местные и остававшиеся здесь на зиму иногородние купцы и приказчики подвозили в Якутск пушнину, моржовые клыки и мамонтовую кость.

В изучаемое время ремеслом в Якутске занимались как русские, так и якуты. Среди них были представлены мастера не менее 23 специальностей, но только отдельные отрасли носили товарный характер. Значительное развитие получило в частности якутское кузнечное ремесло.

Круглый год шло движение по Иркутско-Якутскому тракту, предназначенному для перевозки почты, грузов и пассажиров. Возрастало движение и по Охотскому выючному тракту (927 км.), устроенному для перевозки грузов Камчатской экспедиции Витуса Беринга, а в конце XVIII в. получившему важное значение в связи с деятельностью Российско-Американской кампании. В середине XVIII в. для перевозки отправляемых

в Охотск грузов ежегодно требовалось 4-5 тыс. якутских лошадей, а в пору деятельности Второй Камчатской экспедиции количество используемых лошадей порой доходило и до 8-9 тыс. В конце XVIII века в порядке гужевой повинности на перевозках грузов по тракту было занято 6-10 тыс. лошадей и 1200-1600 проводников ежегодно.

Две сухопутные дороги соединяли Якутск с р. Колымой. К востоку от Колымы на берегу Большого Анюя с 1770-х годов была заведена постоянная торговля с чукчами. Анюйские ярмарки устраивались в конце зимы. Несколько лет спустя ярмарка была перенесена на берег Сухого (Малого) Анюя. В конце века её ежегодно посещало от 300 до 600 чукчей, русских, якутов, юкагиров и коряков. Здесь на промтовары купцы выменивали пушнину, меховую одежду, моржовые клыки и ремни. Чукчи служили посредниками в торговле между русскими и жителями Аляски, выменивая у последних меха бобров, куниц и рысей. Обороты ярмарки, продолжавшиеся обычно три дня, достигали 200 тыс. руб.

На рубеже XVIII-XIX вв. г. Якутск постепенно из военно-административного пункта превращался в административно-торгово-ремесленный центр. Основная масса городского населения края была обременена многочисленными платежами и службами. Собранные подати шли на разные городские расходы. В конце первой половины XIX в. в Якутске проживало около 5.5 тыс. жителей, Средне-Колымске - 458 человек, в Вилюйске - 341, Олекминске - 298, Верхоянске - 176 чел.

В обозреваемое время в улусах царское правительство постепенно наделяет тойонов судебными и административными правами, функциями, способствуя дальнейшему развитию Якутии по пути феодализации. Убыстряется разложение якутской сельской общины до Первой ясачной реформы и развитие частной земельной собственности.

§ 4. Реформы Первой ясачной комиссии

В 60-х гг. XVIII в. правительством было решено провести в Сибири ясачную (налоговую) реформу. Основным правовым документом реформы явилась Инструкция Екатерины II от 4 июня 1763 г. Основными задачами

ясачной реформы являлись выявление действительного числа ясакоплательщиков и определение такого нового оклада ясачной подати, который можно было бы взыскивать в казну без недоимок и без переобложения. В конце своей работы комиссия определила, что по всей Сибири проживает 132 тыс. ясачных мужского пола, в том числе якутских ясачных мужского пола насчитывалось 38022 человек.

Реформы, проведенные в 1760-1770 -х годах, приостановили дальнейшее развитие частной земельной собственности и придали новую силу остаткам общинной собственности, которые начали снова возобладать над частной. Вследствие деятельности этой комиссии устанавливается связь землепользования с ясаком. Поэтому со второй половины XVIII в. земля становится главным мерилom ясачного обложения по принципу: «ясак по земле». В результате возникает практика земельных переделов, приведшая к утверждению общинного землепользования. Первые земельные переделы были проведены в якутских улусах в последней трети XVIII в. Земля была распределена и в дальнейшем должна была периодически перераспределяться князцами и старшинами по окладу ясака. При таком порядке землепользования лучшие земли оставались по-прежнему в руках тойонов и зажиточных байских элементов, между которыми и происходили земельные переделы. А неплательщики ясака лишались земли. Эту систему Г.П. Башарин назвал соболино-лисьей системой землепользования. Такой порядок у якутов существовал до первой трети XIX в.

В социально-экономической истории края Первая ясачная комиссия сыграла огромную роль. Перед ней ставились следующие задачи: 1 установка такого порядка при взимании ясака, при котором можно было бы обойтись без сборщиков ясака и аманатства и 2 отказаться от категорического требования ясака непременно пушниной, дав возможность 3 замены последней деньгами; 4 определение возраста для взимания ясака; 5 отмена казенной монополии на пушнину. Начальником комиссии был назначен коллежский советник Мирон Мартынович Черкашенинов (в некоторых источниках Черкашинников), перед тем два года бывший здесь воеводой. Официально комиссия начала свою работу с лета 1766 г.

Комиссия установила возраст плательщиков - от 16 и до 60 лет. При составлении списка ясачных умершие, дряхлые и увечные были исключены до следующей ревизии. В якутском фольклоре сохранилось название этого списка - "Мөрүөн испииһэгэ". Признаками для обложения ясака служили количество работников, степень отдаленности промысла, количество скота, обилие покосных и выгонных земель. Ясачный оклад ограничивался только соболями и лисицами. Количество оклада обоих состояний давала сумму ясака на каждый род и улус. При этом на случай необходимости замены пушнины деньгами, соболь по существовавшей тогда цене, был приравнен к 7 рублям, а лисица - 2 рублям. По такому окладу, например, Игидейский род за год платил казне 25 соболей и 100 лисиц или деньгами 375 рублей. Это новое положение в крае было введено с 1769 г. Следовательно, все действия Первой ясачной комиссии в основном завершаются указанным годом.

В результате деятельности комиссии были расширены права и обязанности родоначальников и ограничена сфера вмешательства местных властей. Взиманием, распределением, переводом ясачно-возрастных в плательщики, из высшего оклада в низший или совершенным освобождением стали заниматься фактически тойоны. Общая сумма оклада ясака, установленная Первой ясачной комиссией для Якутской области, составила 29 % общей суммы оклада ясака со всей Сибири.

Кроме того, комиссией была составлена т.н. «Ясачная выписка» для регулирования самоуправления, судебной и административной деятельности местных родоначальников. По мнению Л. Г. Левенталья, специально занимавшегося деятельностью Первой ясачной комиссии, такая необходимость существовала. В якутском обществе шла борьба между прослойкой богатых, но не родовитых, называемых в документах «лучими людьми» и родовой аристократией, тойонами. «Этот то класс претворил в себе, — писал Левенталь, — старшие родоначальнические семьи, поборол их первенствующее значение у якутов, добился наряду с ними доступа к общественным должностям и равного участия во всех общественных делах».

По установкам комиссии роды были подчинены наследным князям, с этого времени в документах постоянно стали пользоваться термином «наслег», которого Л.Г. Левенталь выводил из русского слова «ночлег».

В ходе деятельности комиссии М. Черкашенинов заменил большинство прежних князцов новыми более дельными старшинами. Реформа проработала также случаи, когда князец подлежал смене, в особых случаях даже после публичного телесного наказания за определенные проступки. Но в скором времени телесные наказания были отменены в отношении родоначальникам. А указом Якутской воеводческой канцелярии от 29 июля 1773 г. вменено в обязанность при каждом таком случае делать представление губернатору и ждать резолюции.

Главой рода становился старший тойонской семьи (или глава старшей тойонской семьи, если их в роде было несколько), после смерти которой должность обычно передавалась его брату или сыну. Наслег, состоящий из группы родственных родов, сельских общин, имел одного старшего рода потому его глава обычно становился наследным князем. Его выбирали на должность ограниченный круг людей - главы тойонских семей младших родов вместе с авторитетными представителями тойонской семьи старшего рода. После работы Первой ясачной комиссии улусные князцы стали официально именоваться «улусными головами» Л.Г. Левенталь даже определил более конкретную дату: «В 1782 г. мы встречаемся, наконец с улусными головами уже под этим их названием и с ясно выраженной властью над наследными князцами».

Для основной массы скотоводов стало необходимым во что бы то ни стало тянуть ясак, чтобы не лишиться земли. Кроме того, если раньше тойонско-байская прослойка владела землею на основании своей привилегированности, то теперь привилегированный класс нашел новое основание для присвоения себе земель своих обществ в факте продолжительного наследственного платежа ясака за эти земли и принадлежности к ясачным плательщикам. Поэтому постепенно термины «ясачноплательщик» «ясачноспособный» стали синонимами полноправного члена общества владеющего землей и участвующего в решении общественных дел.

Кроме ясака население края платило пушные, денежно-казенные повинности и общественные расходы. Во избежание недоимок якутские общества были связаны круговой порукой и для перехода от одной общины или наслега в другую нужно было получить разрешение от родоначальников.

Эксплуатация тойонской аристократией и «лутчими людьми» бедноты принимала различные формы. Наиболее типичным явлением была раздача скота на выпас, в «пользование». Состоятельный класс обогащался на различного рода подрядах и ростовщических операциях. Кроме того, источником обогащения якутской знати были торговые операции с инородцами. Якутские князцы и зажиточные якуты совершали систематические поездки в эвенкийские стойбища, выменивая и скупая пушнину. Так, например, А.Ф. Миддендорф встретил в 1844 г. на северных склонах Станового хребта 25 якутских купцов с 80 приказчиками, которые доставляли товары на 700 оленях. Они же торговали на северо-востоке с юкагирами, чукчами и эвенками.

§ 5. О «Наказах» якутов

В XVIII в. неоднократно ставился вопрос о создании нового Свода законодательных актов, который должен был прийти на смену Соборному Уложению 1649 г. Эта работа особенно оживилась стараниями императрицы Екатерины II. Так, 14 декабря 1766 г. были изданы Манифест и именной указ для составления проекта Нового Уложения и о выборе депутатов. По этому случаю было избрано 576 депутатов, в их числе 7 депутатов от аборигенного населения Сибири. Среди них — два бурята, один якут, один эвенец.

М. М. Федоров выяснил, что Иркутская губернская канцелярия считала якутов кочующими и им было запрещено участвовать в выборах. Но, тем не менее, князцы пяти подгородных улусов — Кангаласского, Мегинского, Батурусского, Намского и Борогонского — организовали выборы депутата в Комиссию для составления проекта Нового Уложения.

В голосовании участвовали верхушки тойонских представителей всех подгородних улусов. В результате за князца Кангаласского улуса Софрона Сыранова было подано 4 голоса, за представителя Мегинского улуса Василия Ларина – 3 голоса, а остальные князцы не получили ни одного голоса. Депутату С. Сыранову улусы дали свои наказы, которые опубликованы в сборнике документов «Памятники права Саха (Якутия)», составленном семьёй юристов Фёдоровых.]

Ссылаясь на то, что Сыранов должен преподнести Императрице подарки от якутов и лично вручить ей их просьбу, настояли на необходимости его поездки в Москву. Иркутская канцелярия направила Сыранова в Тобольск к Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину. Но при этом писали председателю Комиссии по сочинению Нового Уложения А. И. Бибикову, что якуты «живут кочевьями, одними юртами, переходя с места на место».

А. И. Бибиков, а затем и Первый департамент Сената в 1768 г. решили, что Сыранова «в число прочих депутатов принять не можно и, следовательно, объявить ему, чтобы он ехал по прежнему в свои улусы».

[Софрон Сыранов обратился к Екатерине II с просьбой утвердить его депутатом и преподнёс ей в подарок «шесть лисиц буренских». По именному указу Императрицы от 17 октября 1768 г., повелено князца Сыранова принять в число прочих депутатов тем более, что Екатерине II известно, что «онные якуты не точно кочевые, но зиму пребывают в своих жилищах». Депутат от якутов был приведён к присяге.

Глава Борогонского улуса Алексей Аржаков, обеспокоенный ухудшением экономического состояния населения, составил специальный документ под названием «План о якутах с показанием казенной пользы и выгоднейших положений для них». Описывая прежнее положение якутов, подчеркнул, что в прошлом столетии они добровольно поддались Российской державе и все исправно платят в казну положенный правительством ясак. «Во время вечнославной памяти Петра Великого, - писал он, характеризуя тойонское сословие, - на обозрение и утверждение их верноподданничества многие отличаемы были почестью дворянства, на что и ныне сохраняется у некоторых грамоты».

Касаясь современного тому периоду состояния якутского населения, дал исчерпывающую характеристику их социально-экономического положения, на основе которого построил план улучшения жизни населения Якутии. Для чего он ходатайствовал о необходимости установления должности якутского областного головы и «словесного якутского суда» для преодоления распрей между улусами и для удобного разрешения «государственных, казённых и общественных дел».

«Исправники заседатели, - писал Аржаков, – определяются ныне из людей таких, кои не токмо не знают ни нравов, ни обычаев, ни языка якутов... Потому простота якутов им смешна; добросердечие не благоприятно; образ жизни презрителен; речь не понятна. Какие же суждения или разбирательство могут делать в ссорах, и уважение к человечеству в виде тех существ, коих высокомыслие едва сопричисляет к числу человеков?» Поэтому он предлагал назначать на должность исправников лиц, знакомых с языком и обычаями местного населения.

А. Аржаков предлагал учредить училище для якутских детей «дабы оные впредь были годны на службу общественную и государственную и к просвещению сородцев своих». Он также просил Императрицу пожаловать якутским князям и головам дворянское достоинство.

Таковы были основные предложения в «Плане» А. Аржакова, которые были «повергнуты» к священнейшим стопам Её Императорского величества, «моля раболепно отпустить простоте обнаруживающей истину, и дерзновению верноподданнейшим усердием и ревностью руководствуемому».

Свои предложения А. Аржаков лично представил Екатерине II 18 сентября 1789 г. Для этого он без выезда находился в Петербурге с 1788 г. по 1790 г., добиваясь приёма, а затем уже ожидая решения Государственного Совета. «План о якутах» обсуждался Госсоветом 1 октября 1789 г., и в целом не получил его одобрения.

§ 6. Положение народов Севера в XVIII – первой половине XIX вв.

В рассматриваемое время эвенки совместно с эвенгами (ламутами) занимали значительные пространства на окраинах Якутии. Так, эвенки-

киндигирцы занимали бассейн Олекмы и Верхний Алдан; *нанагирцы* Нижнюю Олекму до Вилюя; *шелогонцы и фугледы* - левые притоки Вилюя, *калтакулы* - Нижний Вилюй до Лены; по Оленьку и Анабару бродили *ижиганцы, адяны и синигиры*. Бассейн Алдана и территория до Охотского побережья считались охотничьими угодьями *тунгусов-лалагирцев, тугочаров, уяганцев и долганов*. Численность этих родоплеменных подразделений эвенков в среднем состояла из 100-200 ясачноплательщиков.

В бассейнах Яны, Индигирки и Колымы - преимущественно по их верхним течениям - кочевали эвены, произошедшие из тунгусов Охотского побережья.

Родовой строй у эвенков в обозреваемое время разлагался. Патриархальные группы, из которых состояли роды, вели хозяйство самостоятельно. В состав таких групп входили не только кровные родственники, но и «вскормленники» и рабы, роды восполнялись последними в межродовых и племенных войнах. Владели рабами родовые и племенные вожди, удачливые воины-охотники.

Каждый род занимал определенную территорию, охраняемую его членами. Члены рода, как отмечалось выше, были связаны экзогамными брачными нормами: мужчины брали женщин из другого рода, а сестры их выходили замуж за молодых охотников противоположного рода. Кроме того, родовая солидарность удерживалась и в сохранении обычая кровной мести. Вождь являлся представителем рода в сношениях с другими родами и русской администрацией. Он же являлся военачальником. Роды, составлявшие племя, были связаны между собой браками, узами взаимной помощи.

Частые войны эвенков между собой и с соседями привели у них к широкому развитию военного дела. Воины выступали в куяках-броне, шлемах и щитами. «Люди воисты, боем жестоки» - отзывались о них казаки.

Основы политики царизма в отношении тунгусов определялись интересами казны. Прекрасные охотники на пушного зверя, поставщики пушнины многим народам Восточной Сибири, они интересовали Русское государство прежде всего как плательщики ясака. Ясак эвенки платили под аманатов (заложников, оставляемых в зимовьях русских казаков). Послед-

ними становились родовые и племенные вожди, и их близкие родственники. Никаких твердых норм ясачного обложения не существовало. Взимали от одного до пяти соболей. Обычно причитавшиеся с рода ясак приносили в зимовье два-три эвенка. При этом они принимали всякие предосторожности, чтобы их не захватили в аманаты. Шкуры подавали в окно или же клали в установленных местах и об этом извещали через какого-нибудь раба.

За ясак эвенкам давали бисер, бусы, олово, медные котлы и муку. Часть пушнины они обменивали русским на товары.

Отношение тунгусов с якутами оставались довольно сложными. Дальнейшее продвижение якутов в XVII-XVIII вв. по Алдану, Вилую не могло не вызывать военных столкновений. Но при этом войн, охватывающих целые племена, не было. Несмотря на эти нередкие столкновения, между этими народами преобладали мирные экономические связи. Они вели к брачным связям, к взаимной ассимиляции. В результате смешения якутов, передвигавшихся к северу, с эвенкийским племенем долган образовалась к началу XIX в. новая якутоязычная народность - долганы.

Еще одно приметное событие в истории эвенков Якутии - значительная по своим масштабам миграция вилюйских тунгусов в южную Якутию и северные районы Верхнего Приамурья, происходившая с конца XVII по конец XVIII в. В числе мигрантов были представители родов *баягир*, *калтагир*, *нюрмаган* и *сологон*. По подсчетам В.А. Туголукова, мигрировали приблизительно 900 человек всего населения.

Переселение на территории региона значительной массы якутов в течение XVII-XVIII вв. являлось причиной ассимиляции ими местного тунгусского населения. Формировалось этнически смешанное население.

По якутским преданиям, в древности на Вилую обитал «шитолицый» народ «дьирикинэй», одевавшийся в ровдужные шубы и шапки, окрашенные красной охрой. Они имели оленей, занимались охотой. Тогда же на Вилую жили *туматы*, *тунгусы-сологоны* и *нюрбаганы*, кочевавшие вместе с *дьирикинэй*. В дальнейшем с увеличением тунгусов туматы переняли от них оленеводство, а тунгусы восприняли туматскую манеру пришивать к своим «фракам» хвосты из оленьей шерсти, окрашенной в красный цвет. Как предполагал В.А. Туголуков, дотуматское население Вилуюско-

Оленекского региона было уралоязычным («самодийским»), с которым вступили в общение древние тунгусы, образовав в дальнейшем участие ламутов (эвенов) и некоторых юкагироязычных этногрупп.

Как было отмечено выше, юкагиры не составляли единого этнического целого, распадаясь на отдельные диалектные племена. По Омолону и Большому Анюю, по Анадырю кочевали *ходынцы*, по Большому и Малому Анюям, Анадырю и Чауну - *чуванцы*. В среднем Анадыре жили *анаулы* на Алазее - *алазеи*. По Нижней Колыме кочевали *омоки* и ряд других юкагирских ответвлений по Яне, Индигирке. Из них «пешие» юкагиры жили в бассейнах Яны и Индигирки, занимались рыболовством и охотой, ездили на собаках. «Оленные» кочевали в тундре между Индигиркой и Колымой по Колыме, Анадырю и Пежине, Держали немногочисленные стада оленей и употребляли их в основном для перевозок. Поэтому рыболовство и охота, в частности на дикого оленя на «плавах», играли важную роль в их хозяйстве.

Ассимилированные эвенами юкагиры, жившие между рр. Индигиркой и Яной, называли себя по-эвенски *илконбей* («местный человек»). Ассимилированные якутами юкагиры в бассейне Яны признавали себя юкагирами; а смешавшиеся с чукчами чуванцы в бассейне Анадыря – *этел*; обрушившиеся на р. Колыме чуванцы переходят постепенно на русский язык.

В начале XIX в. в связи с прекращением миграций диких оленей через рр. Колыму, Анюю и Омолон, положение нижнеколымских юкагиров резко ухудшилось. Это побудило их поселиться вблизи русских селений по Колыме. Кроме того, в связи с падежом оленей обнищали и верхнеколымские юкагиры.

Большое значение приобретает пушной промысел. Тундровые юкагиры охотились на лисиц и песцов, настигая их на оленьей нарте. Летом разрывали песцовые норы и добывали щенят. Верхнеколымские охотились на горностая и белку, которых били тупыми стрелами, не портящими шкур. Метательным дротиком и *боласом*, состоящим из ремней с камнями на концах, охотились на морских птиц. В середине XIX в. лук у верхнеколымских юкагиров сменило кремневое ружьё.

Зимним жилищем у верхнеколымских юкагиров в XIX в. служила якутская юрта. С марта по сентябрь они жили в конических чумах, крытых оленьими шкурами. У тундровых юкагиров в XIX в. распространяется жилище типа чукотской яранги или эвенкийского жилища *гарама-дю*.

Социальные отношения юкагиров в первой половине XIX в. существенно не изменились по сравнению с предыдущими веками. Господствовали патриархально-родовые отношения при наличии слабых пережитков материнского права. Общий низкий уровень их жизни приводил к тому, что имущественная дифференциация не была резко выражена. Как писал Ф.П. Врангель о части колымских юкагиров, «от непрерывных сношений русскими юкагиры переняли у них образ жизни, одежду, устройства жилищ... Господствующий язык у них ныне русский».

Как отмечено было выше, приход русских не остановил продвижения оленных групп чукчей на запад. Не помогла и постройка Нижнеколымского и Анадырского острогов, взявших юкагиров под свою защиту. На Чукотку, где была сосредоточена основная масса чукчей, русские отряды попали, как отмечено выше, только в начале XVIII в. Тогда же оленные чукчи резко увеличили свои стада за счет стад коряков. Во второй половине XVIII в. они отогнали у коряков около 240 тыс. оленей и захватили в рабство несколько сот женщин и детей. Основной ячейкой общественного строя по-прежнему оставалась патриархальная семья. У береговых чукчей эти семьи объединялись в селения, представлявшие собой территориально-производственное объединение. Поселки имели свою главу, которого русские называли тойоном. Аналогичным объединением у кочевых являлось стойбище. Во время крупного столкновения с врагами объединялись несколько стойбищ или олений, руководимые выборными военными вождями.

В первой половине XVIII в. правительство сделало ряд попыток привлечь чукчей к ясачному платежу и прекратить их набеги на ясакоплательщиков. Однако заставить чукчей платить ясак не удалось. Со временем изменилась и правительственная политика по отношению чукчей: они, как народ не вполне покоренный, «платят ясак количеством и качеством какой сами пожелают». За плату ясака стали одаривать чукчей подарками. Для привлечения населения к уплате ясака в 1773 г. официально восста-

навливается Нижне-Колымск, а в 1784 - Анадырское поселение на урочище Марково. Со временем одаривания чукчей фактически превратилось в официальную меновую торговлю.

В начале XIX в. чукчи-оленоводы продолжали продвижение на запад и юг. На западе их привлекали богатые ягельные угодья и возможность торговли с русскими. На юге в середине века чукотские стойбища находились около р. Омолона..

Последнее десятилетие XVIII и начало XIX в. характеризуются установлением торговых отношений русских с чукчами, в которых были заинтересованы сами чукчи. Русские товары (особенно котлы и крупные железные изделия), табак пользовались у них большим спросом. Западные оленеводы – чукчи неоднократно обращались к местной администрации с просьбой о развёртывании торговли. И к концу XVIII в. относится возникновение первых русско-чукотских ярмарок. В 1788 г. было положено начало Анюйской ярмарке (р. Анюй, в с. Островном), как отмечалось выше, сыгравшей большую роль в развитии торговых отношений на всём Северо-Востоке. Рост её оборотов, объяснялся тем, что в торговые отношения были втянуты не только оленеводы, но и осёдлое население Чукотки, а через них и эскимосы Аляски. Позже возникло ещё несколько русско-чукотских ярмарок.

По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. чукчи были отнесены к особому разделу «инородцев, несовершенно зависящих от правительства», которые «управляются и судятся по своим обычаям и обрядам» и платят дань «по собственному их производству как в качестве, так и в количестве».

В середине XIX в. среди чукчей организуется «родовое управление». Колымский исправник барон Г. Майдель разделил их на «роды» и назначил в каждом из них князца. Он стремился этим использовать зажиточную верхушку для сбора ясака. Но эти мероприятия не дали ожидаемых результатов – чукчи по-прежнему не признавали власть назначенных князцов и не платили ясак.

В 50-х гг. XIX в. в морях, омывающих Чукотский полуостров, появляются американские промышленники - китобои, которые также занимались торговлей. Производимая в больших масштабах торговля спиртом и

массовое уничтожение китов и моржей сказались губительно на благосостоянии приморских чукчей и эскимосов.*

Чукотское оленеводство на Севере Азии в XVII – XIX вв. являлось одним из самых крупных как по своему общему поголовью, так и по размерам отдельных стад. Вместе с тем оно было наиболее архаичным оленеводством. Выпас оленей производился только силами пастухов. Степень прирученности оленей была очень низка. Со стадом передвигался один чум для отдыха пастухов. Основная часть жителей стойбища перекочёвывала несколько раз в год.

В середине XIX в. собачья упряжка веером была вытеснена восточно-сибирской нартой и упряжкой цугом. Этот тип собаководства сложился под влиянием русских. Нарта этого типа представляет собой длинные узкие сани на прямых копыльях с дугой спереди, от которой идёт длинный ремень. К этому ремню пристёгивались попарно до 12 собак. Кормили собак квашеным мясом моржа.

Основной социально-экономической ячейкой приморских чукчей в XIX в. становится байдарная артель, объединявшая 3-5 родственных семей. Главой артели был владелец байдарки, чаще – рулевой.

Хозяйственным объединением оленных чукчей в XVIII – XIX вв. являлось стойбище с чертами соседской общины. Обычно оно включало 4-5 семей, совместно выпасавших оленей.

Наряду со стойбищами В. Г. Богораз отмечает у оленных объединения семейных групп (патронимий) – *вараты*. Члены варата были связаны между собой рядом общих обязанностей и обрядов, в том числе обычаем кровной мести. Каждая семья имела свой огонь, добываемый из священного деревянного огнива. Передача огня допускалась только между родственниками по отцовской линии («люди одного огня»). Каждая семейная группа имела свой знак помазания кровью во время осеннего жертвоприношения. Отсюда её другое название – «люди одной крови». 15 – 20 стойбищ образовывали территориальную группу, связанную взаимопомощью.

* В конце XIX в. царское правительство предпринимает некоторые шаги для изгнания иностранцев. В 1889 г. на Анадыре открывается административный Мариинский пост. Русские купцы успешно начали конкурировать с иностранцами.

Проникновение чукчей в Колымский округ привело к улучшению своих стад за счет покупки лесных эвенских оленей, использованию летом оленей под седлами. Начали заниматься рыболовством. По сравнению с остальными обитателями Колымского округа, они представляли собой наиболее обеспеченную группу. Это способствовало заключению браков между чукчами и представителями местных этносов и в том числе с русскими.

§ 7. Реформа М. М. Сперанского и якутская степная дума

В 1820-х годах под руководством М.М. Сперанского готовилась реформа нового управления Сибирью. Она, как и все реформы той поры, готовилась в строжайшей тайне. Положительным явилось стремление авторов, по возможности, приблизить организацию управления к требованиям жизни. Так, в частности «Устав об управлении инородцев Сибири» пресекал попытки местных властей изолировать население Сибири от русского. Он утверждал право ясачных людей на свободный и беспослиный сбыт своей продукции, открывал въезд в их территории всем торгующим людям, требовал, чтобы казенные продажи ни в коем случае не стесняли «промышленности» частных лиц.

Кроме того, М. М. Сперанский и его сотрудники считали, что данный Устав устраняет три основных «неудобства», возникшие в областях – полицейского, судебного и хозяйственного управления инородцами. Данный Устав состоит из 47 частей, содержащих 43 главы и 372 параграфа.

По «Уставу управления инородцами» население Сибири было разделено на разряды, узаконивалась система их управления. В нём излагался наказ полицейским, судебным и хозяйственным органам и устанавливался порядок раскладки и сбора податей и несения повинностей.

Якуты были отнесены к разряду кочевых инородцев, куда входили кочующие земледельцы, скотоводы и промышленники. К бродячим причислены те, которые занимались охотой, рыболовством и оленеводством (эвены, эвенки, юкагиры).

Как частично отмечалось выше, по данному уложению родовое управление наслега состояло из старосты, одного или двух его помощников – старшин. Они занимались сбором податей, учётом населения для определения налогов, полицейским «ближним надзором», осуществляли телесные наказания, функции «суда и словесной расправы» первой степени. Наследное управление подчинялось инородческой Управе улуса. А родовое управление «бродячих инородцев» имело одного старосту, обладавшего правами и обязанностями как родового управления, так и Инородческой управы.

Инородческая управа улуса состояла из головы, двух выборных и письмоводителя. Она проводила раскладку ясака, других повинностей, следил за внесением в казну всех собранных ценностей, выполняла полицейские функции и функции суда «словесной расправы» второй степени. А функция третьей степени была возложена «Уставом» на земскую полицию. В Якутской области была создана система управления кочевых и бродячих инородцев в составе 17 улусных инородческих управ и 195 наследных родовых управлений.

Система управления и нормативное регулирование, установленные «Уставом» 1822 г., действовали в Якутской области вплоть до 1917 г.

Реформой 1822 г. генерал-губернаторская власть сохранялась. Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западносибирское и Восточносибирское с административными центрами в Тобольске (с 1839 г. Омск) и Иркутске. С целью некоторого ограничения возможного злоупотребления личной властью при генерал-губернаторах создавались советы из назначенных царём чиновников. А в Петербурге делами Сибири занимался Сибирский комитет.

В состав Восточносибирского генерал-губернаторства вошли Иркутская и вновь образованная Енисейская губернии, а также Якутская область и три особых управления: Охотское, Камчатско-Приморское и Троицко-Савское (Пограничное).

При гражданских губернаторах, возглавлявших местную администрацию, действовали совещательные советы, состоящие из чиновников, подчинённых начальнику губернии.

Начальники областей (в частности Якутской), в отличие от гражданских губернаторов, сосредотачивали в своих руках гражданские и военные управления.

Губернии (в том числе Якутская область) подразделялись на округа с окружными начальниками. Окружная полиция и земский суд находились в ведении земских исправников.]

По «Уставу об управлении инородцев Сибири», в составлении которого принял деятельное участие будущий декабрист Г. С. Батеньков, у кочевников создавались родовые управы и степные думы, объединяющие группы родов. «Устав» допускал при наличии соответствующих традиций наследственное начало в родоплеменном управлении.

В памятниках обычного права якутов, собранных в 1820-х гг., говорится, что «...с самой глубокой древности якутские старшие родоначальники назывались князьями, как речь сия есть природное по происхождению нашему от татар, а не князцами... А из чего выходит, что сие звание есть у нас природное...о названии князя при семи копия с грамоты великого государя царя Петра Алексеевича 1721 г., чему прошло 102 года, да ещё и другие три копии с таковых же грамот доказывают жалованья от Августейших Государей князьями, и именно Кангаласского улуса Бортон и Кучунян Мазарины в 1709 г. пожалованы князьями, и подносятся при сём две подлинныя грамоты о пожаловании одного кангаласского Мазары, другаго мегинского Чугуна князьями, и ему прошло 146 годов, подлинники же сих грамот хранились в Якутском областном архиве...»

[Ссылаясь на именной указ Екатерины II от 19 января 1790 г. (по проекту А. Аржакова) о введении выборной должности областного Головы, составители сборника якутского обычного права пишут о том, что якуты на эту должность выбрали Софрона Сыранова, «но выбор этот тогдашним областным начальством неизвестно по каким причинам был оставлен...» На этой основе они просили царя позволить им иметь областного Голову.

Следует также отметить, что во второй половине 20-х гг. XIX в. канцелярия Восточносибирского генерал-губернатора особенно строго стала реагировать на поступающие в Иркутск жалобы на злоупотребления родоначальников. Вместо того, чтобы громить их выговорами и грозными ука-

ами, как это делали раньше, их просто стали смещать с должностей со зысканием из их имущества всего, что было ими незаконно собрано наследных ясачных. Так, например, по жалобам членов Тулагинского наслега Кангаласского улуса и 4-го Мальжагарского наслега Кангаласского улуса по предписанию Иркутского губернатора были смещены с должностей старосты этих наслегов с конфискацией имущества.

В Якутском округе, включающем в свой состав семь инородческих прав, по решению Областного правления от 27 января 1827 г. была созвана Якутская степная дума. В феврале этого же года состоялись выборы главного родоначальника и временных заседателей. 11 марта 1827 г. дума была объявлена открытой. Дума вела демографический подсчет населения, складку сборов, распространяла навыки земледелия, «народной промышленности» и другие обязанности, подчинялась Областному управлению. Главный родоначальник Степной думы утверждался генерал-губернатором Восточной Сибири. Им был избран борогонский голова Иван Мигалкин, а временными заседателями - кангаласский старшина И. Павлов, ботурусский старшина И. Артемьев, намский - К. Прокопьев, юпсинский - П. Васильев, баягантайский - А. Калининский и мегинский староста Я. Березин.

Якутский областной начальник Мягкий поставил перед думой задачу проведения среди якутов более уравнительного распределения земли, так как концентрация земли в руках тойонов и «лутчих людей» была не в интересах казны и несла немалый ущерб.

Так, в частности, все казённые подати за весь наслег распределялись в первых четырёх классах с таким расчётом, что I и II классы участвовали во всех повинностях без ясака, IV – выплачивал подати за своих наличных членов, V класс был полностью освобождён от всех повинностей.

При таких обстоятельствах дела дума, чтобы удовлетворить требования губернаторского и областного начальства, решила, не прекращая связи между землепользованием и ясачным платежом, несколько расширить круг налогоплательщиков ясака. Исходя из таких соображений, Якутская степная дума решила подписать провести в 1827 г. с общего согласия ясакоплательщиков первых трёх классов произвести новое распределение ясака и земли.

С первой поры деятельности думы обнаружилась вся неавторитетность и некомпетентность её в качестве высшего органа самоуправления якутских улусов. Грозные времена земских комиссаров значительно ослабили в памяти местного населения. Тем более, в распоряжении думы не было никаких мер устрашения и наказания, какими, например, располагал земский суд. Поэтому не удивительно, что к началу 1828 г. требуемое распределение земли ещё не было сделано, и новые списки распределения земли улусные управы представили Второй ясачной комиссии, деятельность которой началась с лета 1828 г. По новой раскладке почти везде часть населения III и IV классов была введена в ясак и наделена землёю. Но производилось это главным образом за счёт второклассных. Первый класс и на этот раз ничем не поступился из своих земель, отделившись лишь незначительной прибавкой к своим платежам.

В донесениях Главному Управлению Восточной Сибири областной начальник Мягкий весьма лестно отзывался о деятельности Думы. Поэтому понятно и то, что Мягкий ей поручал дела, касавшиеся не одних лишь подведомственных думе якутов, но и затрагивавшие также интересы эвенков и русских плательщиков.

Пользуясь поддержкой областного начальника Мягкого, дума разрешила в выгодном для себя духе такие важные дела, как урегулирование земельных споров между якутами и эвенками, выработка форм контрактов для сдачи в аренду земель русским и составление новых правил по провозу казённой клади.

В 1830 г. Главный родоначальник Якутской степной думы И. Мигалкин был обвинён в организации запрещённой торговли с тунгусами Охотска, и отрешён от должности, подвергнут аресту на семь суток с запрещением впредь занимать общественные должности.

Его торговые приказчики были наказаны 20 ударами плетью и отданы под надзор земской полиции.

В 1829 г. Якутская дума просила разрешения послать в Петербург двух доверенных лиц по случаю составления Свода степных законов и для представления наказов населения Якутской области. В декабре 1829 г. величайшим указом посылка такой делегации была разрешена.

С целью отправки депутатов думы в Петербург с улусов было собрано около 20 тыс. руб., из которых в 1831 г. в думу поступили всего 8 тыс. руб. Однако при проверке в думе оказалось лишь 180 руб. 50 коп., остальные деньги были использованы в других целях, и частью присвоены членами думы. В итоге поездка якутской делегации в Петербург не состоялась.

Осенью 1836 г. была назначена особая следственная комиссия для выяснения этой «депутатской» растраты. Но расследование дела было завершено только в 1845-х гг., когда всех главных ответчиков уже не было в живых.

В Иркутске уже в 1832 г. известно было о неблагополучном состоянии дел с якутской депутацией. Положению областного начальника Мягкого это нанесло большой удар. К тому же местные чиновники писали на него доносы. Многих он удалил с насиженных мест, других, захвативших кое-какие улусные земли и заведших там скотоводческие хозяйства, он выдворил оттуда без колебаний и не взирая на чины и звания. Зато якутские тойоны – родоначальники пользовались его неограниченным доверием. Характеризуя этот факт, Л. Г. Левенталь писал следующее: «Едва ли когда-нибудь, до и после того, якутские родоначальники в такой мере чувствовали и давали чувствовать свою силу. Благодаря их настойчивости, выдворение русских из улусов носило такой систематический и радикальный характер. Благодаря их жалобам не один чиновник поплатился местом».

По заявлению – доносу некоего Г. Кривошапкина, освобождённого от должности секретаря земского суда, отправленному в Петербург на имя Бенкендорфа, была организована специальная комиссия из советника Троцкославского управления Ластовецкого, верхнеудинского окружного начальника Лосева и чиновника особых поручений при Иркутской контрольной палате Щукина (автора книги «Поездка в Якутск»). Она работала больше года (1830-1831 гг.). Комиссия предложила временное удаление с должности всех родоначальников, что в августе 1831 г. и было выполнено по предписанию Иркутского генерал-губернатора. Но опытны были якутские писари и «учёные» родоначальники, чтобы много ценных сведений можно было добыть из улусных архивов, в которых больше года работала комиссия. Тем не менее, добытый комиссией материал был настолько

важен, что по получении их в Иркутске был немедленно отозван областной начальник Мягкий. Вместе с ним были удалены некоторые его чиновники, в том числе и автор «Воспоминаний», чиновник особых поручений Уваровский.

Летом 1836 г. в Якутск с инспекцией прибыл Иркутский генерал-губернатор. В конце того же года, (как упомянуто выше, приглашена новая следственная комиссия. На время следствия был отстранён родоначальник степной думы И. Пономарёв. По представлению генерал-губернатора Сибирский комитет в Петербурге 15 марта 1837 г. издал «Положение», по которому Якутскую область «обозревать не реже, как через каждые два года».

Дни степной думы были сочтены. Но формальным обоснованием для ее закрытия послужило то, что якуты никогда не были подчинены одному главному родоначальнику и незаконность учреждения степной думы в многолюдном городе. В 1838 г. она по распоряжению Иркутского генерал-губернатора была закрыта.

§ 8. Вторая ясачная комиссия (1828-1834 гг.) и новое положение ясачных

За 60 лет, прошедших со времени деятельности Первой ясачной комиссии, в жизни коренного населения Сибири произошли значительные перемены. Основной причиной этих перемен было достаточно сильное развитие пушной торговли, приведшее к заметному сокращению промысла пушного зверя. На севере и востоке Якутской области в 1816 г., 1818-1819 гг. от плохого промысла и недостаточного улова рыбы от голода сильно пострадали юкагиры, эвенки и якуты-переселенцы Охотского тракта. Ещё через год голодали колымские жители, зашиверские эвенки и ламуты-эвены (особенно пострадал эжанский род).

У якутского населения в первой четверти XIX в. рогатый скот начинает по количеству преобладать над конным. Эвенки запустили своё оленеводческое хозяйство, всецело отдавшись промыслу пушного зверя. Пристрастились к жирному кобыльему мясу, скотскому маслу, замороженным сливкам. А. Ф. Миддендорф, побывавший в Восточной Сибири в 40-х гг.

XIX в., писал следующее: «Тунгус утопал в изобилии жирной рыбы, дичи, и тем не менее, ему нужно, чтобы якут ему приводил лошадей и оленей для убоя, чтобы даур доставлял ему колбасу, чтобы ему привозили масло, сало, лепёшки из замороженных сливок и т.п.» Исследователи XIX в. отмечали о необыкновенной падкости тунгуса ко всему новому и возбуждающему, ко всему необычному и красивому на его взгляд, готов был за это отдать всё ценное, что у него было, входил в долги, не рассчитывая и не заглядывая вперёд. В его характере наблюдали страстность, некоторую легкомысленность и расточительность. «Он слепо шёл на всякий соблазн, - писал Левенталь, - охотно дарил вдвое против того, что сам получал, всегда готов был угостить, поделиться всем, что у него было, легкомысленно должал, но и сам платил не скупясь, не отказывался от долгов отца и деда, пока была возможность платить». Этим и пользовались якутские торговцы. Тот же автор, касаясь якутов, отмечал, что «якут предпочитает отдавать свой труд и своё время выгодному обмену с тунгусом». Действительно, после снятия казённой монополии с пушнины в 1761 г., спрос на последнюю увеличился, цены росли и крепили, многие стали заниматься мелкой торговлей. В первой четверти XIX в. якутские торговцы становились основными посредниками между эвенками и русским рынком. С возможным большим запасом русских промышленных товаров на вьючных лошадях, ведя на привязи откормленных кобыл и жирных оленей, они забирались в стойбища тунгусов, отыскивая их в самых укромных уголках тайги, снабжая всем необходимым, в чём нуждалась и жаждала чувственная, художественная натура эвенка.

При падении промысла пушных зверей, в условиях дальнейшего развития обменной торговли, благосостояние народов Севера резко падало. Это способствовало возникновению необходимости нового переложения ясака. С другой стороны - введение в действие «Устава об управлении инородцами Сибири» вызвало необходимость произвести общее переобложение народов Сибири ясаком. В 1826 г. было утверждено положение о Второй ясачной комиссии. Для этой цели в Якутскую область в июле 1828 г. была послана комиссия из трех чиновников под руководством горного инженера Злобина. Сумма ясака увеличилась по сравнению с 46051 руб.

(определение Первой ясачной комиссии в 1763 г.) до 128436 руб. На одного работника из разряда «кочевых» приходилось по новому обложению 3 р. 39 к. На одного из разряда «бродячих» приходилось 5 р.40 к. Более высокие ставки обложения «бродячих» были установлены в связи с тем, что последние, в отличие от скотоводов, согласно «Уставу», освобождались от всех податей и повинностей, кроме ясака. Комиссия разрешила большей части родов платить ясак деньгами.

В 1830 г. Вторая ясачная комиссия закончила свою работу, но новый оклад ясака был утвержден Николаем I только в 1835 г. Следует отметить, что ясак, поступавший из Якутии, шел непосредственно императорскому кабинету.

Некоторые наследи по требованию комиссии взяли на себя обязательство платить ясак мехами. Они сортировались. Малоценные сорта реализовывались на ярмарке в Иркутске, более ценные распродавались с аукциона в Петербурге или Лондоне. Лучшие меха шли на нужды царской фамилии.

По материалам, собранным комиссией, в Якутском округе на одного человека приходилась одна лошадь и две головы рогатого скота. А в других округах на одну душу приходилось еще меньше. Поэтому для основного населения важным дополнением пищи были рыболовство и охота. К этому времени в Колымском и Верхоянском округах постепенно укреплялось скотоводство, в центральных улусах и Олёкминском округе к традиционным отраслям хозяйства стало добавляться хлебопашество. С середины века распространилось и огородничество.

Концентрация сенокосных угодий в руках богатой части населения привела к тому, что в центральных улусах стала чувствоваться земельная теснота. Она же ощущалась и в Олёкминском улусе. В отношении Вилуйского округа комиссия указала, что при изобилии скота население, в основном, не чувствует нехватки в сенокосах и пастбищах. Во всех скотоводческих округах стали увеличивать свои сенокосные угодья за счет расчисток путем выжигания кустарников и тальников на заливаемых берегах рек и на островах. С этой же целью стали спускать и осушать озера. Например, в 1820-х годах было спущено оз. Нюрба в Мархинском улусе

протяженностью 25 км. Из-под воды освободилась площадь около 20 тыс. а, которая стала давать хорошие урожаи трав.

Вторая ясачная комиссия указала на неравномерное распределение земельных участков по Якутскому округу и предложила ряд мер по более равномерному распределению сенокосов и пастбищ в якутских общинах. Комиссия рекомендовала соединить несколько хозяйств в один летник. Совет Главного управления Восточной Сибири поддержал предложение комиссии, и этот порядок был принят якутскими общинами. За расчистку земли и спуск озера эти земли отдавались во владение на 40 лет.

Причину обнищания якутов областная администрация справедливо видела в огромных внутренних сборах и неравномерном распределении земли. В этой связи она пыталась провести те же мероприятия, которые были введены на земли государственных крестьян, в частности, уравнильное распределение земель. Но эти указания на местах не выполнялись за небольшим исключением. К середине XIX в. всё же в большинстве наделов земли стали распределяться между всеми несущими повинности, т.е. между тремя классами плательщиков. Но указание об уравнильном одушном распределении земли не было выполнено. Тойонские и байские хозяйства сохранили лучшие сенокосные угодья. Кроме того, они всегда могли за небольшую плату арендовать покосы бедняков.

Таким образом, в результате деятельности Второй ясачной комиссии, как уточнено это Г.П. Башариным, соболито-лисья система распределения земли была окончательно заменена классной системой.* Главное различие между двумя этими системами состояло в том, что при первой системе землю получали только плательщики ясака, тогда как при классной системе - не только плательщики ясака, но и те, кто не платил ясак, но исполнял другие подати и повинности.

В середине XIX в. укрепляется и позиция якутских торговцев, которыми, в основном, наживались, как отмечалось выше, на торговле с эвенка-

В 1817 г. впервые стал употребляться термин «класс» для обозначения отдельных групп якутского населения в отношении податного обложения. С 1819 г. разбивка на «классы» стала вводится не только в центральных скотоводческих, но и в северных промысловых районах. Население разбивалось на 1, 2, 3, 4 и 5 «классы», отличавшихся друг от друга величиной налогов и земельного надела. При этом зависимость бедноты от тойонов усилилась.

ми и эвенами. Их торговые караваны достигали самых крайних уголков Якутской области. Разъездная торговля в долг процветала во всех северных улусах. На всех ярмарках области основным сбытом была пушнина. В 1834 г. в Якутске был выстроен деревянный рынок - «кружало», а в 1836 г. - каменный гостиный двор.

Рост налогов, обнищание, тойоно-байский гнет вызывали со стороны основной бедной, обездоленной части якутского населения стихийный протест в весьма пассивной форме. Семьи бежали в необжитые места, уклоняясь от налогов, долгов, ясака. Известно только одно открытое бунтарское выступление Василия Манчары: он похищал скот, грабил амбары, их богатства, деньги раздавал людям, но не убивал тойонов. Его лихие набеги, побег из тюрем, романтические похождения породили фольклорный и литературный образ Манчары.

В 1769 г. система аманатства, применяемая среди «бродячего» населения, была отменена. Для каждого тунгусского и ламутского рода первая Ясачная комиссия установила твердый оклад ясака и разрешила заменять пушнину деньгами. Напомним, что ставки ясака для них были установлены более высокие, чем для якутов, т.к. основным занятием тунгусов и ламутов оставался охотничий промысел.

На рубеже XVIII-XIX вв. происходила массовая христианизация тунгусоязычного населения Якутского края. Богослужения среди них обычно совершались на якутском языке. Принятие христианства в первые годы давало и определенные экономические льготы. Но в дальнейшем налоги возрастали и это привело к тому, что многие роды попали в кабалу к купцам-скупщикам пушнины. Со стороны администрации их доступ к эвенкам и ламутам всячески ограничивался. Но купцы не только торговали в долг, но и платили подати за целые тунгусские роды с тем, чтобы затем присвоить себе всю пушнину, добытую тунгусами. В 1830-х гг. языческие имена тунгусов и ламутов исчезают.

В 1831 г. по случаю неурожа зверей тунгусов Олекминского округа постигла голодовка, во время которой помощь им оказали витимские крестьяне. В 1839 г. значительная часть оленей кангаласских тунгусов пала от сибирской язвы. Все это приводило к большим государственным недоим-

кам. В результате отдельные группы тунгусов нередко откочевывали из центральных районов Якутии к Амуру и Нелькану, а из Вилуйского округа, как отмечалось выше, - в Туруханский округ.

В первой половине XIX в. в результате сближения тунгусоязычного населения с соседями, главным образом с якутами, произошли глубокие изменения в их хозяйстве, образе жизни.

Обязанность собирать ясак и прочие поступления, производить раскладку налогов тунгусские и ламутские князцы и старшины чередно использовали для собственного обогащения. Они выступали также в качестве торговцев. В частности, из ламутов выделилась зажиточная верхушка, занимавшаяся в 1850-1860 гг. грузоперевозками по Якутско-Алданскому тракту.

Царская администрация пыталась создать в среде «бродячих» народов аристократическую верхушку. Но это почти не удавалось. Попытки выявить знатных наследственных князцов не удавались.

Тунгусы и ламуты нередко подкочевывали к якутским и русским соседям. Связывались и рождались с ними путём браков. В случаях голодовок нередко поселялись в юртах якутов. Сближение с соседями, главным образом якутами, привело к глубоким изменениям в хозяйстве, образе жизни и общественном строе тунгусов. Так, Второй ясачной комиссией в 1830 г. среди вилуйских тунгусов были выделены «кочевые» группы (кэльтякский, угулятские роды), которые занимались скотоводством. Под влиянием якутов к скотоводству перешла и большая часть олёмминских тунгусов. Важным событием в эти годы был переход части майских тунгусов к земледелию.

Голодовки, которые преследовали юкагиров в первой половине XIX в., приводили к переселениям в русские посёлки, способствовали сближению юкагиров с русскими старожилами. В этой связи часть юкагиров перешла на русскую речь, воспринимая одновременно и русский образ жизни. Исчезает чуванский диалект юкагирского языка, тогда же исчезает юкагирский язык между Ленной и Яной и между Яной и Индигиркой. В эти трудные годы определённую помощь юкагирам и русским оказывали и некоторые купцы. Так, например, в 1850 г. купец Барамыгин пожертвовал 100

пудов хлеба и 100 оленей нижнеколымским мещанам и юкагирам, а в 1858 г. он же выделил голодающим юкагирам и ламутам 150 пудов мяса.

Эти тяжёлые годы на севере области сопровождались эпидемическими заболеваниями. Положение усугублялось и деятельностью торговцев. Скупщики пушнины продолжали грабить их, спаивая и опутывая долгами.

Пользуясь отдалённостью Колымского округа, купцы продавали здесь свои товары по вздутым ценам. Мало того «артели» купцов отнимали у юкагиров «рыбные пески» и звериные уголья.

К началу XIX в. территория, занимаемая юкагирами, резко сократилась. На северо-восток в юкагирские области - бассейны Анадыря и Чауна - воспользовавшись ослаблением чуванцев и хадынцев, проникли чукчи. На Колыме, Индигирке и Яне резко расширились районы расселения якутов и эвенов. Происходит резкое уменьшение численности колымских юкагиров, иной облик приобрела их традиционная культура. В указанное время в низовьях Колымы изменились пути миграций диких оленей, а в верховьях уменьшилось поголовье лосей. Потомки юкагиров между Леной и Индигиркой перешли на ламутский и якутский языки. В 1859 г. общая численность юкагиров Колымского округа, объединённых в 8 родов, составляла 886 чел. А юкагиры двух алазейских родов кочевали в тундре между Колымой и Алазеей совместно с ламутами.

§ 9. Русское население Якутии

Первые русские поселения на северо-востоке Якутии появились в 30-х гг. XVII в. Это на р. Яне – Верхоянские зимовья (1636 или 1638 гг.), на Индигирке – острог Уяндинский и два зимовья. В те времена Индигирка являлась центром юкагирских поселений.

Большую загадку представляет история возникновения поселения Русское устье на Индигирке. Так, по данным местного фольклора, предками русских устьинцев могли быть русские мореходы из Поморья, прибывшие на Индигирку в начале XVII в. По версии А. Г. Чикачёва, предками русских устьинцев были новгородцы, которые достигли Индигирки в XVI в. Но тут следует учесть и мнение скептиков, указывающее на полное отсут-

ствие какого-либо упоминания о существовании русского поселения низовья Индигирки в сообщениях землепроходцев и мореходов первой половины XVII в. По всей видимости, само поселение определилось где-то во второй половине XVII в. Археологическое изучение некоторых русских поселений XVII – XVIII вв., проведённое под руководством А. Н. Алексеева, показывает, что в Заполярной Якутии первопоселенцами были люди, приспособленные к полярным условиям Севера.

Небольшие группы русских крестьян обосновались и в северной тундре - в низовьях, впадающих в Ледовитый океан, рек Яна, Индигирка, Колыма и Оленек. Из них только на Индигирке в первой половине XIX в. было 8 маленьких русских населенных пунктов, три из которых находились (и в их числе Русское устье) в нижнем течении и на устьевом участке реки. На Колыме русские мещане и крестьяне издавна жили в дальних и ближних окрестностях Нижнеколымского острога. Еще в 1762 г. их численность достигла 200 чел. В начале XIX в. русские поселки были ниже и выше острога по берегам р. Колымы и её притоков - Большого и Малого Анюя, Омолона. В середине XIX в. в этих местах в 20 маленьких населенных пунктах проживало около 750 русских. В дальнейшем их количество сокращалось. Они переняли образ жизни аборигенного населения и занимались оленеводством и собаководством, рыболовством и охотой, поиском мамонтовой кости.

Одним из важных последствий вхождения Восточной Сибири в состав Русского государства явились возникновение и распространение земледелия. Русская земледельческая культура островками распространялась по территории Якутской области. За период до 1760-х гг. земледелием занимались лишь малочисленные якуты бассейнов Олёкмы, Амги и Лены.

Среди северных районов Якутской области фактически только в г. Верхоянске и его окрестностях проводились более успешные опыты земледелия. А посадка картофеля и некоторых видов овощей с середины XIX в. входит в обычай.

Однако по многим причинам, особенно климатическим, проекты о развитии земледелия в Якутии до середины XIX в. имели слабый успех. Даже в окрестностях Олёкминского острога до конца XVIII в. существова-

ли всего 13 крестьянских дворов. Но уже в 1818 г. в Олёкминской крестьянской волости проживало уже 549 крестьян обоего пола.

В 1702 г. 27 семейств крестьян насчитывалось на р. Амге, притоке Алдана. Амгинское земледелие поддерживалось с трудом. Хлеб часто погибал от ранних заморозков. В 1780 г. здесь было 34 двора, а в 1840-х гг. на Амге жило 457 крестьян. Но в целом в бассейне Средней Лены крестьянское население росло медленно. Даже в середине XIX в. в Витимской, Пеледуйской, Олекминской и Амгинской волостях проживало всего около 2400 человек обоего пола.

Новый импульс для дальнейшего расширения земледелия дала организация в 1740-х гг. почтового Иркутско-Якутского тракта, как продолжения Главного Сибирского, соединявшего Петербург с побережьем Тихого океана. Поэтому уже в 1743 г. между Витимом и Якутском по берегам Лены было учреждено 28 станций. В конце XVIII в. их стало 36, в 1860-х гг. - 64. Они вначале обслуживались якутами. Но с 1770-х гг. стали заселяться ссылными русскими крестьянами и взятыми в зачет рекрутов, главным образом из крестьян верхоленских селений. Каждая станция постепенно превращалась в русскую деревню, хотя вначале ямщики земледелием не занимались. Но с 1810-х гг. государство начало наделять их пахотными и санными угодьями.

К концу первой половины XIX в. земледелие утвердилось на берегах Вилюя. В первые десятилетия XIX в. в этих местах среди якутов проживало около 200 душ государственных крестьян обоего пола. Как и якуты, они содержали лошадей и рогатый скот, охотились, ловили рыбу. В 1848-1860-х гг. большинство их было переселено в Нюрбу. Здесь возникли две деревни на Кочае, впоследствии названные Аммосовской и Александровской. В них в 1862 г. проживало около 300 чел. обоего пола, в 1895 г. - более 400 чел. В 1907 г. недалеко от Нюрбы образовалась третья деревня - Антоновка.

Выше по Вилюю с середины XIX в. возникло другое крестьянское селение - Сунтар. В нем в 1858 г. жило 170 чел. В 1890-х гг. в 7 верстах выше Сунтара возникло Ново-Александровское поселение ссыльных башкир. Все они выращивали ячмень, ярицу, иногда и пшеницу, огородные растения.

В 1807-1817 гг. по линии Охотского тракта появились станции на Алдане, Аллах-Юне, Мундукане, Мети, при Медвежьей Голове в результате расселения в них 64 русских и якутских семей. Начавшиеся опыты хлебопашества результатов не дали. Через некоторое время переселенцы разбрелись в разные стороны. Перевозки казенных кладей по Охотскому тракту по-прежнему обслуживались жителями якутских улусов. Поэтому в 1840-х гг. этот неудобный тракт был заменен Аянским, проложенным к Якутску от Аяна, расположенного также на берегу Тихого океана, но значительно южнее Охотска. Большие размеры материального пособия и льготы, назначенные правительством, способствовали тому, что в 1852 г. по станциям было расселено 102 семейства русских крестьян - 589 чел. обоюбого пола. Большинство станций, а их было 33, располагалось по берегам Майи на расстоянии 35-40 верст друг от друга. Это был Майский участок Аянского тракта. К концу 1860-х гг. численность крестьян едва превысила 600 чел. Они содержали станции и успешно занимались земледелием. Однако в 1867 г. Аянский почтовый тракт был закрыт ввиду прекращения деятельности Российско-Американской кампании и освоения нового амурского пути на Тихий океан. В результате большинство майских крестьян переселилось в Южно-Уссурийский район Приамурья, берега Майи снова обезлюдели.

Большинство русских земледельцев Якутии составляли, как отметил Д.Г. Сафронов, люди «скудные» и «бедные», с трудом добывающие себе пропитание. Это положение усугублялось государственными подателями и повинностями. К концу XVIII в. каждая ревизская душа платила государству по 4 руб. 85 коп. в год, а с 1821 г. - по 10 руб. 30 коп. Это по меркам того времени составляло весьма солидную сумму. За провинности их подвергали телесному наказанию. Земледелие не обеспечивало хлебом потребности края. Поэтому малочисленное городское население в значительной мере жило за счет привозного хлеба.

Лишь некоторым русским крестьянам удавалось создать крепкое хозяйство. Так, в первой половине XIX в. крестьянин Олёкминского округа Леонтий Яныгин имел 100 лошадей, около 50 коров и 20 овец. Он обрабатывал до 20 десятин земли, имел до 15 дес. покоса, ежегодно высевал до

50 пудов разного хлеба, успешно выращивал овощи. Он содержал почтовую станцию, занимался торговлей с эвенками, перепродавая купленную у них пушнину русским купцам. По тем же архивным данным, выявленным Ф. Г. Сафроновым, зажиточно жил и крестьянин одной из майских станций Сорокин, занимавшийся земледелием и скотоводством.

Крестьяне привлекались и к несению разнообразных трудовых повинностей. От тяжёлых условий жизни и административного произвола некоторые крестьяне иногда бежали в самые глухие уголки Якутии, многие из них, по определению администрации, не имели «в хлебопашестве и его распространению никакого радения» и порой совершали «великие воровства».

Русское население, жившее в якутских улусах, состояло не только из государственных крестьян. В наслегах постоянно проживали мещане, только юридически относимые к этому сословию. Мещане северных улусов занимались рыболовством и охотой, а южных улусов – скотоводством и земледелием. Обосновывались в улусах и отставные казаки.

§ 10. Города Якутии и их население

Административный и культурно-экономический центр Якутского края - г. Якутск, первоначально названный Ленским острогом, рос медленно. Как отмечалось выше, первоначально острог был поставлен в 1632 г. в 70 км. Ниже по р. Лене, на правом её берегу, напротив улуса намских якутов. В 1634 острожек был подмыт водой и он вовсе развалился. Второй строили в местности, находившейся примерно в 15 верстах от Якутска, у начала тракта на Амгу и Татту. Однако Галкинский острог оказался недолговечным. В 1642 г. во время весеннего разлива Лены большинство его построек затопила вода.

Поиски нового места для постройки нового острога продолжались до тех пор, пока внимание П. П. Головина не остановилось на «Еюковом лугу» в Табаге. Однако строительство острожка затянулось. Ф. Г. Сафронов выявил по документам, что перенос Ленского острога на новое место был осуществлён не в 1642 г., как считалось до сих пор, а в 1643 г. Его начали строить в апреле 1643 г. сорок казаков, и в основном закончили

концу лета. Переезд состоялся летом того же года. Старый острог был брошен и новый стал называться Якутским. Значительным событием его истории явилось основание в 1663 г. Якутского Спасского монастыря, просуществовавшего до XX в.

Воевода Ф. Бибиков в 1678 г. разделил посад на четыре участка: к югу крепости, за лугом должны были строиться дети боярские и прочие ужилые люди; к юго-западу – торговые люди с лавками; к юго-востоку – артельщики; и к северу, в сторону монастырской оградки – прочие бельные. Между тем, крепость, находившаяся в центре «жилетских дворов», часто затоплялась во время весенних разливов. Поэтому правительство благосклонно отнеслось к просьбе жителей о переносе острога на новое место, и в 1680 г. послало указ воеводе Бибикову с предписанием строить на новом месте более удобный город, с одновременной починкой старого острога. Его строительство началось при новом воеводе И. В. Приклонском. В июне 1681 г. при помощи специально присланных из других бирских городов плотников начали «рубить» новый город. Место это ходило, по предположению Ф. Г. Сафронова, в районе, где до недавнего времени стояла «Башня Тыгына» (около оперного театра). Строительство нового города закончилось в 1683 г. Он представлял собой четырехугольник площадью в 3600 кв. саженей, окружённый мощными бревенчатыми стенами. В стенах было воздвигнуто по 8 башен, в том числе 2 оезжие. И. В. Приклонский новый город 16 мая 1684 г. сдал своему еемнику М. О. Кровкову. В 1686 г. была перенесена часть старого посада. В следующем году город укрепили «стоячей» стеной, которой окружили город со всех сторон. К концу XVII в. в нём проживало примерно 1300 человек.

В XVIII в. появились каменные строения – канцелярия, 3 церкви. В конце века в городе проживало около 2,5 тыс. чел.

В XIX в. в городе было построено несколько новых церквей. В 1836 г. закончилось строительство большого каменного гостиного двора с 76 лавками. Он представлял собой квадрат размером в 71х71 м. В 1854 г. всех жителей было 2805 чел. В целом, до середины XIX в. Якутск был преимущественно служило-чиновничьим.

В 1862 г. в черте города проживало 5649 чел., из них якутов - 2081. Среди русского населения города были дворяне, духовенство, казаки, купцы, мещане, почетные граждане, крестьяне.

Самый многочисленный слой - мещане занимались мелкой торговлей, ремеслом. В середине XIX в. было 298 ремесленников - хлебники-пекари, булочники, пряничники, мясники, портные, сапожники, печники, папиросники, медники, кузнецы и проч.

Якутск середины XIX в. современниками описывается следующим образом: «...По правую сторону монастырских храмов, на южной стороне, находится большая и красивая деревянная часовня... Коренные русские из Вологды, Архангельска и Новгорода, наречие - вологодское... Праздновали Новгородской иконе знаменитой Божьей матери... Но сейчас большей частью говорят по-якутски и плохо владеют русским языком». Д.П. Давыдов, известный сибирский поэт, живший продолжительное время в Якутске, описывая городской быт этого времени, отметил: «Сибирский цветокомой (дочь купца - А.Г.) прекрасно говорил по-якутски, и мы часто вели разговор на этом мелодичном языке, заменявшем в 6 тыс. верстах от Петербурга язык В. Гюго и Ламартина».

В 1783 г. Якутская провинция Иркутской губернии была преобразована в область этой же губернии. В связи с этим бывшие комиссарства переименовались в уезды. Их было пять: Якутский, Олёкминский, Оленский (Вилуйский), Жиганский и Зашиверский. Во главе уездов стояли земские исправники. Центры уездов были механически названы городами. Так возникли остальные якутские города.

В 1803 и 1805 гг. в Якутии появились два новых уезда – Среднеколымский и Верхоянский и два новых города – Среднеколымск и Верхоянск. После реформы М. Сперанского в 1822 г. якутские города стали окружными центрами. Но все они в действительности были мелкими населенными пунктами.

В 1633 г. на Лене близ устья р. Олёкмы было поставлено ясачное зимовье. Спустя некоторое время острожек перенесли на левый берег Лены, примерно на 15 км выше устья Олёкмы. В 1775 г. Олёкминск стал центром комиссарства. В 1783 г. был объявлен городом.

Историческим предшественником г. Вилуйска являлся г. Оленск, находившийся на территории Верхневилуйского зимовья, основанного в 1634 г. в устье р. Тюкян, впадавшей в р. Вилую слева. Оно не раз переносилось с места на место. В 1770 г. очередной раз перенесли зимовье в урочище Оленёк (Олегнях), расположенное в 16-17 км ниже от современного Верхневилуйска на правом берегу реки. В 1783 г. оно было объявлено центром Оленского уезда и переведено в разряд городов.

В 1804 г. Оленск упразднили и он исчез. По мнению Г. Р. Кардашевского, это место до сего времени носит название «Остуорас анна» (як. Слово «остуорас» – от слова «острожек»).

Верхневилуйск центром уезда оставался до 1822 г. Затем в 1828 г. окружная администрация была переведена в г. Вилуйск. Когда и при каких обстоятельствах был построен этот городок – неизвестно. По сообщению А. Попова, он был построен в конце XVIII в. по распоряжению властей неким чиновником Е.Ф. Рамодиним. Его строили участники пугачёвского восстания – уральские казаки и башкиры. В 1835 г. здесь проживали 152 чел., в основном чиновники, духовенство и казаки.

Основанием г. Верхоянска послужило одноименное зимовье, поставленное казаками в 1638 г. на левом берегу среднего течения р. Яны, на углу Боронук, против современного Верхоянска. В 1805 г., как отмечено выше, в связи с образованием Верхоянского уезда его переименовали в город. В 1822 г. он стал центром обширного Верхоянского округа. В 1835 г. в нём проживало 329 мещан обоего пола и 111 государственных крестьян. Однако мещане и крестьяне жили преимущественно в тундре, главным образом в низовьях Индигирки (в селениях Русского Устья), и в низовьях Яны в Казачьем и Устьянске. Но они, как русские мещане, были приписаны к Верхоянску, когда он был переведён в разряд городов. В самом городе в начале второй половины XIX в. проживало всего 150 чел. обоего пола.

Ясачный острожек Средне-Колымск был основан в 1643 г. и до начала XIX в. оставался пунктом сбора ясака с местного населения. С 1803 г. он становится центром Колымского уезда, а в 1822 г. – центром Колымского округа. В 1862 г. в Среднеколымске проживало 440 жителей, преимущественно русских. Основная масса русского населения городов состояла из

казаков. Главным видом их служебных занятий были сбор ясака и подушных денег и отвоз казны в места назначения. Выполняли различные разездные поручения, несли гарнизонную службу. Конные казаки служили ординарцами высокопоставленных областных чинов. В 1822 г. эта категория казаков была ликвидирована.

В 1733 г. численность Якутского казачьего полка была доведена до 1500 чел. Но в дальнейшем штат полка сокращался. Так, в 1772 г. их стало 1337 чел., но по списку числилось лишь 437. В 1862 г., при общей численности этого сословия 1878 чел. обоего пола, на действительной службе, по данным Ф.Г. Сафронова, состояло 618.

Внутренняя организация казачьих войск подвергалась изменениям. В 1701 г. по указу Петра I якутские казаки составили полк под командою головы, подчиненного воеводе. В 1767 г. полк был переименован в команду во главе с сотником. В 1823 г. команда вновь преобразована в полк с подчинением Иркутскому гражданскому губернатору. За службу казаки получали денежное и хлебное жалованье. С 1822 г. им стали отводить по 15 дес. земли, главным образом сенокосной.

Положение рядовых казаков было тяжелым. Они не имели права выйти из своего сословия. По условиям службы часто переезжали с места на место. Поэтому было трудно заниматься земледелием и скотоводством. Жили бедно, иногда голодали. После введения форменной одежды многие казаки не могли завести ее по бедности.

Сравнительно много было в Якутской области духовенства. Так, в начале второй половины XIX в. числилось лиц духовного звания: в Якутском округе 367 чел., в Олёкминском и Вилюйском – по 35 чел. Они как представители идеологической основы колониального господства русского государства, получали т.н. ругу, которая первое время выдавалась администрацией деньгами и хлебом, а впоследствии – целиком деньгами. Сельские священно- и церковнослужители жили небогато, как и везде в России и в качестве подспорья занимались скотоводством и земледелием.

§ 11. Распространение христианства

История распространения христианства в Якутии представляет особую проблему, представляет собой явление огромной важности. Данный процесс начался еще в первой половине XVII в. и вместе с тем составил, по выражению Е.С. Шишигина, одну из важнейших сторон колониальной политики русского государства.

В начале XVIII в. правительство запрещало насильственное обращение ясачных в православие. Совершение обряда крещения "своею волею" разрешалось только после "сыска", производимых самими воеводами. При этом новокрещенных использовали следующим образом: мужчин по возможности устраивали в "государеву службу", а женщин выдавали замуж только за новокрещенных и за русских служилых людей.

Начиная с XVIII в. стала проводиться политика массовой христианизации коренных народов Якутии, завершившаяся в 1820-х годах.

Якутский край до 1731 г. в церковно-административном отношении находился в составе Тобольской епархии. С указанного года и до 1853 г. Якутия была причислена к Иркутской епархии.

Низовой организацией церкви являлся церковный приход. В XVII в. церкви строились только там, где жили русские. Но в дальнейшем строительство церквей расширялось по мере распространения православной религии, и в первой четверти XIX в. они были построены во всех улусах Якутской области.

В XVII в. духовенство оставалось малочисленным. С конца XVIII в. оно стало пополняться, в основном, за счет детей священников и других служителей церкви. Уже в 1821 г. в области насчитывалось 2 протоиерея, 338 священников, 6 диаконов, 27 дьячков и 40 пономарей.

Первоначально новокрещенцами становились зависимые от русских саборигены - "холопы", "ясыри", "дворовые люди" и жены служилых людей. Браки русских с местными женщинами постепенно стали обычным явлением. Так, многие казаки Анадырского острожка имели юкагирских жен. С. Дежнев был женат дважды на якутках. Дети от таких смешанных браков, т.н. "русские прижитки", относились к русскому населению.

В обозреваемый период преимущественно крестились бедные люди из-за льгот и подарков. Многие из них зачислялись на службу в качестве рядовых служилых людей и получали за это жалованье рублевым окладом и хлебом. В отдельных случаях крестились и тойоны, получая звание "сына боярского". Вообще, начиная с XVIII в. правительство всячески поощряло деятельность многих тойонов, ревностно исполнявших свои обязанности, особенно по сбору ясака. Известный голова Борогонского улуса Алексей Аржаков в своем "Плане о якутах", представленном Екатерине II в 1789 г., писал следующее: "Во времена вечнославной памяти Петра Великого на ободрение и утверждение их верноподданничества многие князцы отличаемы были почестью дворянства, на что и поныне сохраняются у некоторых грамоты".

До 1760-х годов основная масса тойоната оставалась языческой. Это препятствовало процессу массовой христианизации якутского населения. Сдвиг происходит с конца 80-х годов XVIII в. Крещением в центральных улусах Якутии занимались священники А. Дьячковский, Т. Дьячковский, Н. Винокуров, Г. Слепцов, А. Попов, Г. Громов. Среди населения Вилюя - Ф. Попов; жиганских ясачных крестил Н. Карамзин; в Олекминском округе - С. Ощепков, А. Гаев, М. Попов; в Верхоянском и Колымском округах - походные миссионеры во главе с протоиереем Г. Слепцовым. Все эти имена установлены исследованием Е.С. Шишигина.

Одновременно духовенство боролось против язычества и за соблюдение новокрещенными законов и обрядов православия. Шаманские и другие языческие атрибуты отбирались и уничтожались. С известного указа Екатерины II от 1769 г. всем новокрещенным обязательно давались православные имена и фамилии.

Но со временем церковь стала сама "феодализироваться", был установлен церковный гнет. На этой основе возникали разные пословицы и поговорки о жадности некоторых попов: "Глаза у священника жадные, руки заgreбастые". "Поп скажет "господи помилуй" - бык, скажет "аминь" - конь».

В процессе крещения среди местного населения распространяется грамотность. В изучаемое время это было связано, в основном, с появле-

нием церковной литературы и возникновением церковных школ. Так, первая школа была создана при Спасском монастыре в 1735 г., но не имея средств, она в 1747 г. была закрыта. Духовная школа продолжила свою работу с 1 января 1801 г., в которой обучались и дети "инородцев". В 1823 г. школа была преобразована в духовное училище, призванное готовить миссионерские кадры.

Церковная литература повлияла и на изучение якутского языка. Так, в 1819 г. в Иркутске была напечатана первая книга на якутском языке - "Катехизис" в сокращенном варианте. По распоряжению Духовного правления священнослужители стали читать проповеди своим прихожанам на якутском языке. В 1821 г. осуществлено второе издание "Катехизиса", переведенного олекминским священником Георгием Поповым.

Массовая христианизация местного населения Якутского края началась со второй половины XVIII в. Освобождение ясачных от государственных податей и повинностей явилось одной из основной части политики христианизации сибирских народов. Крещеным выдавали квитанции или билеты по совершению обряда крещения, освобождающие их от уплаты ясака и других повинностей. После указа Екатерины II от 6 апреля 1765 г. срок этот ограничивался уже тремя годами напротив существовавшего до него пятилетнего срока.

Для убыстрения процесса христианизации с 1764 г. в Восточной Сибири была введена специальная должность "веропроповедник". Первым в Якутии такое звание получил священник Верхневиллюйской Николаевской церкви Григорий Ноговицын. За 10 лет деятельности он обратил в православную веру 247 человек. Веропроповедник Гавриил Ноговицын с 1767 по 1769 гг. крестил 838 шаманистов. Основная масса местного населения была обращена в новую веру на рубеже XVIII-XIX вв. К числу известных миссионеров вошли священники Ал. Дьячковский, Н. Винокуров (Амгинская Преображенская церковь), Т. Дьячковский (Кангаласская Покровская церковь), Ф. Попов (Сунтарская церковь), Н. Карамзин (Жиганская церковь), С. Ощепков, А. Гаев, М. Попов (Олекминская Спасская церковь) и др. С началом XIX в. крещение возложили на приходских священников. Но в виде исключения в 1805 г. в Верхоянский и Колымский округа была

направлена походная церковь во главе с Г. Слепцовым. Перед протоиреем поставили основную задачу - крещение чукчей. Дело в том, что после 1760-х годов правительство отказалось от вооруженного покорения чукчей, поэтому путем обращения в христианство, в первую очередь, родоплеменную знать Русское государство рассчитывало привести их в свое подданство.

В целом, как установлено Е.С. Шишигиным, христианизация коренного населения Якутского края завершилась в 1820-х годах. В дальнейшем на служителей церкви возлагалась задача искоренения язычества, утверждения догматов новой религии. Преследуя шаманов, священники склоняли их к обращению в православие. При этом борьба против язычества проводилась не только "словом божьим", но репрессивными мерами. Но это не мешало отдельным церковникам прибегать иногда к помощи шаманов. Несмотря на внешние успехи христианского учения, православие не смогло оказать серьезное влияние на коренное изменение религиозного мировоззрения аборигенного населения. В рассматриваемое время христианизация фактически ограничивалась получением православных имен и фамилий. Тем не менее, она способствовала расширению хозяйственных и культурных связей местного населения с русскими. Постепенно церкви стали играть заметную роль в общественной жизни скотоводческого населения. Около них начали строить рубленые дома с деревянным полом. Да и сами церкви с конца XVIII в. начали строиться якутскими плотниками под руководством русских мастеровых. Как отмечалось выше, распространяется церковная литература, первые приходские школы. Внедрение христианства требовало пропаганды основных идей религии на языке местного населения. Этому должна была способствовать организация перевода и издания церковной литературы на якутском языке, за малым исключением, на основном языке фактически всех обитателей края.

§ 12. Ссылка в Якутии до середины XIX в.

Другую категорию русского и русскоязычного населения в Якутии составляли ссыльные. Ссылка началась еще с 1640-х гг. Большинство

ссылались «в пашню», «в службу», «в посад». Только наиболее важные государственные преступники приговаривались к отбыванию наказания в темницах.

К 1646 -1647 гг. на Лене появилась первая значительная группа ссыльных украинцев, которая занялась земледелием. В 1674 г. в Якутск привезли мятежного гетмана левобережной Украины Демьяна Многогрешного, в 1686 г. - гетмана Ивана Самойловича с сыном, а затем - и ряд украинских полковников, казацких голов и сотников.

В конце XVII в. здесь побывали стрелецкие бунтари, раскольники - старообрядцы. При воеводе Барнешиеве (конец 1670-х гг.) в Якутске проходили частые казни раскольников «за набеги и заговоры». Затем появились пленные поляки, позднее - шведы. Вместе со шведами был поселен в Якутске Андрей Войнаровский, племянник гетмана Мазепы.

✓ С 1730-х гг. массовая ссылка в Якутский край прекращается, за исключением редких одиночек-дворян: Антона Девиера, петербургского генерал-полицмейстера, графа де Санти, президента коммерц-коллегии Генриха Фика, князя А. Черкасского, именитого Ф. Соймонова, возвращенных затем Елизаветой Петровной.

✓ При правлении Екатерины II были сосланы участники восстания Пугачева, которые основали г. Вилюйск. В сентябре 1826 г. в Якутск привезли первых ссыльных декабристов. Всего в области в разное время побывало 14 участников восстания, среди них - А.А. Бестужев, З.С. Чернышев, С.Г. Краснокутский, А.Н. Андреев, Н.А. Чижов, М.И. Муравьев-Апостол, П.Ф. Выгодский, М.А. Назимов.

✓ В якутской ссылке декабристы жили недолго. Восемь из них выбыли из пределов области уже в 1829 г., затем покинули её и оставшиеся.

Находясь в Якутии, А. А. Бестужев-Марлинский написал балладу «Саатыре» на основе якутского фольклора и очерки «Ысыах», «Письмо к доктору Эрману», «Отрывки о Сибири» (последний – уже находясь на Кавказе). Н. А. Чижов создал поэтические произведения «Воздушная дева» и «Нуча». Кн. М. А. Муравьев-Апостол в Вилюйске первым посадил картофель и посеял просо, обучал казачьих детей грамоте и арифметике.

В Олёкминске А. Н. Андреев и Н. А. Чижов для местных крестьян построили мукомольную мельницу.

§ 13. Историко-географическое изучение Якутии

Русские землепроходцы свои открытия стремились отразить на географических чертежах. Так, в 1655 г. по указанию С. Дежнёва был составлен первый Анадырский чертёж. В 1657 г. спутники Стадухина сделали чертёж северной части Охотского моря. Преемник С. Дежнёва по Анадырскому острогу К. Иванов изготовил первый чертёж Верхней Лены, Охотского побережья и некоторых других районов Восточной Сибири.

Все эти предварительные работы были обобщены С. Ремезовым с сыновьями. Многочисленные чертежи Ремезова всегда поражали исследователей обилием самых разнообразных сведений о Сибири. Но первые специальные географические карты Сибири были выполнены в первой половине XVIII в.

В 1716 – 1719 гг. под руководством якутского воеводы Я. А. Елгина велась подготовка большой морской экспедиции, т.н. Большого Камчатского похода. Улучшалась дорога от Якутска к Охотскому, разведывались морские пути, систематизировались сведения о Камчатке и Курилах. Но эта экспедиция не состоялась. А карты Камчатки и сведения, собранные Елгиным, были представлены в Сенат, и в дальнейшем ими активно пользовались.

В 1720-1780 гг. экспедиционные исследования в Сибири и в омывающих её водах неизмеримо выросли. В это время были совершены великие географические открытия. Значительно расширилось изучение природных условий и богатств Сибири, населения, его этнического состава, культуры, быта и истории учреждений.

Особенно оно усилилось после создания Академии наук России. В 1725-1730 годах работала Первая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга. В 1733-1743 годах развертывалась деятельность Второй Камчатской экспедиции под началом того же Беринга. Труды ее сотрудников явились большим вкладом в науку. Так, один из её отрядов

под начальством Пронгишева и Челюскина совершил плавание в 1735–1736 гг. из дельты Лены на запад, с целью достигнуть устья Енисея. В трудных условиях плавания умерли Пронгишев и его жена. Летом 1737 г. экспедиция вернулась обратно. В 1739 - 1741 гг. отряд во главе с Лаптевым плавал у восточных берегов полуострова Таймыр до мыса Св. Фаддея. Зимой 1742 г. Челюскин обошёл полуостров вдоль берега от устья р. Хатанги до р. Н. Таймыр. Другой морской отряд экспедиции действовал на востоке от Лены под командованием Д. Лаптева.

Изучение природы и естественных богатств Сибири, истории и этнографии народов Сибири осуществили сотрудники академического отряда второй Камчатской экспедиции. В его состав входили профессора Г. Миллер, И. Гмелин, И. Фишер, Г. Стеллер, Я. Линденау, студенты Крашениников, Третьяков, Иванов, Попов и др.

После Великой Северной экспедиции В. Беринга на территории Якутской области проводили исследования Астрономическая экспедиция И.И. Исленьева (1768-1769 гг.), Северо-Восточная экспедиция Биллингса (1785-1795 гг.), экспедиция М.И. Адамса (1806-1807 гг.), И.И. Редовского (1806-1807 гг.), М.И. Геденштрома (1808-1810 гг.), Ф.П. Врангеля (1820-1824 гг.), А. Эрмана (1828-1829 гг.), А.Ф. Миддендорфа (1842-1845 гг.), К. Дитмара (1851-1856 гг.).

Из них особенно следует отметить работу экспедиции Биллингса, организованную Сенатом. В 1787 г. она отправилась на двух судах («Паллас» и «Ясашный») из устья Колымы на восток, но, миновав мыс Большой баранов камень, не смогла продвинуться дальше из-за льдов. В 1789-1790 гг. на корабле «Слава России» было совершено плавание из Охотска на Камчатку и позже к западным берегам Северной Америки. Плавание в 1791 г. под руководством Г. А. Сарычева проходило вдоль гряды Алеутских островов. Биллингс в это время провёл сухопутное путешествие по Чукотке. С ним были доктор К. Мерк и художник Л. Воронин. В истории географического исследования Чукотки и этнографического изучения чукчей это путешествие имело выдающееся значение. Главный картограф экспедиции Г. А. Сарычев в 1802 г. издал карту, подводящую итоги картографирования Северо-Востока Азии и Северо-Западной Америки в XVIII в.

Подводя итог, следует отметить, что в XVIII в. ведущую роль в великих географических открытиях (изучение Северного Морского пути, открытия в Тихом океане, освоение пути в Америку) принадлежит морским офицерам, прошедшим специальную подготовку, геодезистам, учёным.

Изучение русскими учёными, путешественниками в XVIII в. географии и природы Сибири, и в том числе Якутии, быта, культуры и истории её народов составило замечательную главу в истории мировой науки.

§ 14. Развитие культуры и просвещения

Приход и расселение среди аборигенов Ленского края сильного, с богатой культурой и развитым государственным строем народа и распространение вместе с ним совершенно незнакомых и новых вещей, обычаев, новой строительной технологии оказали большое влияние на культуру местных народов. Эти прогрессивные изменения стали толчком для качественного развития ремесла и его новых видов особенно среди якутов. Они не только участвовали в строительстве церквей и городских домов, но и со временем и сами самостоятельно стали их строить. В XIX в. большинство плотников в Якутске состояло из якутов. «Якуты здесь все, - писал в своих путевых заметках И. Гончаров, - кучера, слуги и ремесленники. Они скорняки, кузнецы, но особенно способны к плотницкой и столярной работе. ... Дайте им образец, они сделают такую же вещь». Произошли изменения в строительстве якутских жилищ. Видоизменились сначала летние жилища. Вместо дорогостоящей урасы стали строить шести- и восьмигранные жилища с горизонтальной кладкой стен и рублеными «в обло» углами. Возможно, здесь так же сработала историческая память, унаследованная от своих южных предков, которым была известна аналогичная архитектурная технология. Сначала многоугольные летние дома имели коническую форму и открытое отверстие наверху (как на урасе) для выхода дыма. В середине XIX в. у якутов появилась четырехстенная плосковерхая русская изба без дощатой крыши. Развивается столярное дело для изготовления мебели, которая обычно украшалась национальным орнаментом. При этом применяли свои красящие вещества: черную краску

получали из *ыт тумса*, черных наростов на березе или из угля горной кустовой ольхи; для красного цвета - *соһо*, красную природную охру и кору ольхи; для оранжевого - *сигик*, отвар красного тальника; для желтой краски - охру; светло-коричневый получали посредством отвара лиственничной коры.

Появление новых привозных тканей, серебра в монетах, листового с примесью меди («польское» серебро) привело к изменению фасона якутской одежды. Распространялись рубахи из ткани, длинные штаны вместо коротких штанов и ноговиц.

В изучаемое время наиболее распространенными становятся пояса, обложенные четырехугольными и круглыми серебряными пластинками. Состоятельные женщины носили серебряные пояса, к которым подшивали ухвертки, щипчики для вытаскивания занозы, трутники, вышитые бисером. Носили небольшие женские сумочки (*хаппар*) на боку. Серебро стали очень широко использовать в женских украшениях. Наряду с бусами, бисером и цветными бумажными нитками появились стеклярус, металлические блески, мишурные нитки. Ими вышивали женские камзолы, голенища торбазов, чепраки и берестяную посуду.

В записях смотрителя Духовных училищ С. Мармарисова, жившего в г. Якутске в 1840-х гг., приводятся весьма любопытные подробности о якутах: «Ростом они довольно высоки. Мужчины все ходят остриженными с небольшими гривами на затылках (впрочем, об этом же писал и И. Гончаров). ... Князки отличаются богатым суконным и бархатным костюмом, полусаблей, иногда с золотыми и серебряными медалями на разных лентах и серебряными поясами с резными чеканными на нем фигурами. Женщины еще отличаются большими металлическими подвесками на ушах и серебряными монетами, которые вместе с бисером пришиваются к косам: **сверх того носят на шее, на кушаке и на руках обнизни** из мелких серебряных монет и фигурок из разноцветных камешков. ... Многие носят широкие шелковые кушаки. Торбасы у всех бывают обвиты ремнями. ... Умеют строить хорошие дома по планам для городских жителей и делают по заказу и на продажу некоторые довольно красивые вещи, особенно гребни, шкатулки, ящики из мамонтовой кости с резьбой. Якутки шьют искусно

узорчатые ковры из разноцветных кож и плетут из длинной травы ситки, половики, не только для себя, но и на продажу. ... Якуты большей частью оборотливы в разговорах, довольно вежливы, гостеприимны, ловки и быстры в движениях, ... осмотрительны, внимательны ко всему, догадливы. Почти никогда не даются в обман русским. ...А жены их, которые вообще весьма трудолюбивы, скромны и почтительны к старшим, ...по несколько раз в день натирают новорожденных снегом или обливают холодной водою...»

Среди образцов устного народного творчества появились новые песни бытового характера, сохранялись олонхо, обрядовая поэзия - *алгыс*, которой сопровождались праздники, календарные хозяйственные работы. В сказках появились заимствованные от русских сюжеты, переработанные на якутский лад. В исторических преданиях этого времени появились рассказы о легендарных лицах прошедших времен, в частности, о депутате Софроне Сыранове, одном из последних отпрысков рода Тыгына; о самодуре, нахарском князце Додоре и члене Якутской степной думы грозном Старостине. Особый цикл составляют предания о Василии Манчары. Интересным событием становится появление в 1830-х гг. романтической поэмы адвоката М. Александрова «Якут Манчары».

В 1764 г. была сооружена одна из первых церквей в улусах, в с. Сунтар Вилуйского округа, в 1775 г. - в Нижне-Колымске, в 1787 г. - в с. Покровске Кангаласского улуса, в 1805 г. - в Борогонском улусе, 1817 г. - в Верхоянске, в 1822 г. - в Средне-Колымске, в 1823 г. - в Мегинском улусе. В 1860-х гг. в области было 40 церквей, 77 часовен и монастырь. Насчитывалось около 270 лиц духовного звания. На якутском языке стали служить во многих улусных церквях. Современники писали, что с переводом на якутский язык богослужебных книг знание молитв и вообще понимание богослужебной практики идет весьма успешно.

В среде «бродячего» населения области за это время в культурной жизни произошли некоторые изменения. Это, прежде всего, широкое распространение европейских товаров в быту. Миссионеры проводят первые пробные опыты перевода некоторых церковно-христианских книг на эвенкийский и даже чукотский языки. Н. Шукин следующим образом описал внешний

облик эвенка середины XIX в.: «Кожаные штаны тунгусов в обтяжку обрисовали мускулистые икры и ляжки, на ногах унты, украшенные бисером. Волосы, разделенные пробором на две половины, были заплетены в косы; у некоторых видны были на руках фигуры, наколотые иглой и натертые углем. Жены и девки одеты были в сложный наряд, тунгусо-якутско-русский, огромные медные серьги и на шее - медный ошейник».

У местного коренного населения постепенно сложилось сознание принадлежности к русскому государству, что Россия является их общей родиной, определились в связи с этим элементы патриотизма. Это видно, например, из того, что во время Отечественной войны вклад населения области на её нужды в 1812 г. составил 67413 руб. В 1813 г. якутяне активно участвовали в движении по организации помощи населению районов, пострадавшему от наполеоновских войск. В Петербургской газете «Северная почта» за 4 декабря 1812 г. писали следующее: «Якуты, известясь о вторжении французов в пределы России, оказались... усердными и испытанными сынами Отечества...».

Еще в глубокой древности у аборигенов Якутии сложились зачатки педагогической мысли, представлявшие совокупность житейских правил и обычаев. Но со времени включения края в состав Русского государства началось распространение грамоты, а затем - появились и первые очаги образования. Так, первые т.н. «цифирные» и гарнизонные школы возникли здесь в начале 1730-х гг., а в 1741 г. в Якутске была открыта навигацкая школа, работавшая в течение пяти лет. Но в 1766 г. она была вновь восстановлена и просуществовала до октября 1793 г. Несмотря на недостатки, навигацкая школа сыграла прогрессивную роль, заложив основу светского профессионального образования в Якутии.

Несколько увеличилось число школ в Якутской области в начале XIX в. в связи с реформой школьного дела в России. 3 февраля 1802 г. в Якутске было открыто первое уездное училище. Оно было сравнительно хорошо обеспечено учебниками и учебно-дидактическими пособиями. Учащиеся имели разнородный социальный и национальный состав. Из числа его выпускников якут Назар Борисов, окончивший училище с весьма хорошими знаниями, в 1826 г. был назначен учителем приходского училища.

Якутское уездное училище, являясь первым высшим начальным учебным заведением, осуществляло руководство всеми делами народного образования. Его преподаватели активно участвовали в изучении края. Так, в его стенах работал поэт Д.П. Давыдов, являвшийся членом Сибирского отделения РГО. Написал ряд этнографических работ, составил краткий русско-якутский словарь. Его стихи на якутскую тему печатались в Петербургской газете «Северная пчела» («Жиганская Аграфена», «Амулет» «Тунгус» и др.).

Вообще следует отметить, что среди сибирских учителей этого времени были замечательные педагоги: И. П. Менделеев (отец великого химика), поэт П. П. Ершов (автор «Конька-горбунка»), натуралист С. С. Щукин, географ и путешественник Р. К. Маак (автор монографии «Виллюйский округ Якутской области»), К числу их относился и Д. П. Давыдов. Кандидат восточных языков Е.И. Огородников написал работу «Замечания о якутском языке» (1846 г.), составил словарь якутского языка (1800 слов). Учитель истории и географии, выпускник Московского университета В.А. Райский изучал материалы Якутского архива, в 1858 г. составил «Юкагирский словарь». Законоучитель М.С. Ощепков в 1848 г. перевел на якутский язык «Краткий катехизис» и «Евангелие Матвея».

В 1812 г. было открыто Олекминское уездное училище. В 1826 г. в Якутске определилась казачья школа. В 1829 г. такие школы открылись в Средне-Колымске и Виллюйске, а в 1843 г. - в Охотске. В них учителями, за редким исключением, были малограмотные люди, преимущественно из казаков и священников.

Стремление улучшить подготовку духовно-миссионерских кадров побудило правительство организовать в Якутской области среднее духовное учебное заведение. В 1858 г. в г. Якутск перевели с о. Ситхи (Аляска) духовную семинарию. Наряду с традиционными предметами духовно-христианского содержания здесь преподавали якутский язык. Её выпускники пополняли ряды учителей и чиновников.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Акты архивов Якутской области 1650-1800 гг. (сост. Е. Д. Стрелов). – Якутск, 1916. Т. 1.
2. Алексеев А. А. Забытый мир предков. – Якутск, 1993
3. Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII – XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. – Новосибирск, 1996
4. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971
5. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966
6. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). – М., 1956
7. Берг Л. С. История географического ознакомления с Якутским краем. – Л., 1927
8. Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. – М., 1991
9. Борисов А. А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. – Якутск, 1997
10. Василевич Г. М. Эвенки. – Л., 1969
11. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л., 1965
12. Гоголев А. И. Лекции по исторической этнографии якутов. – Якутск, 1978
13. Гоголев А. И. Мифологический мир якутов: божества и духи-покровители. – Якутск, 1994
14. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». – М., 1951
15. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., Л., 1960
16. Жукова Л. Н. Религия якутов. Ч. 1. Языческий пантеон. – Якутск, 1997
17. Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. – М., 1914
18. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX вв. – Новосибирск, 1986
19. Зыков Ф. М. Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 1989
20. Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII в. – Якутск, 1966
21. Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII – XVIII вв. М., 1974
22. Иванов В. Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начало XIX вв.). – Новосибирск, 1992

23. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л., 1961
24. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Л., 1968
25. История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630-х годов до 1917 г. – М., 1957
26. Карлов В. В. Эвенки в XVII – начале XX в. – М., 1982
27. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. – Л., 1936
28. Линденау Я. И. Описание народов Сибири в середине XVIII в. – Магадан, 1983
29. Маак Р. К. Вилуйский округ Якутской области. Ч. 3. – СПб., 1887
30. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 2. – СПб., 1878
31. Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов // Труды комиссии по научному изучению Якутской АССР. IV. – Л., 1929
32. Памятники права саха (Якутия): Сб. документов (сост. Фёдоров М. М., Максимова О. Д.). – Якутск, 1994
33. Петров А. А. Лексика духовной культуры эвенов (Народное искусство и обряды). – Л., 1991
34. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. – М., 1978
35. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1980
36. Сафронов Ф. Г. Якуты. Мирское управление в XVII – нач. XX века. – Якутск, 1987
37. Софронеев П. С. Якуты в первой половине XVIII века. – Якутск, 1972
38. Токарев С. А. Общественный строй якутов в XVII – XVIII вв. – Якутск, 1945
39. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? – М., 1979
40. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М., 1985
41. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). – Якутск, 1978
42. Чикачёв А. Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1990
43. Шишигин Е. С. Распространение христианства в Якутии. – Якутск, 1991

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЯКУТИЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

(вторая половина XIX – начало XX в.)

Раздел I. Якутская область во второй половине XIX в.

§ 1. Характеристика эпохи

В главе показан процесс социально-экономического, политического и культурного развития Якутии в эпоху, когда в России происходило формирование индустриального общества, называемого в советской исторической науке эпохой капитализма. Так, ещё в 1830-1840-х гг. в России начинается промышленный переворот, т.е. переход от мануфактуры к фабрике. Крестьянская мануфактура вытесняется вольнонаёмными отношениями. Растут объёмы торговли. Начинают действовать железные дороги.

Вторая половина XIX в. преимущественно связывается с правлением императора Александра II (1855- 1881 гг.). Он осознавал необходимость глубоких реформ либерального характера и осуществлял их на протяжении всего царствования. В стране начинается эпоха гласности. Был закрыт цензурный кабинет. Разрешалась свободная выдача заграничных паспортов. Была объявлена амнистия декабристам и участникам польского восстания 1831 г., 9 тыс. человек были освобождены от политического надзора. По манифесту от 19 февраля 1861 г. отменялось крепостное право. Предоставлялась всем крестьянам личная свобода. Важнейшим принципом судебной реформы было признание равенства всех подданных империи перед законом. Судьи обрели реальную независимость от правительственных чиновников. Вводится принцип гласности и состязательности в судебный процесс (прокурор - адвокат).

В 1864 г. в России создавались земства – выборные органы местного самоуправления в губерниях и уездах. Но политические права земств были ограничены. Губернатор имел право отменять решения земских органов и собраний.

По новому Городовому Уложению (1870 г.), выборы членов городских Дум (гласных) стали бессловесными. В целом, развитие местного самоуправления способствовало возникновению независимой от власти, не контролируемой ими общественной жизни. Этому способствовали и другие реформы 60-х гг.

По новому Уставу о воинской повинности (1874 г.) сословная армия заменялась новой, созданной на основе воинской повинности. Таким образом, в 60-70-х гг. в России происходили такие перемены, которые в Западной Европе занимали целые века. Тем не менее, реформы осуществлялись сверху, потому проявлялась и противоречивость политического курса царя-реформатора. Это привело к активизации деятельности народнического революционного подполья. В 1881 г. Александр II был убит террористами.

При Александре III в правительстве верх взяли консерваторы. Ограничивалась деятельность земства, начались преследования либеральной печати. Проводится т.н. «контрреформаторство» в правительственной политике. Но с другой стороны, процесс капитализации экономики в 80-е гг. XIX в. принял бурный характер.

К 1870 г. в стране сложились все предпосылки для индустриализации. Предприниматели активно осваивали окраины страны. Освобождение крестьян высвободило их энергию, и Россия совершила огромный скачок в своём развитии. Во второй половине XIX в. Россия переживает небывалый демографический взрыв. Её население увеличилось на 50 с лишним млн. человек.

В 90-х гг. был принят ряд экономических мер. Но диспропорция в развитии экономики была очень велика. России не удалось догнать развитые страны мира.

§ 2. Административное управление

В управлении Якутской областью во второй половине XIX в. не произошли принципиальные изменения. В связи с увеличением населения возникли новые наследи. Кроме того, в 1860 г. Кангаласский улус разде-

лился на два: Восточно-Кангаласский и Западно-Кангаласский. В Якутском округе стало 8 улусов. В 1899 г. из Сунтарского улуса выделился Хочинский улус. Затем большая часть левобережья р. Вилюй отделилась от Верхневилюйского и составила Западно-Вилюйский улус, но это уже в начале XX в. Чуть позже произошло разделение и Мархинского улуса, из западной части которого образовался Нюрбинский улус. В Вилюйском округе стало 7 улусов. В 1911 г. по решению Сената из состава Батурусского улуса выделился Амгинский улус.

Образованная часть тойонов и зарождающаяся интеллигенция хотела провести преобразования в области самоуправления или хотя бы улучшить, усовершенствовать некоторые положения Устава Сперанского 1822 г. об управлении инородцами России. Одним из таких представителей этого направления являлся голова Батурусского улуса Е. Д. Николаев. В 1883 г. на коронации Александра III в С-Петербурге 26-летний Е. Николаев вручил министру внутренних дел Российской империи графу Д. А. Толстому докладную записку о положении якутов. В ней он просил предусмотреть возможность предоставления инородцам некоторых прав на самоуправление и прекратить ссылку уголовников в Якутскую область. Министр обещал внимательно ознакомиться с состоянием дел и принять кое-какие меры по улучшению экономики области. Но новый царь не поддержал либеральные реформы своего отца Александра II. Александр III был очень консервативен по своим взглядам. В 1880-е гг. проводится т.н. «контрреформаторство» в правительственной политике. В этих условиях предложения «инородца» Е. Николаева не могли быть поддержаны правительством.

Е. Д. Николаев имел гимназическое образование. Будучи почти юношей был избран старостой наслега, затем головой крупного Баягантайского улуса. Имел правительственные награды. Как установил П. Троев, к 29 годам он имел «тёмно-бронзовую» на Александровской ленте и серебряную медаль на Аннинской ленте для ношения на шее. Одновременно он был близок с ссыльными народниками.

Его «Краткая записка» была издана в нескольких номерах иркутской газеты «Восточное обозрение» за 1889 г. В редакторском предисловии

писали, что «примеры образованных якутов лучше всего докажут, насколько якутское племя восприимчиво, насколько оно может собственными силами подняться до высшего культурного уровня. В этом случае мы хотим указать на редко выдающийся пример якутского самосознания и саморазвития, который показывает, к чему это население способно... В них лежат задатки гражданского понимания, ясно осознанная цель своего существования... Якуты, получившие образование, становятся не менее образованными людьми, чем европейцы... К таким личностям и выдающимся отрядным явлениям принадлежал недавно умерший якут, улусный голова Егор Дмитриевич Николаев. Получив русское образование, он всецело отдался заботам о нуждах якутов и о том, какие средства могут вывести их из бедственного экономического положения».

Е. Николаев считал, что если бы якутам была возвращена Степная Дума, то она способствовала бы возникновению якутского самоуправления по типу земского.

В своей «Записке», ссылаясь на отсутствие ссыльных в остальных местах Сибири, просил предусмотреть возможность прекращения ссылки преступников в якутские улусы. «И, если ещё принять во внимание общее поведение почти всех ссыльных с инородцами, - писал он, - поведение, основанное на насилии, угрозах и обидах, то вред, наносимый инородцам от преступных и порочных ссыльных, становится очевидным».

§ 3. Возникновение товарно-денежных отношений в Якутии

Все эти изменения, которые происходили в России во второй половине XIX в. по-своему и своеобразно отражались в развитии Сибири и, в том числе, Якутии.

В Якутии с 1860-х годов начали зарождаться товарно-рыночные отношения. Этому, в первую очередь, способствовало открытие Ленских золотых россыпей в верхних, а затем и других, притоках Олёкмы. Первые прииски здесь возникли ещё в середине 1840-х годов. В 1859 г. на Олёкме разрабатывались 15 приисков, и тогда же было намыто 163 пуда золота.

В 1863 г. были открыты богатые золотonosные места по р. Витим (речки Бодайбо и Накатами). Возникли золотопромышленные компании – «Ленское товарищество», основанное Катышевцевым и Басниным (1861 г.); «Ленское золотопромышленное товарищество» (1882 г.). Основным капитал последней компании составлял 4 млн. 500 тыс. рублей. Начался процесс механизации крупных приисков. В 90-х годах строится Бодайбинская железная дорога и первая гидроэлектростанция мощностью 300 киловатт, ставшая первой высоковольтной электростанцией в России.

В 1870-х гг. на Ленских приисках работало около 5 тыс. рабочих, в 1889 г. – 12 тыс. мужчин и 1161 женщина. Среди них были и выходцы из Олёкминского и отчасти Вилуйского округов. В 1883 г. эвенки и якуты составляли 5,8 % приисковых рабочих.

Снабжение приисков продуктами происходило из Восточной Сибири (в частности из Якутской области) и Европейской России. Ежегодно на прииски доставлялись товары на сумму от 3 и до 4 млн. руб. При этом одна четвёртая часть продовольствия (примерно на 1 млн. руб.) доставлялись из Якутской области: мясо из Олёкминского, Вилуйского и Якутского округов, масло – из Олёкминского, Якутского, с низовьев Лены – рыба. Поставка на прииски продовольствия явилась новой формой развивающейся торговли в области. Ею преимущественно занимались состоятельные люди из тойоно-байской среды. С 1870-х гг. тойоны преимущественно стали наживать деньги на посреднических операциях, в извозе. В среднем, у каждого подрядчика было 20-30 возчиков.

Развитие горной промышленности способствовало росту цен на продукты сельского хозяйства. В связи с этим возникла заинтересованность якутов в преимущественном развитии крупного рогатого скота. А русские крестьяне начали увеличивать запашку.

Покупка вздорожавшего в полтора-два раза хлеба стала для якутов крайне обременительной. В связи с этим в 70-80-х гг. они стали массово заниматься земледелием и уже в 1889 г. на якутские хозяйства пришлось около 50% валового сбора хлеба. В том же году в Якутском округе было собрано 338208 пудов хлеба, в Олёкминском – 264632 пуда, в Вилуйском

– 61152 пуда. Но своего хлеба в области не хватало. Поэтому сюда ежегодно ввозилось из Иркутской губернии 150-200 тыс. пудов хлеба.

В 80-х годах резко возросли посевы картофеля. Главным поставщиком его становится Олёкминский округ. В целом, на каждого жителя русских деревень собирали по 20-40 пудов картофеля. Крестьяне, особенно сектанты, занимались торговым огородничеством. У олёкминских крестьян в 1890-х гг. было около 1000 десятин поливной пашни и сенокосов, для этого устраивались оросительные системы. В эти годы распространяются покупные сельскохозяйственные орудия и машины: жнейки, железные плуги, бороны, молотилки, сноповязки, сенокосилки.

С оживлением предпринимательства увеличился оборот якутских ярмарок.

Приведённые данные показывают значительное укрепление связи сельского хозяйства области с общероссийским, прежде всего с сибирским, рынком.

Вместе с тем ремесленное производство не получило достаточно заметного развития. Мелкие хозяйства оставались полунатуральными. Якутские изделия, изготовленные из меха и мамонтовой кости, впервые были выставлены на Всемирной выставке в г. Вене в 1873 г. Более полно и разнообразно была показана на выставке якутская пушнина. Колымский купец М. Барамыгин представил на выставке 246 шт. разной пушнины, а бывший голова Восточно-Кангаласского улуса Ф. Лепчиков – 425 шт. ценной пушнины.

Более полно и широко были представлены экспонаты из Якутской области на выставке при III Международном конгрессе востоковедов в августе 1876 г. в С-Петербурге. Выставлялись в основном предметы ремесла народов Якутии, преимущественно якутские.

В 1896 г. в Нижнем Новгороде проходила Всероссийская художественная и промышленная выставка. Туда из области поступил 21 ящик экспонатов. А 192 экспоната, состоящие из многих чучел, моделей, вещей натуральных, приняли участие в 1900 г. во Всемирной Парижской выставке. Якутские изделия вызвали оживлённый интерес посетителей выставок, особенно предметы из замши и мамонтовой кости. Например, некая

Е. Саксен-Альтенбургская предложила организовать сбыт кустарных изделий в Германии.

По данным П. И. Докторова, ремесленные и кустарные изделия из якутской области были выставлены в 1902 г. на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в С-Петербурге.

Полунатуральный характер мелких хозяйств не способствовал развитию ремесла. Улусные кузнецы и ювелиры занимались в основном скотоводством и изготавливали изделия преимущественно при наличии заказов. Хотя ремесленные изделия, особенно кузнечные, доставлялись на городские рынки. Ювелиры, резчики по серебру выполняли работы по заказу торговцев северных улусов. В заречных наслегах под Якутском некоторые занимались изготовлением леса на тёс с расчётом на сбыт его скупщикам. Население, живущее около городов Якутска, Вилюйска изготавливало на продажу деревянную и берестяную посуду, мебель, бочки, сани, телеги, половики из конского волоса и ковры.

Кустарные предприятия располагались в городах. В 1870-х гг. в г. Якутске насчитывалось всего шесть предприятий – папиросные и кирпичные. В Олёкминске функционировал маломощный кирпичный заводик.

В 70-х гг. появились первые пароходы, но основная масса товаров по-прежнему сплавлялась по Лене на парусно-весельных каюках, паузках и карбасах.

Как и в предыдущее время, главной магистральной дорогой оставался Якутско-Иркутский тракт вдоль Лены, вдоль которого жила основная масса русских земледельцев.

На востоке Якутии Аянский порт продолжал существовать. На смену Российско-Американской компании пришла американская фирма «Холм Вольт». Она занималась скупкой пушнины и снабжением Аяно-Нельканского района хлебом и боеприпасами. В 80-х гг. возобновляет работу Якутско-Аянский тракт. По нему устанавливается торговая связь с иностранными фирмами, особенно, с чайными.

Таким образом, социально-экономическое развитие в Якутской области во второй половине XIX в. характеризовалось заметным оживлением (разработка золотых россыпей по соседству, рост хлебопашества, подъём

торговли), дальнейшим проникновением товарно-денежных отношений в якутские улусы и становлением элементов товарно-рыночных отношений. Хотя здесь влияние российского капитала не выходило за рамки сферы обращения. Это не могло изменить производственной основы традиционной экономики Якутии, основанной на примитивной форме производящего хозяйства – осёдлой формы скотоводства, полукочевом коневодстве и зачатков земледелия, широкому и основательному развитию которого препятствовали, во многом, тяжёлые природно-климатические условия Якутии.

В скотоводческом хозяйстве якутов в обозреваемое время по-прежнему основным вопросом остается землепользование. Сенокосные угодья приобретают товарный вид в связи с поставками продуктов скотоводства на прииски и ростом грузоперевозок. Учащаются случаи судебных тяжб из-за сенокосных угодий. Основная масса скота была сосредоточена в Якутском и Вилюйском округах. Количество крупного рогатого скота в это время колебалось от 240 тыс. до 260 тыс. голов, лошадей от 120 до 140 тыс. голов.

При низкой продуктивности якутского скота нормой существования средней семьи считались 15-17 голов рогатого скота. Поэтому к числу обеспеченных семей относились примерно 30% якутских хозяйств.

Лошади круглый год находились на подножном корму. Сеном подкармливали только слабых жеребят и рабочих лошадей.

Косили траву железными косами-горбушами, изготавливаемыми местными кузнецами. С 1880-х гг. в центральных, а потом и вилюйских улусах распространяется стальная коса - литовка. Она значительно увеличивала количество запасаемого сена.

Земельный вопрос усугублялся еще и тем, что при классной системе общинного землепользования распределение сенокосных угодий проводилось неравномерно, в пользу богатой прослойки общества.

Сенокосы стали измеряться в возах и копнах. Это давало относительно точный подсчет получаемого с участка сена. В связи с тем, что урожайность резко колебалась по годам, в центральных улусах ежегодно производилось поравнение участков. От каждого рода избирались по два при-

сяжных депутата, которые в начале лета объезжали все участки и определяли урожайность. По этим данным наследное собрание производило поравнение. Но на самом деле урожайность сена на наделах богатых людей депутаты снижали на 1,5 иногда даже в 2 раза. Хотя после сенокоса временами проводилась дополнительная проверка урожайности. Поэтому иногда принуждали уступить часть сена недокосившим, с условием, что последние оплатят их труд по заготовке сена. А в северных улусах покосы и иные угодья по классной системе не распределялись, за наличием достаточной площади земель.

Олёкминские якуты в связи с развитием хлебопашества в начале 20-х гг. были переведены в разряд оседлых крестьян.

В изучаемое время производились многочисленные расчистки и спуск озёр с правом известное число лет пользоваться новыми сенокосами. Известны случаи, когда богатые люди таким путём закрепляли за собой до 100 дес. покосов. А практиковавшаяся аренда сенокосов во многих случаях становилась источником для ростовщических операций. Процветал ростовщический кредит. По-прежнему развивалась раздача скота бедным на летний выпас (хасаас), на зимний прикорм (уостуур).

В конце XIX в. около 30% сельского населения относились к числу безземельных. Возрастали недоимки ясака. В связи с этим очередной якутский губернатор В. Н. Скрипицын пытался провести аграрную реформу с целью ликвидации классной системы в землевладении и наделения землёй всех податных мужчин. Проведением реформы в жизнь занимались окружные полицейские управления. Но она не была претворена в жизнь. В 1903 г. сенат отменил реформу Скрипицына.

В 90-х гг. посев якутских хозяйств составлял 60% всех посевов в Якутской области. В олёкминском округе якутские посевы зерновых составляли 75,8% по отношению ко всем посевам в этом округе, в Виллюйском - 85%. Сеяли главным образом ячмень. Кое-где возникли специализированные хозяйства, ориентированные на рынок. Некоторые из них сбывали ежегодно до 5-6 т. хлеба. В их хозяйствах работали сезонные батраки. Такие крупные хозяйства пользовались паровыми молотилками,

а один из них, С. Барашков из Качикатского наслега, стал пользоваться своим электричеством.

В российской печати второй половины XIX в. установилось понятие о вымирании коренных народов Сибири. Так, в одном из январских номеров газеты «Восточное обозрение» 1891 г. писали следующее: «Учёные призывают изучить вымирающие племена в Якутской области. С другой стороны здесь с этими народностями живёт, крупнеет и размножается сильное якутское племя, - одно из тех диких племён, которые должны были бы, по всем законам божеским и человеческим, вымирать, но которое, вместо того передаёт «счастливым» порабощителям особенности своей культуры и характеризующие черты своего нравственного облика». В 1897 г. была проведена первая Всероссийская перепись населения. Основываясь на её материалах, С. К. Патканов сделал заключение о том, что якуты являются вполне «жизнеспособным племенем». Долговечность якутов как исторического народа некоторые исследователи объясняли способностью последних подчинять своей культуре смежно обитающих племён края и увеличиваться за их счет.

Ежегодный прирост якутского населения за весь период дореволюционного времени показывает, что оно возрастало из века в век. Так, в первой половине XVIII в. средний ежегодный прирост составлял примерно 800-830 чел., во второй половине того же века - на 871 чел., а в первой половине XIX в - 1742 чел., во второй половине XIX в. - 646 чел.

Как видно из приведённого, ежегодный прирост населения наиболее заметно увеличивается в первой половине XIX в. В последующее время кривая роста населения падает приблизительно в 2,2 раза.

Как известно, во второй половине XVII и XVIII вв. происходил процесс миграции якутского населения на Вилюй и в северные и северо-восточные земли. Продолжался процесс освоения окраинных регионов Якутского края. Возникали новые сенокосно-пастбищные районы.

По мере развития производительных сил нарастает имущественное и социальное неравенство в якутском обществе. Вследствие чего для широких масс народа сохраняется возможность применения своих сил для использования главного средства производства - земли, в том её количестве,

которое было необходимо и которое, в конечном счёте, имелось в наличии. Но распоряжалась ею верхушка общества. Разрешение этого кризиса виделось также в переселении, обживании новых окраинных мест.

Популяция скотоводческого населения в дореволюционной Якутии зависела от определённых объективных причин экономического характера, в частности, от возможностей увеличения количества поголовья скота.

Состояние рождаемости и смертей зависело от роста благосостояния, культуры и, следовательно, от уровня социально-экономических условий жизни народа.

Со второй половины XVIII в. происходит увеличение количества рогатого скота. К первой трети XIX в. крупный рогатый скот составлял 64,2% от общего количества скота. Якутское хозяйство постепенно теряет пережитки номадизма (кочевого скотоводства). В это время наблюдается ускоренный прирост якутского населения.

Падение коэффициента естественного прирост якутского населения, наблюдаемое во второй половине XIX и в начале XX в. (в первой половине XIX в. в среднем ежегодный прирост мужского населения составлял по данным С. Патканова 12% во второй половине века этот прирост равнялся 2,2%), видимо, можно объяснить следствием относительного перенаселения центральных улусов Якутской области. Рост населения в это время опережал рост поголовья скота. Это диктовалось, большей частью, отсутствием земель, удобных для расширения скотоводства. По данным Г. П. Башарина свободные (пустолежащие) земли были освоены ещё в конце XVIII и первой половине XIX в. Ограниченность полезной земли в области усугублялась ещё наличием длительного периода стойлового содержания скота.

В этих условиях, особенно массово с последней четверти XIX в., распространяется хлебопашество. Но более успешно оно проводилось, как отмечалось выше, в Олёкминском округе. Именно здесь в обозреваемое время сохраняется довольно высокий коэффициент ежегодного пророста населения, равный 12%, тогда как общий областной показатель не превышал 2,6%.

В других округах Якутской области, в силу климатических ограничений, и отсутствием разработанных навыков, хлебопашество никогда не имело промышленного значения среди якутского населения. Кроме того, за небольшим исключением десятин готовой пашни, земель годных для полеводства было чрезвычайно мало. И как отмечали тогда, «посевная площадь не может расшириться за счёт луговых пространств, в сущности необширных для скотоводческого народа». А между тем, население медленно, но росло, а количество скота не увеличивалось. Отсутствие надёжного, прогрессивного вида транспорта, и главное, отсутствие ресурсов у основной массы якутского населения на приобретение привозных продуктов земледелия, достаточных в необходимом объёме для поддержания нормальной популяции, создали на рубеже XIX – XX столетий критическое положение, отразившееся замедлением роста коренного населения Якутии.

Таким образом, со второй половины XIX в. начался процесс замедления естественного прироста скотоводов Лены. Возникновение своеобразного экологического предела дальнейшему увеличению численности скотоводов было продиктовано, в основном, нехваткой сенокосно-пастбищных угодий, для содержания необходимого количества скота и лошадей. Этот надвигавшийся демографический кризис можно было успешно разрешить только двойным увеличением существовавшего тогда поголовья скота. А для этого был необходим новый рациональный способ ведения скотоводства, высокая культура агротехники, нужны были большие капиталовложения для этих целей. Объективные обстоятельства того времени, устоявшаяся традиция ведения скотоводства и, главное, неблагоприятные климатические условия не могли обеспечить переход к обновлённой экономике.

Русский писатель И. Гончаров, возвращаясь из кругосветного путешествия на фрегате «Фаллада», проезжал по территории Якутской области. В своих путевых заметках он писал: «Подъезжая к р. Амге, я, вдруг как будто перенёсся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестреющие хлебом. Ужели это пшеница? «Пшеница и есть, - сказал мне человек (кучер-ямщик. А. Г.) – а вон и яровые». Я не мог окинуть глазами об-

ширных лугов, с бесчисленными стогами сена, между которыми шевелились якуты, накладывая на волов сено, убирая хлеб...Где же я? Кто тут живёт? – спросил я своего ямщика. «Исправные якуты живут» – объяснил он...Глаза разбегались, останавливаясь на сжатом хлебе, на прячущиеся в чаще леса богатые, окружённые сараями и хлевами юрты, на едущей верхом на воле, пёстро одетой якутке».

Во второй половине XIX в. изменилось направление заселяемых якутами земель. В связи с освоением навыков земледелия они стали искать места удобные для занятия хлебопашеством и огородничеством, т.е. более южные районы Восточной Сибири. По данным переписи населения России 1897 г. в Приамурском крае проживало 778 якутов и довольно большое количество их – в Иркутской губернии. Так, в докладе С. Ф. Ковалика «Якуты Киренского округа», отправленного в этнографическую секцию ВСОИРГО в 1897 г., говорится о якутах-земледельцах, уже в малой степени занимающихся скотоводством. Живя в стороне от русского населения они сохранили национальные особенности, язык. Под влиянием русской администрации и крестьянских общин появился внутренний уклад жизни киренских якутов, выражающийся в характеристике их управления. В докладе также указывался высокий естественный прирост киренских якутов, чем тогда же в сравнении с центральными улусами Якутской области.

В середине 90-х гг. XIX в. небольшая группа якутского населения колонизовала свободные земли по среднему течению Витима Баргузинского округа Иркутской губернии. Один посёлок образовался на р. Муе. Река оказалась рыбной, а земли очень удобными для хлебопашества и огородничества. Это благодатное место было избрано якутами для переселения и в 900 км. от г. Баргузина и 450 км. от Полежаевского прииска был основан, как тогда писали в печати, «новый культурный центр». «Якуты муйские не только сеют хлеб и сажают капусту и картофель, но также пекут очень хорошо хлеб и имеют такие учреждения, как общественная кузница и безукоризненно чистая общественная баня. Пока посёлок новый: в нем числятся 37 душ мужского и 25 женского пола. Живой инвентарь выражается в 99 лошадях, 215 головах крупного рогатого скота и 10 оленях. Тор-

гашеская жилка якутов находит себе применение и в Средней Витимской тайге. Посёлок уже стал центром притяжения окрестных орочей, которые находят у якутов всё для них необходимое».

Второе крупное новшество в якутской среде второй половины XIX в., как об этом вскользь было отмечено в начале главы, это торговое дело, предпринимательство. Торговля и извоз в золотопромышленные районы становятся чуть ли не повальным занятием жителей Якутского, Вилюйского и Олёкминского округов. Ими преимущественно занималась тойонская верхушка общества. Так, например, в 80-х гг. в Мухтуйе занимался поставками и подрядом староста одного из наслегов некто А. О. Попов. Он вёл дела, в основном, в Витимской золотопромышленной системе – поставлял строительный лес и на его лесозаготовках были заняты около 2 тыс. якутов. Когда в 1883-1884 гг. на промыслах свирепствовала чёрная оспа, А. О. Попов принял энергичные меры к прекращению эпидемии: устраивал карантин, больницу на прииске, в якутских жилищах, куда проникала зараза, заставлял жечь помещения и всё имущество, за всё платя деньгами, по себестоимости. На промыслах Витимской системы им была устроена бесплатная больница для всех.

На Учурской ярмарке, начиная с середины XIX в. по свидетельству А. Павловского, почти вся торговля находилась в руках якутских купцов.

В эти годы наблюдается процесс сокращения скота в тойонских хозяйствах до 80-100 голов и восполнения его денежными операциями, раздачей денег под подряды. Н. В. Виташевский, касаясь этого вопроса писал, что «покупка и продажа рабочей силы человека практикуется якутской жизнью в очень широких размерах и проявляется в самых разнообразных формах...Избалованные постоянным получением предпринимательской прибыли громадных размеров, якутские капиталисты... свой продукт стараются сбыть бедняку под работу, и прибавочная стоимость...достигает баснословной нормы».

В г. Якутске часть якутов занималась скупкой сельскохозяйственной продукции и рыбы. Для этого выезжали за несколько вёрст за город и выжидали подвоза продуктов окрестными жителями и скупали у них и в городе по двойной цене продавали жителям.

§ 4. Изменения в традиционной культуре якутов

Во второй половине XIX в. произошли изменения в традиционной культуре якутов. Среди них было уже немало искусных плотников и столяров. В г. Якутске работали артели плотников, большинство которых считало работу в городе своим профессиональным заработком. Среди них были именитые мастера, такие как Ф. Романов. Усвоив русские приёмы строительства, они приспособляли постройки к климатическим условиям и вкусам местного населения. Сохранившиеся дома свидетельствуют о высоком мастерстве якутов-строителей.

В городах якутские купцы усваивали быт русской городской буржуазии. «Они по праздникам надевают сюртуки, - писал о них И. Майнов, - и делают визиты исправнику и отцу благочинному, а вечером принимают их у себя и после несколько робберов крупной игры, угощают ужином с коньяком и шампанским высоких марок, с омарами и заграничным сыром».

Завоз разнообразных тканей и отделочного материала способствовал дальнейшему изменению покрою, фасонов и украшений одежды якутов. Старинный нарядный костюм сохранялся теперь для праздников.

В орнаменте, наряду с древним декором, появляются сюжетные рисунки с изображением человека и животных на деревянных ковшах для кумыса, на берестяных табакерках, серебряных окладках сёдел, поясов. Изготавливались ящики и шкатулки с изображением бытовых сцен.

Со второй половины века стали распространяться изделия из мамонтовой кости. Появились мастера, работы которых высоко оценивались на выставках. Из косторезов начала XX в. известны К. Неустроев, Д. Никифоров. По данным М. М. Носова, их высокохудожественные работы хранятся в музеях Якутии и за её пределами.

Народные мастера, овладевшие техникой живописи, привлекались к изготовлению иконостасов и киотов для церквей. Один из таких мастеров, некий Беллески, выполнял заказы на иконы для сельских церквей. Резчик по дереву и лубочный художник Анастас Бурнашов также в основном работал на заказ.

Особое развитие получил фольклор. Якутский язык обогащался новыми заимствованными словами. Олонхосуты – сказители занимали в жизни населения высокое положение. Влияние современности проникало и в содержание олонхо. Записанные в конце XIX в. эпические произведения состояли из 5 – 12 тыс. строк. В начале XX в. широко известными олонхосутами стали Н. Абрамов – Кынат из Восточно-Кангаласского улуса, Д. Говоров из Борогонского, Т. Борисов – Ырыа из Таттинского, Е. Иванова из Амгинского и др.

Наряду с этим развивалось народное песенное творчество: бытовые, любовные песни, народные дуэты. В каждом крупном улусе существовали различные варианты хороводных песен. В скороговорках преобладало сатирическое содержание. Высмеивались людские пороки, такие как злословие, страсть к карточной игре, «огненной воде». Народное мировоззрение отражалось в пословицах, поговорках и загадках.

§ 5. Народы Севера Якутской области во второй половине XIX – начале XX в.

В XIX в. в бассейне Вилюя сформировалось этнически смешанное население. Там, где было возможно хозяйство якутского типа, эвенки становились полуосёдлыми скотоводами и даже земледельцами, где таковое было невозможно, охотниками-оленеводами становились якуты. Но и в том и в другом случае языком смешанного населения считался якутский язык.

Основные торговые функции на Северо-Западе Средней Сибири выполняли якуты. Благодаря хорошему знанию местности, умению обходиться как с лошадьми, так и с оленями, они обладали способностью проникать в самые труднодоступные местности, поставляя эвенкам в обмен на пушнину потребные им товары. Приезжая осенью на лошадях, они продавали их эвенкам, а сами зимой возвращались на эвенкийский оленях. На оленях вилюйские якуты зимой доставляли товары алдано-охотским и кангаласским тунгусам далеко на юго-восток. Завершив с ними торговые операции, якуты продавали им оленей и с лошадьми возвращались на Вилюй.

По переписи 1897 г. в Якутской области эвенков насчитывалось около 10 тыс. человек, а в Вилуйском округе проживало 4062 эвенков, в Жиганском улусе Верхоянского округа – 394 эвенка. Но фактически на северо-западе на основе бывших тунгусов, на основе смешанного с якутами и частично с русскими старожилами, сложились две новые общности: этнографическая группа северных якутов – оленеводов и новый долганский народ Севера. Необъякученное тунгусское население в начале XX в. сосредоточилось, по данным В. А. Туголукова, в самых западных районах региона – к западу от Анабара. Но и там на родном языке говорило всего около 27% всех местных эвенков.

На рубеже XIX – XX вв. жакутский, калтагарский, брагатский (нюрбаганский), часто сологонский, угулятский эвенкийские роды Вилуя превратились в якутские наслега.

Потомки оставшихся на Лене эдиганов были известны в начале XX в. под названием Жиганского рода в 3-м Хатагинском наслеге обякученных тунгусов Жиганского улуса.

Во второй половине XIX в. в Якутском округе эвенки кочевали в юго-западной его части, орошаемой верхним течением Алдана и Амги, а также небольшими речками, впадающими в Лену, по среднему течению Алдана и Маса. Часть майских эвенков занималась скотоводством. В Олёкминском округе эвенки кочевали повсюду, за исключением приленских районов, где жили якуты.

В бассейне Колымы, на всём её правом берегу и верхнем течении, по Идигирке, Яне и Омолону продолжали жить ламуты – эвены. По переписи 1897 г. в области проживало 2391 человек.

В изучаемое время у эвенов и эвенков Якутии в основном сохранялась традиционная культура и форма хозяйства. Тем не менее из года в год увеличивалась потребность в русских товарах. Алданские эвенки и часть майинских переходят к скотоводству. Часть олёкминских эвенов перешла также к оседлости и занялась дворничеством, т.е. содержанием постоянных дворов для якутов, везших клади на прииски. В некоторых хозяйствах, наряду со скотоводством начали сеять ячмень. Значительная группа эвенков работала на приисках.

Вплоть до начала XX в. у тунгусоязычного населения сохранялись пережитки патриархально-родовых отношений. Правительство стремилось использовать распадавшиеся родовые связи, искусственно укрепляя их, т.к. в сознании самих тунгусов родовые отношения продолжали оставаться важными общественными связями. Территориальные перетасовки родов и дробление создавали предпосылки для объединения по территориальному принципу.

В обозреваемое время выделялись немногочисленные богачи. Так, в Майском ведомстве богатую верхушку составляли четыре тунгусских хозяйства, владевшие от 300 и до 1000 оленей. У остальной массы хозяйств олени стада насчитывали два-три десятка голов. Потерявшие оленей бедняки шли в батраки.

В изучаемое время значительная часть эвенов и эвенков усвоила русский язык. Участились случаи браков между русскими и тунгусами.

На северо-востоке Якутии ламуты смешивались с юкагирами. При этом местами ламутские роды объюкагивались, местами юкагиры ассимилировались ламутами. В Колымском округе многие эвены владели юкагирским языком.

Во второй половине XIX в. происходило дальнейшее сокращение численности юкагиров, уменьшалась и территория их обитания. По переписи 1897 г. их было 1550 человек. Они оставались на Колыме, по её притокам Ясачной и Киркодону, между Нижней Колымой и Индигиркой, на Нижней Яне. Марковские юкагиры в Анадыре жили осёдло, обрусели и обычно считались русскими. От эпидемии оспы и кори вымирали целые посёлки юкагиров. В. Г. Богораз писал по этому поводу следующее: «Когда я спускался вниз по р. Омолону в 1897 г...., мы прошли через целую цепь этих вымерших посёлков...и до самого устья Омолона, впадавшего в Колыму, не нашли человеческого обитания, кроме этих разрушенных селений, наполненных полуистлевшей утварью и старыми могилами и даже непогребёнными скелетами».

В обозреваемое время юкагиры делились на две группы. Одна из них – тундровые – были оленеводами, другая – верхнеколымские таёжные юкагиры – не имела оленей и занималась охотой и рыболовством. Весной

устраивали коллективные охотничьи облавы на дикого оленя. В них участвовало много семей и сеть для загона состояла из частей, представлявших собственность отдельных семей. Кроме ружей они продолжали применять своё древнее оружие – металлический дротик и болас – метательное оружие, состоящее из ремней с шарами на концах. Зимой лесные юкагиры жили осёдло в постоянных деревянных жилищах. С весны до зимы кочевали, занимаясь охотой и рыболовством. По-прежнему в хозяйстве применялись ездовые собаки.

В изучаемое время юкагиры жили территориальными группами, с сохранением многих черт общинно-родовых порядков. У лесных юкагиров брак оставался матрилокальным – муж переселялся в семью родителей жены. Причём жених и невеста свободно выбирали друг друга. Но наследование шло по отцовской линии. У тундровых брак был уже патрилокален.

Женщины продолжали занимать достаточно высокое положение в жизни юкагиров. В частности, они распределяли охотничью добычу. «На долю охотника оставалась слава, - писал в конце XIX в. В. И. Иохельсон, - и то лишь в той мере, в какой её определяли женщины. Женщины приносили голову убитого им лося или оленя и ставили его чум «впереди других». Верхнеколымские юкагиры устраивали общее собрание «лучших охотников и матерей».

В тундре, между Алазеей и Индигиркой, несмотря на обилие метисов, юкагиры не затруднялись в определении национальности: ориентиром, как и у евреев, служила национальная принадлежность матери.

Продолжала развиваться большая семья юкагиров в условиях матрилокального брака. Такая семья состояла из родителей и дочерей вместе с их мужьями и некоторыми родственниками последних.

До XX в. у них сохранялся интересный обычай, по которому члены одного семейства не должны были разговаривать между собой без особой нужды, исключая мужей и жён и женский пол в целом. Обрусевший анадырский юкагир А. Е. Дьячков писал по этому поводу следующее: «Не разговаривают свёкор с невесткою, деверь с невесткою, брат с братом, если оба женаты, и отец с сыном, если сын женатый. Если свекру нужно

что-нибудь сказать невестке, то он говорил это своей жене... Если в семье малые дети, то этих детей употребляют вместо толмачей...» По мнению В. А. Туголукова, «обычай неговорения» явился результатом двойных экзогамных запретов, существовавших у юкагиров вследствие их смешения с тунгусами.

Подобно тунгусам, у которых видимо переняли, юкагиры вели счёт лунных месяцев по суставам рук «через голову» от первых суставов пальцев правой руки и до первых суставов пальцев левой руки. Юкагирское обозначение года *нэмогил* означает «все суставы вместе».

Основу юкагирской системы счисления первоначально составляли два числа: 1 и 3, а остальные получались посредством манипулирования этими двумя. На рубеже XIX – XX столетий верхнеколымские юкагиры уже оперировали пятью цифрами: 1, 2, 3, 5, и 10. Но зато немало успехов они достигли в сфере медицины. По свидетельству В. А. Туголукова, юкагиры знали все кости скелета, положение всех внутренних органов, умели отличать артерии от вен. Чтобы определить причину смерти они анатомировали покойников. Знание анатомии обусловило практиковавшийся юкагирами способ лечения некоторых заболеваний путём надавливания пальцами на лоб между бровями, на грудь и на позвоночник.

Своё рисуночное письмо, получившее большое развитие во второй половине XIX в., среднеколымские юкагиры называли «письмо на коже дерева». Пиктографическое письмо юкагиров, по мнению исследователей, нужно рассматривать как зародыш иероглифической письменности. На это указывает стилизация некоторых устойчивых знаков-символов.

Юкагиры очень уважительно относились к своим покойным родственникам. Благодаря традиции давать потомкам имена предков укреплялась связь настоящего с прошлым и будущим, утверждалась преемственность, и жизнь каждого человека становилась как бы звеном в необразимо долгой цепи существования народа. Поэтому они не боялись мёртвых.

Чукчи, жившие в пределах Якутской области, в конце XIX и начале XX вв. распадались на три группы: чукчи Восточной тундры, кочевавшие между Колымой и Чауном, чукчи Западной или Большой тундры, занимавшие земли между Колымой и Алазеей и Тойновские чукчи, кочевав-

шие по правым притокам Омолона. В Якутии в конце XIX в. находилось около 2, 5 тыс. чукчей.

У индигирских, алазейских и большеанюйских чукчей имелись стада до 5 тыс. голов. У сухоанюйских – до 44 голов, хотя встречались стада в 2-3 тыс. голов. Все они снабжали мясом Средне-Колымск и Гижигинск. Оленеводы кочевали на расстоянии 150-200 км., передвигаясь в большинстве случаев по одной и той же территории.

По данным В. Богораза, в начале XX в. на Анюйскую ярмарку собиралось до 600-700 человек. Ярмарка давала ежегодный оборот в 200 – 250 тыс. руб., из которых две трети падали на оленных чукчей. Единицами обмена в торговле с русскими и якутами являлись папушка табака и плитка кирпичного чая. К их стоимости приравнивались остальные товары.

Стойбища по-прежнему служили основной экономической единицей. Они состояли из двух-трёх семей. Например, стойбище богатого оленевода состояло из семьи хозяина и из нескольких семей, обслуживающих хозяйство. Часто пастухами у богатого чукчи бывали тунгусы и ламуты. За сезон пастухи получали от хозяина, кроме мяса, несколько живых телят.

В изучаемое время русское правительство продолжало остерегаться обострять отношения с чукчами и не пыталось завинчивать здесь налоговый пресс, как оно делало это по отношению к другим народам Севера. В 1858 г. правительством был признан «главным начальником и владельцем чукотского народа» тойон А. Н. Амвраугин. Он принёс присягу в Якутске. Однако и после этого взнос ясака увеличился незначительно. В 1868 г. колымскому исправнику барону Майделю удалось установить обязательный ясак только с оленных якутских чукчей, перешедших в 60-х годах на запад Колымы.

Во второй половине XIX в. широко распространялось огнестрельное оружие (нарезные магазинные и специальные китобойные ружья). Это привело к исчезновению одних из оставшихся способов охоты и упрощению других.

В конце XIX в. вся чукотская территория была разделена на пять частей, и каждая из этих частей с её населением получила название «род». Несколько богатых оленеводов были назначены князцами этих «родов».

Но фактически они не имели никакой власти над своими «родовичами», т.к. базы для этого – родовая организация – не существовало. Но зато американские купцы начали использовать в своих интересах богатую верхушку чукчей. Чукотские «поворотчики» (торговые посредники) развозили американские товары по побережью и тундре. Американские товары появились на Анюйской ярмарке. С конца XIX в. американские фирмы начали вывозить живых оленей, чтобы завести оленеводческое хозяйство на Аляске.

В 1889 г. на Анадыре открывается специальный административный Мариинский пост. Поощряется развитие на Чукотке русской торговли, и русское купечество начинает успешно конкурировать с иностранцами.

Обращение чукчей в христианство имело место только вблизи русских посёлков – Анадыря, Нижне-Колымска. Но и здесь оно ограничивалось усвоением лишь некоторых простейших православных обычаев.

§ 6. Русское население Якутии во второй половине XIX – начале XX вв.

В обозреваемое время русские крестьяне составляли лишь 4% населения Якутской области. 93% крестьян жило в трёх южных округах. Остальная малочисленная группа русского населения жила, как отмечалось выше, в северных округах – Колымском и Верхоянском.

В южных округах наиболее многочисленны были ямщики. Аянские ямщики в связи с открытием судоходства по Амуру, а затем продажей Аляски в 1867 г., большей частью переселились на Амур. Оставшиеся образовали два селения – Петропавловское (в устье правого притока Алдана – р. Май) и Новопокровское (на р. Амге). В 1872 г. часть этих крестьян в 26 км от Якутска, на правом берегу Лены, образовали селение Павловское, прославившееся позднее своим огородничеством.

У ямщиков Ленского тракта ямской промысел был главным занятием. Хлебопашество имело небольшие размеры. В среднем в год каждая семья от ямского промысла зарабатывала от 90 до 140 руб. Тем не менее во второй половине XIX в. у них хлебопашество увеличивается в связи с развитием золотодобычи на Ленских приисках.

Земледелие по уровню выше стояло у пашенных крестьян Амгинской и Олёкминской деревень (182 хозяйства). Например, в 1894 г. валовый сбор хлеба в этих селениях составил половину сбора хлеба всех 43 трактовых ямских селений. Валовый сбор хлеба на каждого жителя у ямщиков составлял 14 пудов, в то время как у пашенных – 34 пуда.

В 70-80-е годы значительное место в хлебопашестве Якутии стали занимать ссыльные поселенцы – сектанты («скопцы»). Первые партии сектантов в количестве 595 человек прибыли в область в 1861 г. и поселились близ Олёкминска (селения Спасское и Троицкое) и Якутска (с. Марха). Они освобождались от содержания ссыльных. Земельные наделы их были гораздо больше, чем у пашенных крестьян и ямщиков. Близость рынка для сбыта земледельческих продуктов, удобная земля и имевшиеся у многих свободные капиталы – всё это способствовало росту товарности хозяйств сектантов. Богатые из них арендовали у наслогов обширные лесные массивы сроком на 40 лет с уплатой сразу всех арендных денег. Затраты на расчистку окупались последующим урожаем. Например, мархинские скопцы в первые 12 лет расчистили 896 дес. земли и создали земледелие торгово-предпринимательского типа. Они специализировались на производстве яровой ржи и пшеницы на рынок. Урожайность их полей в полтора-два раза превышала урожайность в селениях Ленского тракта. Применяли наёмный труд, сельскохозяйственные машины и некоторые передовые методы земледелия (удобрение полей, задержание влаги, улучшение семян путём отбора, выделение семенных участков). Ф. Кон в своих «Намских письмах» в 1890-х гг. писал о Мархинском селении следующее: «Видные красивые дома, мельницы паровые, конные, ветряные. Это селение по красоте и зажиточности построек превосходит многие даже сибирские деревни».

В конце 80-х гг. сбор хлеба в шести сектантских селениях Якутского округа составлял третью часть сбора хлеба всех русских земледельцев округа. В Олёкминском округе скопцы своим батракам за год работы платили свыше 100 руб., в связи с увеличением сбыта своей товарной продукции.

В начале 80-х гг. резко выросли посевы картофеля. Главным его поставщиком становится Олёкминский округ. Посевы картофеля у русских

крестьян Якутского и Олёкминского округов составили тогда около 60 тыс. соток, а сбор в среднем 300 тыс. пуд. картофеля. На каждого жителя русских деревень собирали, таким образом, по 20-40 пуд. картофеля. Многие крестьяне и сектанты занимались торговым огородничеством, приносящий доход неменьший, чем от полеводства.

Частые засухи вынуждали олёкминских крестьян устраивать орошение. В конце века в этом округе было около 1000 дес. поливной запашки и сенокосов.

Жители городов Якутской области в большинстве своём в изучаемое время оставались русскими. Значительная их часть давно превратилась в старожилов. Живя в окружении местного населения и находясь с ним в постоянном общении, они переняли его язык, многие обычаи и нравы. Русское население Олёкминска и Виллюйска совсем обьякутилось. Жители Виллюйска, например, по свидетельству Н. Г. Чернышевского, «или совсем забыли русский язык, или, меньшинство из них, говорят по-русски плохо, и то лишь с посторонними, а в своих семействах исключительно по-якутски». Аналогичную характеристику давали и жителям Верхоянска. Среднеколымские русские хотя все говорили по-русски, но знали якутский язык лучше, чем родной, большинство их, как писал П. Робков, «думает на якутском языке и сплошь и рядом предпочитает говорить между собой на нём». Русские горожане всё больше теряли и чистоту своего антропологического типа в результате смешанных типов с аборигенами Якутии.

Верхоянское окружное правление в 1856 г. сообщало в Якутск о занятиях мещан низов Яны и Индигирки, приписанных к Верхоянску, о том, что они имеют оленей и собак, охотятся на диких оленей, пушных зверей, промышляют рыб, птиц и занимаются добычей мамонтовых клыков. Пойманную весной и летом рыбу использовали немедленно. Часть шла на приготовление зимнего запаса: женщины и дети делали из неё юколу, часть рыбы, особенно сельдь, зарывали в ямы для прикорма собак зимой. С сентября по ноябрь и с марта по май занимались подлёдным ловом. Сезонный характер носила охота на диких оленей, гусей, лебедей и уток. В сезон линьки беспомощную дичь били десятками тысяч. Собирали ягоды и грибы.

Мещане эпизодически промышляли белого медведя и нерпу. Жители Верхнеколымска и Среднеколымска также знали все эти виды занятий тундровиков. Однако в отличие от тундровых «горожан», они, по образцу якутов, занимались, также скотоводством и держали немного коров и лошадей.

Основным занятием русского населения г. Вилюйска было скотоводство, хотя также занимались и огородничеством и хлебопашеством. В 1859 г. на душу городского населения приходилось в среднем по 3 головы рогатого скота и лошадей.

Города выступали центром торговли. Именно в них жили купцы. Например, в 1852 г. в Олёкминске при 229 жителях было 12 купцов, которые торговали на гостином дворе с 11 лавками. Купцы, даже гильдейские, были во всех северных городах Якутской области. Н. Г. Чернышевский писал, что вилюйские купцы ведут торговлю собственно только для якутов.

Как отмечалось выше, приезжие в XVIII – XIX вв. непременно поражались сильному влиянию якутской культуры на жителей г. Якутска, этого главного политического и культурного центра всего северо-востока Азии в указанное время. Многие русские горожане даже своих детей с рождения отдавали кормилицам – якуткам, нередко в улусы. Последние ухаживали за ними 2-3 года и потом возвращали родителям детей. Знатные дамы любили щеголять в якутских нарядах. Горожане увлекались якутскими празднествами. Основным языком общения был якутский. По свидетельству Ф. П. Врангеля, «даже в высшем кругу общества» было принято говорить по-якутски. «Это обстоятельство, - писал он, - крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обеде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почтеннейшего духовенства, чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так испещрена фразами из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе слабое участие».

Во второй половине XIX в., особенно с 70-х гг., с началом наплыва ссыльных и усилением связи с центрами России, влияние русской культу-

ры и языка на население г. Якутска увеличивается, оно начинает постепенно освобождаться от якутского влияния.

В периодической печати Сибири широко освещалось состояние русского населения Сибири. Так, в 1880-х гг. газета «Восточное обозрение» напечатала серию очерков о русских поселениях Якутии. Так, в частности отмечалось, что в Вилюйске места рыбной ловли принадлежат казакам. Казачки готовили разные рыбные блюда, даже рыбное тесто. В «Вечёрках» единственный казак, музыкант с одним единственным инструментом – бубном начинает праздник. Под этот бубен музыкант и гости поют песни. Между мужчинами иногда идёт разговор и на русском, а дамы преимущественно говорят на якутском... Иногда дамы споют русскую песню, на якутском языке. На святках ходят в масках и якутских женских шубах, украшенных серебром... Самые большие здания – вилюйская тюрьма и двухэтажная церковь. На святках ставят на дровни лодку и катаются на тройке с водкой, угощениями».

В очерке «Якутские казаки», напечатанном в № 14 «Восточного обозрения» за 1885 г., автор, выступивший под псевдонимом «Улусник», писал, что казак по-русски едва склеит 2-3 фразы и при том «каким-то отчаянно варварским наречением»... «лукав, груб, труслив, вынослив, жаден как якут... Казаки мало занимаются земледелием и живут очень бедно. Самыми богатыми из них считаются вилюйские казаки».

§ 7. Усиление ссылки

К числу русского и русскоязычного населения Якутской области относились и ссыльные. Кроме русских, основного состава ссыльных, в Якутию отправлялись украинцы, поляки, евреи, тюркоязычные башкиры, татары и, в небольшом количестве, народы Кавказа.

После польского национально-освободительного восстания в 1863 г. в Сибирь ссылались тысячи участников этого движения. Из них небольшая группа попадает и в Якутскую область. Ссыльных этой категории в официальных документах того времени именовали политическими преступниками. По данным М. А. Кротова, в 1869 г. к Якутскому округу было

приписано 140 поляков, в 1881 г. по всей области их числилось 95 человек. П. А. Казарян установил факт пребывания в якутской ссылке 155 польских повстанцев. Среди них были Ян Франковский, один из основателей тайной повстанческой организации «Комитет движения», Фаддел Росиновский, командир вооружённого отряда, другие активные деятели освободительной борьбы – Юлиан Вырембовский, Иосафат Огрызко. Последний был поселён в Вилуйском тюремном замке. Большинство ссыльных поляков относилось к категории рядовых повстанцев, представителей низов. Их расселяли по одному человеку в наслег на территории Борогонского, Батурусского, Восточно-Кангаласского и Намского улусов. Казённое пособие выдавалось лишь единовременно. Материальную помощь оказывали якутские наследные общества.

В 1869 г. из 140 ссыльных поляков, сосланных в Якутскую область, в золотодобывающих приисках работало 37 человек. Небольшая часть поляков занималась сельским хозяйством. Некоторые из них создавали довольно крупные хозяйства комплексного типа (например Витковский на Амге).

Имена А. Л. Чекановского, С. И. Венгловского и И. Д. Черского связаны с историей геолого-географического изучения севера и северо-востока Якутии.

После польских повстанцев в якутскую ссылку отбывали участники покушения Каракозова на Александра II (1866 г.) – И. Худяков, Н. Странден, П. Юрасов, В. Шаганов, Н. Ермолов и М. Загибалов.

После отбывания срока каторжных работ в Забайкалье в Вилуйском тюремном замке поселили великого русского революционера-демократа, мыслителя Н. Г. Чернышевского. Здесь он провёл почти 12 лет: с 1872 по 1883 г.

Освобождение Н. Г. Чернышевского последовало в 1883 г. после 20-летнего пребывания в крепости, на каторге и в Вилуйской тюрьме он был вывезен из Вилуйска и прожил на родине в Саратове недолго – в 1889 г. он умер. «Великий мыслитель, - писал по этому поводу Ф. Энгельс, - которому Россия бесконечно обязана столь многим и его медленное убийст-

во долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

В 1873 – 1874 гг. в России после провала революционного народнического движения было арестовано около 2 тыс. революционеров-разночинцев. После суда многие из них попали в Якутскую область. Как было установлено М. А. Кротовым, здесь отбывали ссылку 298 народников и народовольцев. Из них примерно более 50% имели высшее и среднее образование, около 30 % являлись дворянами. Партийный состав ссылки меняется с 1890-х гг., когда в Якутию начали прибывать представители социал-демократического рабочего движения.

Ссылка в Якутию особенно усиливается в 1878 г., когда царское правительство утвердило специальное «Положение», узаконившее массовую административную высылку революционеров под надзор полиции в Восточную Сибирь. А в 1882 г. последовало распоряжение о поселении в Якутскую область государственных преступников каторжного разряда, отбывавших срок наказания в Каторжной тюрьме в Забайкалье. В 1886 г. узаконивается административная ссылка революционеров-евреев преимущественно в самые отдалённые округа Якутской области – Верхоянский и Среднеколымский.

После «Процесса 50-ти» (1877 г.) здесь отбывал ссылку видный представитель революционного движения московский рабочий – Ткач Петр Алексеевич, затем петербургские рабочие-революционеры – Д. Александров, Д. Герасимов, В. Павлов, представители народнического движения. К числу известных представителей «хождения в народ» относились П. И. Вайнаральский, Е. Ф. Ковалик, Я. Степанович, создатели организации «Земля и воля» М. Натансон, О. Аптекман и многие другие.

В числе первых русских социал-демократов, марксистов в якутской ссылке на рубеже XIX - XX вв. были Б. Л. Эйдельман, М. И. Брунев, С. И. Мицкевич, М. Лурье, Ю. Стеклов и др.

Большинство ссыльных, особенно на первых порах, находилось в тяжелых материальных и бытовых условиях. Немало их преждевременно сошло в могилу, многие страдали психическими расстройствами. Пытались бежать, но безуспешно.

В 1889 г. в Якутске в марте разыгралась «монастырская» трагедия. Предназначенные для отправки на северные округа политссыльные отказались от выезда и оказали сопротивление властям. Потеряв 5 человек убитыми и 10 ранеными, ссыльные сдались. В мае военная комиссия из Иркутска приговорила Н. Зотова, А. Гаусмана и Л. Коган-Бернштейна к смертной казни через повешение, 23 других – к каторжным работам на разные сроки и двоих – к лишению прав и ссылке в отдалённые места Якутской области. Казнь состоялась 7 августа. В декабре приговорённых к каторге отправили в Вилуйскую тюрьму, переименовав её в каторжную, затем через 2, 5 года их перевели в одну из каторжных тюрем Забайкалья.

Политссыльные иногда создавали небольшие школы. Учителем занимались Я. Белый, В. Г. Короленко, М. Поляков, В. Богораз, И. Шеловский, П. И. Грабовский, М. Шебалин, А. Ключев, В. Зубилов и др. Ссыльные медики оказывали помощь больным. В частности, С. И. Мицкевич в Средне-Колымске занял должность окружного врача, а в Намском улусе – А. Симсович, в Олёкминске – доктор Э. А. Абрамович. Все они являлись по партийной принадлежности социал-демократами.

Как отметил М. А. Кротов, «в лице политических ссыльных Якутия получила значительный отряд передовых, образованных людей, охотно отдававших свои силы и знания изучению Якутского края». Не менее 75 человек, начиная с 70-х гг., занималось научной деятельностью. Ф. Кон, польский социалист, впоследствии коммунист, писал по этому поводу следующее: «Большинство начинало либо с составления жалоб от имени якутов, либо с изобличающих корреспонденций. И только потом, поражённые своеобразными формами жизни якутов, своеобразными отношениями, верованиями этих «православных», сочетающих христианство с шаманизмом, ссыльные переходили к более глубокому изучению и страны и её обитателей. А так как это изучение проводилось стационарно, изо дня в день, то вполне естественно, что дилетанты – ссыльные могли дать гораздо более, чем заправские учёные, приезжающие ненадолго, записывающие в дневники то, что им удалось заметить, но не имеющих времени изучить условия, вызывающие записываемые ими явления». По подсчётам М. Кротова, политссыльные 80-90-х гг. дали в общей сложности более 300

печатных книг, брошюр и журнальных статей, преимущественно в области гуманитарных наук.

В народническом движении принял участие К. Г. Неустроев, сын русского чиновника, женатого на якутке. Выпускник Петербургского университета, он в 1881 г. с дипломом кандидата естественных наук начал работать в Иркутске учителем прогимназии. Здесь он образовал народовольческий кружок, в октябре 1882 г. его арестовали. Когда 26 октября 1883 г. тюрьму посещал генерал-губернатор Анучин и, явившись в камеру Неустроева, стал укорять его за «неблагонадёжность». Неустроев ударил его по лицу. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни, приведённой в исполнение 9 ноября 1883 г. «Я был простой работник, - писал он в ночь перед казнью - но не изменил святыне знамени. Я верю ему, знаю – победоносно водрузится оно». Так с достоинством, мужественно погиб первый якут-революционер.

Этим убийством были возмущены все слои населения г. Иркутска. В связи с этим к могиле Неустроева был приставлен казачий караул на две недели. Молодёжь города собралась на 9-й день смерти служить панихиду по Неустроеву. Даже в январе 1884 г. по почте рассылались фотокарточки К. Г. Неустроева с надписью "«просим отслужить панихиду за упокой души Константина, мученика за правду, павшего от рук злодеев 9 ноября 1883 года». Общественное возбуждение было настолько сильным, что генерал-губернатор Анучин подал прошение об отставке и вскоре покинул Иркутск.

Среди ссылаемых в Якутскую область категорий населения Российской империи особое место принадлежало евреям. По данным Л. Даниловой, первым евреем, сосланным в Якутию, был первый генерал-полицмейстер Петербурга, зять А. Д. Меншикова, граф А. М. Девиер (крещёный еврей). Он жил в Жиганске 12 лет – с 1727 г. по 1739 г. После окончания ссылки вернулся в Петербург.

Затем 15 еврейских семей прибыли в Якутск в 1828 г., а в 1862 г. – около 20, в 1877 – 26 семей, в основном из Польши. В 1860-70-х гг. в Якутскую область прибывает большое число политссыльных евреев. Они примерно составили 30% от общего числа политссыльных. В 1879 г.

в г. Якутске проживало евреев обоего пола 270 человек, в Якутском округе – 122, в Олёкминском округе – 58, Вилюйском – 4, Верхоянске – 1, Среднеколымске – 3.

История еврейской общины в Якутии начинается со второй половины XIX в., когда здесь появилось значительное количество евреев. Хотя процент евреев среди якутских политссыльных был значителен, только единицы из них влились в еврейскую общину. Административным порядком в Якутию отправляли не только революционеров, но и, в связи с усилением антисемитской государственной политики, сотни евреев за мелкие уголовные преступления. Поэтому многих ссыльных евреев даже не лишали гражданских прав. Но, тем не менее, как отмечал А. Г. Гройсман, ссылали их на «всегдашнее поселение». Их распределяли по улусам и запрещали покидать наслеги, куда они были причислены, мотивируя это «Законом о черте осёдлости». Для еврейских мальчиков, если им ко времени прибытия в Якутию было больше пяти лет, по достижении совершеннолетия обязательным был отъезд на родину отца.

Евреям, многие из которых занимались торговлей, выдавалось временное разрешение на отлучку, по которым жили годами в Якутске и постепенно большинство евреев из наслегов перебралось в город.

В семье ссыльнопоселенца в 1906 г. в Нижне-Колымске родился будущий израильский поэт Александр Пэнн, один из создателей первой в Израиле киностудии.

В 1897 г. в Вилюйском округе жило 50 евреев, а 1903 г. – 66 человек. Среди них медиками работали А. Г. Шафир, М. Юделевская, Л. М. Пурвер, М. П. Войцехович.

Много евреев проживало в Олёкминском округе. В 1893 г. на золотых приисках Витимской системы проживало 36 еврейских семей. Свой прииск на Олекме имел Абрам Славин. Среди олёкминских евреев было много фельдшеров и врачей.

Таким образом, определённую категорию ссыльных евреев составляли политссыльные. Это были молодые образованные люди, большей частью студенты. Они работали врачами, учителями, занимались исследовательской работой. С местным населением, включая местных евреев, они почти

не смешивались, и после отбытия наказания уезжали из Якутии. Вторая категория евреев – уголовно-ссылные. Это были в основном среднего возраста люди. В ссылку они прибывали с женами и детьми. Из них формировалось оседлое еврейское население Якутии. «Для них, - как отмечал в своей книге А. Гройсман, - религия была главным цементирующим элементом для еврейской диаспоры. Она определяла правила поведения, нравственные законы, уважение к книге, знаниям».

В г. Якутске со временем была построена синагога, а на западной окраине города образовалось иудейское кладбище. Возникла община, которая выписывала раввинов из западных окраин империи. Поэтому евреи из наслегов стремились в Якутск. Южный темперамент и творческая натура евреев помогали постепенно перебираться из наслезных закоулков в город, а из ссылных – в крестьяне, мещане и купцы. В начале XX в. большинство евреев проживало в Якутске, вливаясь в еврейскую общину.

Уголовная ссылка была не только обременительной для местного населения, но и не безопасной угрожающей местному спокойствию. В начале 1880-х гг. в Якутской области количество ссылных разных категорий превышало 4600 человек. Только на содержание одного поселенца якутский наслег в месяц тратил 2 пуда хлеба, 1 пуд мяса, масло. Кроме того, его надо было одевать и обувать.

Молодые ссылные по прибытии на место поселения, изъявляли желание отправиться на приисковые работы. Наслег собирал им на одежду, на продукты и другие расходы, для предстоящего пути на каждого тратя не менее 20-30 руб., но часть их проживала эти деньги в г. Якутске, и пойманные там за проступки, высылались обратно в приписанный наслег. А те, которые достигали приисков, через год или два снова возвращались в свои общества, без денег и одежды. Прожив какое-то время на средства наслеза, снова с его помощью возвращались на прииски.

В области из года в год возрастало число преступлений. Например, в одном только 1872 г. было совершено 319 преступлений. Из них кражи - до 58 случаев, 63 случая убийства. Большинство из этих преступлений совершалось ссылными уголовниками. Кроме того, часто случались случаи изнасилований, по присущему чувству стыдливости и позора скры-

ваемые якутками. Это положение усугублялось ещё и тем, что якуты продолжали жить хуторами. Поэтому отдельные хозяйства находились друг от друга на расстоянии от 2 до 20 км. Пользуясь этим положением уголовные поселенцы во многих случаях терроризировали отдельные семьи.

Тяжёлые последствия уголовной ссылки для местного населения становились очевидными и для высших чиновников, ответственных за область. В частности, губернатор И. И. Крафт в своей записке на имя П. А. Столыпина «О ближайших задачах русской колонизации в Якутской области» в 1906 г. писал, что он находит порядок карательно-исправительного содержания уголовных ссыльных в Якутии незаконным и жестоким как для ссыльных, так и для якутов, и ходатайствовал об освобождении местного населения от натуральной повинности по содержанию уголовных бродяг.

§ 8. Культура, просвещение и научные исследования во второй половине XIX в.

Во второй половине XIX в. православное христианство начинает заметно влиять на мировоззрение, образ жизни местного населения. В конце столетия в Якутии функционировали свыше 300 церквей с тысячами тремястами служителей культа различного звания. Крепко утвердились в якутской жизни такие православные обряды, как крещение, венчание, причастие, хотя пост почти не соблюдался. При крещении якутские дети получали христианские имена. Фамилии почти повсеместно стали русскими. Одновременно у якутов сохранялись свои национальные имена-прозвища.

Духовенство боролось с остатками язычества. Шаманов преследовали: стригли длинные волосы, уничтожали их атрибуты, налагали на них церковные покаяния. Тем не менее, услугами даровитых шаманов продолжали пользоваться почти все слои местного населения.

Продолжалось издание духовных книг на якутском языке. Первым переводчиком церковных книг на якутский язык был Иннокентий Вениаминов, переводивший «Катехизис». Создавался круг читателей из якутов. Духовенством были составлены первые буквари и самоучители для

«инородческого» населения. Так, архиепископ Дионисий (Д. Хитров) в 1858 г. в Москве издал «Грамматику якутского языка». Предыстория появления этого труда была следующая. В 1841 г. Д. Хитров, выпускник Рязанской духовной семинарии, был рукоположен знаменитым Иннокентием Вениаминовым, будущим митрополитом Московским и Коломенским, священником Градо-Якутской Преображенской церкви. Он же благословил Д. Хитрова на то, чтобы он употребил все свои знания и старания на перевод священных книг на якутский язык. Спустя ряд лет, когда он был возведён Св. Синодом в сан миссионера и стал уже благочинным г. Якутска, архиепископ Иннокентий Вениаминов назначил его председателем вновь созданного Комитета перевода церковной литературы. К тому времени Дмитрий Хитров службу всюду вёл на якутском языке и, как пишет Е. Шишигин, «завоевал любовь и уважение местного населения».

В предисловии к «Краткой грамматике якутского языка» Д. Хитров, обоснуя необходимость перевода священных книг на якутский язык писал, что все народы Якутской области знают его и широко пользуются им в жизни. «Вы услышите якутский язык, - отметил он, - и на притоках Амура...и по всему берегу Ледовитого моря...и далее, почти до устья Енисея. В городах и сёлах дети русских выучиваются говорить сперва по-якутски, а потом уже кое-как начинают лепетать по-русски...Прошло более 200 лет как Якутская область покорена русскому престолу, а якутский язык, несмотря на такую общеупотребляемость в живой речи, по сию пору не имел грамотности». Следует отметить, что к этому времени, а именно в 1851 г., была издана в Петербурге крупная монография акад. О. Бетлингка «О языке якутов» на немецком языке, и Д. Хитров использовал её при подготовке своей книги.

В 1859 г. Д. Хитров привёз из Москвы отпечатанные к тому времени в синодальной типографии книги. Как отмечает Е. Шишигин, это «дало возможность архиепископу И. Вениаминову исполнить своё давнее желание – совершить торжественную литургию на якутском языке». Сам И. Вениаминов по этому поводу оставил следующую запись: «Предполагается по отправлении торжественного молебна на якутском языке первый раз дозволить с этого времени по якутским церквам отпра-

лять службы вместо славянского на якутском языке. Следовательно, нынешний год для Якутского края будет весьма замечателен, и в истории якутов должен составить эпоху».

В 1868 г. Д. Хитров получил имя Дионисия, стал епископом Якутским, а после открытия самостоятельной епархии в Якутской области 12 января 1870 г. – епископом Якутским и Вилуйским, и на этом высоком посту преосвященный Дионисий находился до 1883 г., до его выезда в г. Уфу.

В последующий период время от времени церковь продолжала издавать переводы священных книг на якутском языке. Из них наиболее известными переводными сочинениями являлись опубликованные уже в начале XX в. книги – «Апостольские чтения» (1902 г.), «Как следует верить, жить и молиться» (1904 г.)

К концу обозреваемого периода в Якутии появились первые священнослужители из якутской среды. Среди них были и иеромонахи, получившие образование в Казанской Духовной академии.

Оформление местных церквей производили самодеятельные талантливые художники из якутов. На этом поприще особенно прославился И. И. Сивцев (Мытыйыкы). Он родился в 1870 г. в сыланском наслеге Батурусского улуса. 16-летнему Иннокентию Сивцеву епископ дал личное разрешение заниматься «копийным иконописанием». «В работах Мытыйыкы, замечает И. А. Потапов, - интересной является попытка передать при изображении «святых ликов» особенности местного этнического типа». И. Сивцев оформил иконостасы многих церквей, построенных на правобережных улусах. По его архитектурным проектам строились мельницы, церкви. Он также был прекрасным художником-чеканщиком.

Были и другие талантливые самоучки. Среди них – Анастас Бурнашов, о котором было упомянуто выше. Он выполнил скульптурное оформление святых для Борогонской церкви. А Пётр Заболоцкий (Тыргыыс) написал иконостас дюпсинской Вознесенской церкви.

Во второй половине XIX в. образование в Якутской области развивалось весьма медленно. По данным на 1863 г., в городах Якутии было всего несколько школ, находившихся в ведении разных ведомостей. В училищах Министерства Народного просвещения обучались 226 учащихся, в учили-

В 1869 г. открывается мужская классическая прогимназия. В 1890 г. она была реорганизована в реальное училище. За годы существования прогимназии в ней ежегодно обучались в среднем 108 учащихся. Но окончили полный курс обучения только 32 человека, в том числе только один якут – Е. Николаев.

Большим событием становится открытие в 1882 г. Якутской женской прогимназии, впоследствии реорганизованная в женскую гимназию.

В 1870-х гг. начали работать и улусные начальные училища: Баягантайское (1870 г.), Амгинское, Верхоянское, Колымское, Западно- и Восточно-Кангаласское (1874 г.), Борогонское, Батурусское, Намское (1872 г.), Вилуйское, Мархинское, Сунтарское (1874 г.), Верхневилуйское (1876 г.) и др. В них с 1879 по 1892 гг. было принято 1040 учащихся, в том числе 698 детей якутов. Окончило полный курс начального образования 336 человек.

В 1895 г. в области существовали 13 министерских начальных училищ, в то время как церковно-приходских школ было 33, а школы грамоты при церквях – 24.

По итогам переписи 1897 г., грамотность якутов равнялась 0,7%, у эвенков Якутии – 0,1% грамотных. Среди юкагиров и ламутов, по итогам переписи, не оказалось ни одного грамотного, а у чукчей было зарегистрировано только четыре грамотных.

Администрация искала формы распространения элементарной грамотности среди взрослого населения г. Якутска. Результатом этого было открытие воскресных школ. В 1860 г. в Якутске была создана первая воскресная школа. В ней обучались ремесленники и мелкие торговцы. Преподавателями были воспитанники Якутской духовной семинарии.

В начале 70-х гг. директор Якутской мужской прогимназии П. П. Гадзяцкий составил «Лестничку», по которой якутские дети в улусных школах обучались русскому языку. Подобное пособие им было составлено также по арифметике. В 1895 г. в Казани был издан «Первоначальный

учебник русского языка для якутов», и через 5 лет там же переиздан. Это были первые учебные пособия для якутских школ.

Среди учителей-саха были хорошо подготовленные специалисты. К ним относились В. Г. Монастырёв (1851 - 1914), Д. Д. Сивцев (один из первых методистов), Г. П. Фомин, являвшиеся выпускниками Иркутской учительской семинарии.

Большое значение для культурного развития жителей Якутской области имела культурно-просветительская и педагогическая деятельность политических ссыльных. Возникали, как отмечалось выше, школы, созданные ими. Это – школы каракозовцев; амгинские школы В. Г. Короленко и Н. А. Надеева; школы И. Т. Цыценко, Л. Г. Левенталя, П. А. Грабовского и колымских ссыльных; школы В. М. Ионова; школа повышенного типа П. П. Подбельского.

В 1891 г. политссыльными был создан Якутский музей. В 1898 г. при их активном участии основана бесплатная библиотека-читальня. Такие библиотеки затем появились в Виллюйске, Олёкме.

С 1860-х гг. начинает развиваться местная печать, ставшая большим событием в культурной жизни области. С 1863 г. в Якутске издавались «Памятные книжки Якутской области», в которых печатались справочные, статистические сведения, научные статьи. Всего вышло восемь книг за 1863, 1867, 1871, 1891, 1896 годы. С 1887 г. стали выходить «Епархиальные ведомости», орган богослужебного культа. А с 1892 г. издавалась газета «Якутские областные ведомости».

В Якутской областной типографии с 1861 г. (т.е. с момента её организации) до начала XX в. были изданы на якутском языке 34 книги, в основном, духовного содержания. Большая часть их была подготовлена к печати переводческой православной комиссией.

В неудовлетворительном состоянии находилось здравоохранение. Так, в начале 1860-х врачебный персонал области состоял из областного медицинского инспектора, ветеринарного врача, городского врача, пяти окружных лекарей. Амбулаторный приём был возможен лишь в окружных центрах. Первая больница в Якутске была открыта в 1843 г. Заболеваемость и

страдало от эпидемических болезней. Так, в 70-х годах в Якутии свирепствовала оспа, от которой умирало большинство заболевших. Были созданы оспенные комитеты. В 1880-х гг. в окружных центрах открываются больницы. В эти годы в области работали такие самоотверженные врачи, как А. Бриллиантов, Я. Белый, И. Петухов.

Время распространения проказы в Якутии не известно, но она вызывала у людей трепетный страх. Подозреваемых в проказе людей удаляли в выселки, где им строили жилища и туда в определённое время доставляли пищу. Известны были два очага распространения этой болезни: верховья Колымы и низовья Вилюя.

В 90-х годах XIX в. недалеко от окружного города Вилюйска для больных проказой была организована специальная колония – лепрозорий. В организации лепрозория деятельное участие принимала английская миссионерка мисс Кэт Марсден. Узнав, частью от миссионеров, частью из книг о том, что якуты обладают секретом излечения проказы, решила отправиться в Якутскую область. В Тбилиси ей подтвердили, что якуты лечат этот страшный недуг травами. К. Марсден, проезжая через Уфу, имела возможность беседовать с епископом Дионисием, который более 40 лет был миссионером и священником в Якутии и на Камчатке. Дионисий сообщил её, что инородцы считают болезнь излечимой. Он, мол, лично знал одного человека, который был вылечен травой. И эту траву называют кучукта. Епископ снабдил путешественницу письмом к одному священнику, чтобы он раздобыл для неё запас этой травы. То же самое подтвердил К. Марсден в Тобольске бывший якутский врач, доктор Гуль. Но тем не менее она здесь, в Якутской области не смогла найти эту легендарную траву, хотя и провела целое лето, большую часть которого она проездила по Вилюйскому округу для организации лепрозория.

В августе 1897 г. было издано постановление об образовании в Якутии 10 сельских врачебных участков. Но они строились медленно. Тем не менее, в 1903 г. в области работали семь больниц, 10 фельдшерских пунктов и 17 врачей. В одном только 1900 г. было сделано 10393 удачных прививок оспы. В декабре 1897 г. был созван первый съезд врачей Якутии,

длившийся 11 дней. В 1899 г. прошёл второй съезд врачей. В 1898 г. в Якутске открылась бесплатная лечебница общества Красного Креста.

Во второй половине XIX в. продолжалось научное изучение Якутии и всего северо-востока Азии. Так, в 1882 – 1887 гг. работала Ленская экспедиция Русского Географического Общества, руководимая А. А. Бунге. Он же, вместе с Э. В. Толлем, в 1885 – 1886 гг., возглавил экспедицию Академии наук по изучению Новосибирских островов. В 1891 – 1892 гг. продолжалась работа академической экспедиции по исследованию Колымы, Верхоянья, под руководством И. О. Черского. Во время экспедиции от воспаления лёгких умер сам Черский, и работы были свёрнуты. Но его вклад в геологическую науку был активно использован в последующее время. Имя И. Д. Черского было присвоено открытой им горной системе на северо-востоке Якутии.

В геологическое изучение Якутии известный вклад внёс и другой польский ссыльный, геолог А. Л. Чекановский. Его имя носит хребет к западу от устья Лены.

Золотые россыпи Витимо-Олёкминской горной системы были изучены В. А. Обручевым (1890-1891 гг.). А геологические исследования И. Д. Черского продолжил в 1893 г. Э. В. Толль, он же возглавил Русскую полярную экспедицию на шхуне «Заря». В начале XX в., для поиска загадочной «земли Санникова». Во время этой экспедиции Толль и несколько его сотрудников с двумя проводниками-якутами, погибли при неизвестных обстоятельствах. Две спасательные партии – морская и сухопутная, снаряжённые Академией наук в 1903 г., тщательно обследовали районы новосибирских островов и морское побережье от Хатанги до Колымы. В январе 1904 г. комиссия АН на русском, английском, французском, немецком и шведском языках опубликовала объявление о назначении премии за отыскание всей партии Толля или её части. Несмотря на все эти меры, нигде следов Толля и его спутников не обнаружили.

Э. В. Толль внёс выдающийся вклад в науку, и как писал по этому поводу С. Е. Мостахов: «...он вписал множество «букв и знаков», чтобы разгадать тайны огромной и труднодоступной Арктики». Материалы трёх

полярных экспедиций Толля составили семь томов, изданных Академией наук. Его имя носят семь географических объектов на карте Якутии.

Во второй половине XIX в. в изучение Сибири включаются и местные научные учреждения, которые координировали исследовательскую и краеведческую работу. Первым таким учреждением стал открытый 1 декабря 1851 г. в Иркутске Сибирский отдел Русского Географического Общества (СОРГО).

В 1852 г. геолог Н. Г. Метлицкий и учитель естествознания Иркутской гимназии Р. К. Маак представил СОРГО проект экспедиции для исследования Вилюйского округа Якутской области. "Уже давно носились слухи, - писал Маак, - или лучше сказать, предположения, что Вилюйский округ богат железными, соляными залежами и драгоценными камнями, а реки его изобилуют золотыми россыпями. Вот это-то, главным образом, и было побудительной причиной снарядить экспедицию для ознакомления с этим столь малоизученным округом».

Проект Метлицкого и Маака был одобрен, на Р. К. Маака было возложено руководство этой экспедицией. Они завершили свою работу в 1855 г. Материалы Вилюйской экспедиции (1854-1855 гг.) обрабатывались в течение 30 лет. Третья (последняя) часть описания её научных результатов под названием «Вилюйский округ Якутской области» вышла уже после смерти исследователя, в 1887 г. Она была посвящена истории и этнографии края.

Р. К. Маак был первым исследователем природы центральной части Восточной Сибири. Дал первое подробное описание геологии и географии этого региона, внёс ясность в геологическое строение бассейна Вилюя, дал описание выходов бурых железняков на правом берегу Вилюя в 30 км ниже устья Мархи, и первым описал гидрографию Вилюя и низовьев Оленька.

На рубеже XIX – XX вв. проводились исследования вилюйских соляных копей, проводились поиски торговых путей из Якутска в Охотское море, на Амур.

Этнографическое изучение населения Якутии проводилось, в основ-

«Краткое описание Верхоянского округа» (1969 г.). В. Л. Серошевский, проведший в ссылке 12 лет, опубликовал в 1896 г. крупную монографию «Якуты», фактически первую этнографическую работу, посвящённую одному конкретному народу Сибири. В. Ф. Трощанский написал две крупные работы: «Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов» (1902 г.), «Наброски о якутах Якутского округа» (1911 г.).

Комплексное этнографическое исследование якутов и других народов Якутии провели участники Якутской (Сибиряковской) экспедиции в 1894 – 1896 гг., организованной Восточно-Сибирским отделом РГО. В нём приняли участие ссыльные народники – В. М. Ионов, С. Ф. Ковалик, И. И. Майнов, Н. А. Виташевский, В. В. Ливадин, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский, В. Е. Горинович, Л. Г. Левенталь, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, Ф. Я. Кон, Н. Л. Геккер, Г. Ф. Осмоловский.

В изучении восточносибирского участка Арктики принимали участие и американские исследователи. Так, в 1879 г. правительство США организовало Полярную экспедицию под руководством Де Лонга, на паровой шхуне «Жанетта». Экспедиция двигалась к Северному полюсу. После гибели судна в 1881 г. Джордж Уошингтон Де Лонг с частью экипажа достиг устья р. Лены, где погиб от голода. Экспедиция открыла три острова в группе островов, позже названных «острова Де Лонга» в Восточно-Сибирском море.

Оставшуюся часть экспедиции нашли якутские охотники. По распоряжению губернатора Якутской области Г. Ф. Черняева были организованы поиски остатков экспедиции. После возвращения на родину оставшихся в живых членов экспедиции во главе с лейтенантом Шютце, правительство и Президент США решили выразить благодарность подданным России, принимавшим участие в спасении членов Полярной экспедиции Де Лонга. Лейтенант Шютце повёз эти подарки в Якутскую область в 1885 г. С ним были отправлены 17 золотых, 12 серебряных медалей, золотые часы и 16 ружей. На каждой стороне медали были выгравированы под именем президента имена тех лиц, которым предназначались медали. Главный

подарок предназначался генерал-майору Г. Ф. Черняеву, губернатору Якутской области. Это была шпага из прекрасной стали, ножны и эфес из золота. На эфесе было выгравировано изображение саней, запряжённых собаками и шхуны «Жанетта». Под ними была начертана подпись Президента США. Шпага оценивалась в 500 фунтов стерлингов.

В сентябре 1885 г. лейтенант Шютце прибыл в Якутию. Съездил с подарками в Вилюйск к Кочаревскому, бывшему Колымскому исправнику. Верхоянскому и Колымскому исправникам он передал золотые медали и часы. Якутам раздал 8 золотых и 12 серебряных медалей для ношения на груди, с надписью «For courage and humanity» и 13 именных ружей с высеженным золотом на стволах именами. Кроме того, всем участникам поисков экспедиции Де Лонга, в том числе казакам и политссыльным, Шютце раздал деньгами 1200 руб., и подарки на 4 тыс. руб. Всех лиц, получивших награды, было 172 человека.

К тому времени умер губернатор Черняев и по телеграфному распоряжению президента США Шютце передал шпагу в распоряжение императора Александра III.

Лейтенант Шютце добросовестно выполнил возложенное на него поручение. Побывал в устье Индигирки и Колымы. В июле 1885 г. приехал в Иркутск и в сентябре вернулся в Нью-Йорк, пробыв в России больше года.

Раздел II. Якутия в начале XX в.

§ 1. Характеристика эпохи

В соответствии с общепринятой периодизацией XX век в отечественной историографии называют эпохой Новейшей истории. Отправным моментом её считалась Октябрьская социалистическая революция. В настоящее время многие историки склоняются к мысли, что эпохальным событием XX века, изменившим облик мира и общественное развитие, является первая мировая война. При этом экономической основой Новей-

шей истории является постепенное утверждение монополистического капитализма.

В результате первой мировой войны западная цивилизация попала в ситуацию глубокого кризиса. Символом этого времени стала книга О. Шпенглера «Закат Европы». (1918 г.)

С другой стороны, к началу XX века ведущие европейские державы завершили колонизацию Азии, Африки, Австралии и Океании. Мировая война способствовала подъёму национально-освободительного движения в колониях. Первое десятилетие XX века стало для Российской империи периодом пробуждения невидимых до того социально-экономических и политических факторов. В хозяйстве империи накопились очевидные противоречия и диспропорции. Это, в первую очередь, - явная диспропорция между развитым капитализмом в промышленности (особенно в тяжёлой) и наличием остатков прежней полуфеодальной системы в сельском хозяйстве.

Русско-японская война явилась мощным катализатором политических процессов внутри Российской империи.

Развитие капитализма в ранге империализма привело к формированию национального самосознания поляков, финнов, прибалтийских народов, грузин и других народов колониальных окраин России. Оно вошло в противоречие с абсолютистской концепцией решения национального вопроса, которое привело к заметному росту сепаратистских тенденций на окраинах.

Одновременно росло движение радикальных социалистов, стоявших за свержение монархии. Заметно окрепла позиция либеральной оппозиции. Все эти противоречия привели к первой русской буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг.

Манифест 17 октября 1905 г., объявивший свободу личности, совести, слова, собраний и союзов, всеобщее избирательное право и создание законодательной Думы, стал крупной политической уступкой царизма революционному движению.

В марте 1906 г. Россия впервые вступила в предвыборную компанию. За голоса избирателей боролись многие партии. I Государственная Дума, начавшая свою работу в апреле 1906 г. была распущена императором в июне того же года. Камнем преткновения между правительством и Ду-

мой стал аграрный вопрос. Та же судьба была уготована и для II Государственной Думы, распущенной в июне 1907 г.

Революция 1905-1907 гг. явилась серьёзным шагом на пути превращения России в буржуазную державу. Началась перестройка общественной системы.

Революционные события показали, что именно крестьянский вопрос является центральным в политике. Реально мыслящие политики пришли к выводу о необходимости замены сельской общины индивидуальным крестьянским хозяйством. Это направление в политике становится главным курсом в работе правительства, возглавляемого с 1906 г. П. А. Столыпиным. Так, в ноябре 1906 г. издаётся Указ, разрушающий крестьянскую общину изнутри за счёт выделения из неё некоторой части крестьян с землёй в виде отруба или хутора, которые становились частной собственностью отделившихся крестьян.

Столыпинская реформа включила в себя ещё один важнейший компонент – переселение (в город или уехать в осваиваемые районы страны, за счёт продажи своего надела земли).

Другим не менее важным итогом реформы стал рост кооперации. Через неё крестьянство с выгодой для себя включалось в общую систему народного хозяйства.

Важнейшим средством аграрной реформы стало значительное повышение товарности сельского хозяйства, возросла покупательная способность населения.

Правительственная программа Столыпина предполагала также целый комплекс мер по перестройке местного самоуправления, народного образования и вероисповедания.

В целом, в России продолжалось движение от старого сословного общества к современному гражданскому обществу и правовому государству. Но попытка обеспечить устойчивое экономическое развитие страны при сохранении самодержавия не увенчалась успехом. Российская модернизация не уложилась в оптимальные сроки – от 1860-х гг. до первой мировой войны.

Сибирь в начале XX в. была втянута в общее русло развития империализма, усилившего экономические связи между отдельными районами. В ней проявились главные противоречия наступившего времени, имевшиеся в стране. Но основные циклы в развитии промышленности Сибири определялись требованиями и состоянием общероссийского рынка. Строится Сибирская железнодорожная магистраль.

После первой русской революции Сибирь пережила полосу мощного промышленного подъёма. Продукция сельского хозяйства стала широко вывозиться в европейскую часть страны и за границу. Проникновение товарно-денежных отношений перестраивает сельское хозяйство на капиталистический лад. Миллионные капиталы вкладываются в строительство холодильников, элеваторов, мельниц и маслозаводов. В Сибири преобладала аграрная эволюция американского или крестьянско-буржуазного типа. Накануне первой мировой войны Сибирь становится одной из важнейших житниц страны. В значительной степени этому способствовало и переселение в Сибирь огромной массы крестьян из Европейской части России. Возникли крупные капиталистические хозяйства, кооперативное движение и классовое расслоение крестьянства.

Якутия в начале XX столетия продолжала развиваться на основе той социально-экономической базы, которая сформировалась в области во второй половине XIX в. В 1898 г. район бодайбинских золотых приисков, входивший ранее в состав Олёкминского округа, был отделён от него и вошёл в состав Иркутской губернии. По материалам переписи 1917 г., М. П. Соколову удалось установить общую численность населения Якутской области – 264136 чел. Из них около 96% составляло сельское население. Из общего числа населения якуты составляли примерно 223 тыс. чел., русские – около 24 тыс. чел., эвенки – 13 тыс. чел., эвены – около 2, 5 тыс. чел., юкагиры – 1358 чел., чукчи – 826 чел.

Якутия, являясь колониальной окраиной Российской империи, испытывала на себе основные особенности развития страны этого периода. Форма административного управления Якутской области не претерпела существенных изменений. Наиболее известными губернаторами этого периода являлись В. Н. Скрипицын (1892-1903 гг.) и И. И. Крафт (1907-

1913 гг.) В связи с ростом народонаселения и борьбой родов внутри наслегов из-за земли, чаще дробились наслеги. Так, только за последние 26 лет (1891-1917 гг.) количество наслегов увеличилось на 105 (с 234 до 339). По-прежнему в улусах инородческие управы состояли из улусного головы, двух выборных и письмоводителя. Все эти должности избирались «родовичами» на определённое время без жалования, за исключением писаря.

Областная администрация уделяла большое внимание выборным. Всегда требовалось, чтобы были избраны лица «хорошего нрава, трезвого и отличного поведения, под судом и следствием не состоящие».

В 1892 г. губернатор П. Осташкин циркулярно объявил якутянам о желательности занятия родоначальнических должностей лицами, знающими русский язык и русскую грамоту. С конца XIX в. родоначальники избирались на три года (до этого - на два года). Наследные старосты и родовые старшины избирались на наследных мирских сходках, члены инородческих управ – на улусных собраниях. На улусный сход собирались все старосты и доверенные от наслегов. Последних полагалось избирать по одному человеку от каждой сотни избирателей. Доверенные снабжались «общественными доверенностями» с подписями всех присутствовавших на собрании общественников.

Выборы признавались действительными, если в них участвовало более двух третей избирателей. Эти выборы больше проводились не голосованием, а простым соглашением (*дуол туһэн*). Все избранные утверждались в своих должностях губернатором. После этого родоначальники приводились к присяге на верность службе причтами церквей. В текстах «клятвенных обещаний» и «присяжных листов» писалось, что избранные клянутся перед всемогущим богом «быть верным, добрым послушным подданным». Эти тексты переводились на якутский язык. Затем улусные головы и старосты получали кортики (знак власти) и приступали к исполнению своих обязанностей.

Князцы и головы продолжали пользоваться большим почётом. Выезд головы в наслег являлся большим событием. Взятки и одаривания являлись дополнительным источником благополучия тойонов.

§ 2. Экономическое положение Якутии в начале XX в.

В рассматриваемое время классная система землепользования была сохранена, несмотря на попытки губернатора В. Н. Скрипицына провести земельную реформу, с целью проведения в жизнь более уравнительного распределения земель. Лишь в некоторых подгородных наделах, где богачи были заняты, в основном, торговлей, было введено формально уравнительное распределение покосов.

В 1907 г. за населением области числился 267471 руб. недоимок по податям. Поэтому необходимость реформы земельных отношений оставалась актуальной. Земля продолжала концентрироваться в руках богатой верхушки якутских общин.

В 1917 г. земледелие с его тремя компонентами – хлебопашеством, картофелеводством и овощеводством – стали важной отраслью сельского хозяйства в Якутии. Ведущую роль в этом сыграли религиозные сектанты – ссыльные скопцы.

На рубеже XIX и XX столетий в Олёкминском, Якутском и Вилюйском округах трёхполье стало господствующей системой земледелия. Эта система развивалась в условиях обширной таёжной области, где открытые, свободные от леса поля имеют ограниченные размеры. Вследствие этого создавались здесь, в основном, лесопольные пашни. Трёхполье у якутов и эвенков нередко сочеталось с двухпольем или залогом, перелогом. В изучаемое время преимущественно культивировались пшеница, ярица и ячмень.

По переписным данным, в 1917 г. насчитывалось 487490 голов крупного рогатого скота и 133351 лошадь.

В Якутии в начале XX в. работало около 60 мукомольных мельниц, в том числе паровые, конные, ветряные.

Происходило дальнейшее развитие внутреннего рынка. Шёл дальнейший рост ремесленных предприятий. Так, в 1910 г. в области было около ста кустарных предприятий. В них трудились в среднем от 160 и 170 человек. Появились паровые и первые электрические двигатели.

В Южной Якутии, по притокам рек Тимптон и Чульман вели разработку золотоносных месторождений частные предприниматели И. А. Опа-

рин и Ф. И. Шадеркин. В 1915 г. по притокам Тимптона добывали свыше 60 пудов золота. Старательская работа по золоту велась и в начале XX в. Так, в 1917 г. свыше 1600 жителей Вилуйского округа занимались старательской добычей золота. В 1915 г. в Верхоянском уезде А. А. Семёнов основал свинцово-плавильный рудник, на котором в 1917 г. было получено около 4 тыс. пудов свинца.

Технический прогресс, развивавшийся в конце XIX – начале XX в. коснулся и Якутии. Так, в 1911 г. была открыта телефонная, а в 1914 г. – электрическая станции.

Из Якутии продолжали вывозить только сырьё. В прииски вывозили продукты, ввозились в Якутию только обработанные продукты. Увеличивается товарооборот, составлявший в начале века в среднем 2.200.000 руб.

В 1900-1910-х гг. торговые дела улусных скупщиков (особенно северных) значительно увеличились. К тому же многие из них занимались запрещённой продажей спиртных напитков, которая являлась государственной монополией. В целом, на посреднической торговле вырастали крупные капиталы. Но положение изменилось, когда с 1913 г. торговые фирмы начали вытеснять крупных скупщиков пушнины, образовав свой скупочный аппарат, действуя непосредственно через мелких торговых агентов. Фирмы разделили Якутскую область на сферы влияния, каждая из них вкладывала в дело до 300 тыс. руб. Благодаря телеграфу якутские фирмы стали совершать сделки заочно, переправляя затем пушнину по почте. Крупные фирмы доставляли пушнину прямо в Москву, Кяхту или даже Лондон. Ежегодный вывоз пушнины из Якутии определялся суммой 1,5 – 2 млн. руб. На центральных и международных рынках стоимость якутской пушнины перед первой мировой войной равнялась в среднем 3,5 млн. руб.

В обозреваемое время развитие получило кредитное дело. Большинство банковских дел в области сосредотачивалось в Якутском отделении Русско-Азиатского банка. Большую часть привлечённого капитала оно переправляло своему центральному правлению.

В мае 1911 г. открылся Якутский городской общественный банк, учреждённый на деньги, пожертвованные купцом 1 гильдии М. Д. Эверстовым. Банк производил все операции, установленные для городских

общественных банков. По завещанию учредителя, полученная прибыль должна была использоваться для устройства и содержания дома призрения бедных.

Государственный банк не имел своего отделения в области. Его функции выполняло казначейство. Перед Октябрьской революцией здесь работали 19 сберегательных касс с общей суммой вкладов 950 тыс. руб.

В 1895 г. фирма Громовой установила первое пароходное сообщение между Якутском и Вилюйском. В 1916 г. в Ленском бассейне курсировало 33 парохода. 10 из них обслуживали только бодайбинские прииски. Улучшались пути сообщения на северо-востоке Якутии (из Охотского побережья на Колыму). Устанавливается пароходное сообщение между Владивостоком и устьем Колымы. В 1911 г. совершён первый грузопассажирский рейс на р. Колыму под командованием контрадмирала Трояна. Доставка товаров морским путём удешевила жизнь в низовьях Колымы.

На экономику Якутии по-прежнему огромное влияние оказывала золотопромышленность Витимо-Олекминской системы, добыча золота после 1906 г. стала возрастать. Так, в 1910 г. в Восточной Сибири было добыто около 2828 пуд. золота. Этот рост шёл, в основном, за счёт крупных приисков. Монополизация золотопромышленности особенно ярко сказалась в усилении роли «Лензолото» – смешанной русско-английской компании, в которой 70% акций принадлежало английской монополии «Лена-Гольдфильдс». Возникли новые монополии: Фёдоровского и Российского промышленных обществ, Золотопромышленного общества Мариинских приисков.

В крупных приисках вводились драги, шире применялись гидравлический и химический способы. В «Лензолоте» работали уже свыше 10 тыс. рабочих. Оно держало в своих руках почти треть добычи золота во всей России. Например, только в 1909-1911 гг. «Лензолото» дало валовой прибыли свыше 17 млн. руб. Оно в 1914 г. добыло свыше 1000 пудов золота.

Начало XX века в Якутии ознаменовано возникновением новых компаний. По данным П. П. Петрова, их было около десяти: Торговый дом «Наследники Кушнарёва» (1903 г.), товарищество «Торговый дом наследника И. М. Сими́на» (1909 г.), «Торговый дом И. М. Молчанова и Быкова»

(1908 г.), «Торговый дом М. Г. Васильева и Г. В. Никифорова» (1902 г.), «Торговый дом И. П. Антипина и Г. В. Никифорова» (1909 г.), «Торговый дом Д. А. Стрелова и К^о» (1906 г.), «П. Ю. Блох и К^о» (1909 г.), «Наследники Н. В. Васильева» (1905 г.), «Якутское отделение «Акционерного общества меховых и спичечных фабрик» Н. П. Рылов, Р. П. Лесников» (1914 г.)

К числу известных купцов-якутов относились Г. В. Никифоров (Маньяттаах уола), П. И. Захаров и др.

Таким образом, в начале XX в. в Якутии происходил дальнейший рост товарного сельского хозяйства, проникновение рыночных отношений в отдельные отрасли её экономики и формирование якутской национальной буржуазии. Но из-за отсутствия промышленного капитала эти социально-экономические новшества оставались на уровне формирования элементов капиталистических отношений.

§ 3. Общественное и политическое движение в Якутской области в начале XX в.

С прибытием в ссылку социал-демократов связано начало проникновения в Якутию марксистской литературы. Летом 1902 г. среди учащихся Якутского реального училища возник нелегальный политический кружок, члены которого знакомились с марксистской литературой.

Среди большевиков, отбывавших ссылку с 1903 г., были С. Мицкевич, М. Ольшанский, М. Эссен, В. Курнатовский, Н. Бабушкин, Н. Мещеряков, И. Радченко, М. Урицкий и др. Они были руководителями вооруженного протеста политссыльных, получившего название «романовки».

Под влиянием надвигавшейся революции и ужесточения режима политссылки в Якутской области ссыльные решили выразить организованный протест. 18 февраля 1904 г. 42 ссыльных социал-демократа забаррикадировались в доме Романова и послали губернатору требование об отмене циркуляров иркутского генерал-губернатора Кутайсова. К ним присоединились ещё 15 человек. Полиция заблокировала дом. 26 февраля над домом Романова был поднят красный флаг. Всего по осаждённым было

выпущено около 2 тыс. патронов. 7 марта «романовцы» добровольно сдались властям и были отправлены в тюрьму. В августе 1904 г. они были осуждены к 12 годам каторжных работ каждый. Весть о «романовке» проникла и за границу, и в некоторых городах Европы состоялись митинги солидарности с русскими революционерами.

Ссылные социал-демократы издавали гектографированные журналы, пропагандируя идеи марксизма. Так, в 1904 – 1906 гг. печатались журналы «Вестник ссылки» и «Летучий листок». Была также издана «Программа РСДРП», принятая на II съезде партии. Печатали разного рода прокламации, например «Январские дни в Петербурге» (о «Кровавом воскресении»). В 1904 г. ссылные организовали в Якутске две демонстрации с лозунгами «Долой самодержавие», где приняли участие и местные жители.

Во время русско-японской войны богатая прослойка якутского населения пожертвовала крупную сумму денег в фонд Красного креста. Но часть нарождающейся интеллигенции распространяла через газеты идеи о расовом и этническом родстве якутов с японцами.

В 1905 г. в Якутске среди учащихся возникли кружки по изучению общественных вопросов. В них издавались рукописные журналы: в реальном училище – «Метеор», в духовной семинарии – «Просвет», в женской гимназии – «Огарок». В апреле того же года среди учащихся возник первый марксистский кружок «Маяк», его организатором стал ссылный социал-демократ Х. Штейбах. В кружке изучали «Капитал» К. Маркса, программу социал-демократической партии, вопросы политэкономии.

Летом 1905 г. в Якутске собралось более 100 политссылных из улусов и наслегов. Они устраивали собрания, на которых обсуждались тактические вопросы революции.

Царский манифест 17 октября в Якутии местное население встретило с одобрением. Происходили в этой связи собрания, митинги. 30 октября 1905 г. в Якутске состоялась большая демонстрация с красными флагами и пением «Марсельезы» и «Варшавянки». Она повторилась 6 и 13 ноября.

16 ноября началась забастовка служащих Якутской почтово-телеграфной конторы. К ним присоединились и телеграфисты Олёкмы и Витима. Забастовка продолжалась до 27 декабря. Митинги происходили

почти ежедневно. Революционное настроение не покидало учащихся. 9 января 1906 г. они отметили годовщину «Кровавого воскресения».

По амнистии к началу декабря 1905 г. из Якутска выехали почти все политссыльные. Тогда же возникли союзы учащихся, приказчиков, мелких торговцев, чиновников и др. Была разогнана городская дума. Влияние революции проникало в окружные центры, русские деревни и якутские улусы. Так, виллюйские казаки отказались от несения службы. По этому поводу иркутский генерал-губернатор телеграфировал якутскому губернатору: «Примите самые решительные меры к немедленному восстановлению порядка в Виллюйске». Из Якутска были срочно командированы в Виллюйск вице-губернатор и атаман Якутского казачьего полка, чтобы замять это дело.

Революционным брожением были охвачены г. Олёкминск и крестьяне округа. В конце 1905 г. произошла забастовка чекурских крестьян-ямщиков, где отбывал ссылку видный большевик М. С. Урицкий. 20 декабря для руководства забастовкой был избран стачечный комитет. Скромные требования ямщиков властями были отклонены. Но забастовка ямщиков продолжалась в течение месяца. Были арестованы члены стачечного комитета, 12 человек были отданы под суд.

В конце 1905 г. в ряде улусов часть якутского населения отказалась от уплаты податей и несения повинностей. Некоторые мотивировали это несправедливостью существующих законов по управлению инородцами. На улусных сходах выдвигали требование об освобождении якутов от уплаты ясака. Обострялась борьба за землю.

Под влиянием первой русской революции организуется «Союз якутов». Предыстория его организации такова. В апреле 1905 г. был получен указ о введении в Сибири земского самоуправления. Идея земства была поддержана сельскохозяйственным обществом, куда входили не только якуты, но и русские, в том числе и часть политссыльных. Интеллигенция, входившая в Общество, обсудила и проголосовала за необходимость введения в Якутской области земских учреждений и созыв Учредительного собрания с непременною участием на нём представителей от якутов. В этой связи в сибирской печати писали, что более «организованно и це-

постно проявилось движение среди господствующих на севере Сибири якутов», которых «общее течение политической жизни к концу 1905 г. захватила настолько глубоко, что местный губернатор в январе 1906 г. был вынужден обратиться к инородческому населению области с "Объявлением" (Сибирские вопросы 1908 г. №8).

В. В. Никифоров, И. С. Говоров, П. Слепцов и др. добились разрешения на созыв 19 октября съезда представителей от крестьянских обществ и якутских наслегов Якутского, Вилюйского и Олёкминского округов для обсуждения вопроса о введении земства, пригласив выступить на съезде Н. Л. Мещерякова и других большевиков. Предложенный В. В. Никифоровым проект «Общих положений о земском самоуправлении Якутской области», по мнению губернатора Булатова, ограничивал права администрации и полицейского аппарата, требуя передачу управления областью в руки земского собрания, в ультимативном тоне предлагал признать все земли области собственностью якутов и избрать их представителя в Государственную Думу. Булатов направил генерал-губернатору просьбу прислать войска.

В этих условиях, по инициативе В. В. Никифорова создаётся «Союз инородцев-якутов». «Союз» должен был стать защитником правовых, экономических и политических свобод якутского народа. Никифоровым также был подготовлен проект Программы союза. Таким образом, под руководством малочисленной якутской интеллигенции пробуждалось местное население. По выражению проф. С. В. Бахрушина, «проснулся во всей силе голос здорового национального чувства, которого не подавило 300-летнее владычество царизма». В национальном движении, охватившем в 1905 г. якутов, не последнюю роль играли политссылные, жившие среди них.

Создание «Союза якутов» базировалось на правовой основе, организованного в России летом 1905 г. крестьянского союза, с такой же программой, но с добавлением требований о самоопределении, самоуправлении и автономии.

4 января 1906 г. в Якутск съехалось около 300 представителей улусов для участия в работе заседания по созданию союза. В нём принимается

программа, устав и ЦК Союза якутов. В ЦК вошли два члена (П. А. Афанасьев, И. Г. Васильев) и восемь кандидатов (В. Ф. Артамонов, И. С. Говоров, Н. А. Готовцев, В. В. Никифоров, И. И. Аммосов, П. В. Слепцов, Н. Н. Скрыбыкин, И. А. Попов).

«Важно было то, - пишет А. Малькова-Клиорина, - что была создана первая гражданская, национальная народная организация, в которой улусные и наслежные якуты впервые увидели способ и орудие борьбы за политические и экономические права...Созданием «Союза якутов» они мощно и властно заявили правительству о гражданском правосознании».

Действительно, отсылка необычной по ультимативности тона и дерзости угроз телеграммы председателю Совета министров Витте, требование неграмотных таёжных скотоводов-инородцев о представительстве в высшем органе власти – Государственной Думе и Учредительном собрании; приостановление уплаты всех податей, налогов, повинностей – являлись фактом открытого революционного бунта.

Агитаторы «Союза» разъехались по наслегам с призывом к актам неповиновения властям – не платить податей, прекратить всякие отношения с начальством. В Вилуйском округе якуты называли программу Союза «Законом Никифорова». Иркутская периодика назвала «Союз» «современным прогрессивным течением». Он приобрёл значение народно-революционной организации.

Министр внутренних дел Российской империи телеграфировал губернатору Булатову приказ восстановить авторитет власти силой оружия. Однако губернатор категорически был против военных действий. Но по требованию министра Булатов 18 января дал распоряжение об аресте десяти членов ЦК «Союза якутов».

Насильственная ликвидация органа национального движения в Якутии совпала по времени с поражением декабрьского восстания рабочих в Москве.

15 января 1906 г. 82-мя якутами была подписана «Петиция» на имя императора, в которой они жаловались на незаконные действия губернатора Булатова. «Как граждане империи, – писали в «Петиции», - ...мы в силу дарованных нам прав, имеем законное основание открыто говорить о

своих нуждах до сведения престола, обо всех действиях администрации, которые мы признаём произвольными, попирающими наши священные права». Далее «Петиция» выступила в защиту В. В. Никифорова и содержала заявление о том, что землю на которой родились, якуты считают своей собственностью. Но, тем временем, русская революция шла на убыль. Якуты стали отступать. Испугавшись угроз администрации, обещавшей «истребить вооружённой силой», вчерашние члены «Союза» начали подавать разного рода ходатайства, отказываясь от участия в «Союзе». Молодые священники-якуты Силин и Бурнашов, вчерашние его члены, начали служить молебны и подговаривать людей, чтобы те всю вину валили на свою интеллигенцию. В этих условиях Никифоров ощутил необходимость высказаться перед народом, пояснить ему свои поступки и действия. А формой изложения он выбрал пьесу.

После освобождения из тюрьмы под поручительство Никифоров закончил пьесу «Разбойник Манчаары», где устами героя Манчаары он изложил своё разочарование и политические убеждения: «Если наши угнетатели сейчас не сдадутся,...потом люди прекратят такой неслыханный произвол...Всю жизнь я боролся с тойонством один...Народ же, которому я всё отдавал, названием злодея меня заклеил...Поймёшь ли всю горечь погибших надежд?...Верю, что настанет момент, придет время, когда проснётся тёмный народ и разобьет оковы рабства и эксплуатации».

Для постановки пьесы В. В. Никифоров взялся за создание якутского инородческого клуба. Но главной целью клуба было объединение якутов, стремящихся к просвещению, тех, кто прилагал усилия для рождения якутской литературы. Никифоров решил приспособить под клуб собственный дом в Никольском переулке.

Постановка первой пьесы на якутском языке состоялась. Роль Манчаары сыграл А. Е. Кулаковский. Новый губернатор области И. И. Крафт прекрасно понял революционный смысл пьесы, но не решился её запретить. Пьеса продолжала с успехом идти на сцене клуба. А вскоре её стала репетировать и ставить в улусах местная интеллигенция.

В. Ионов с ссыльными товарищами стал спешно принимать меры к открытию первой якутской газеты. Никифоров собрал от богатых жерт-

вователей 4 тыс. руб. для её издания, а недостающие 2 тыс. руб. через Э. К. Пекарского внёс якутский купец И. Н. Эверстов, постоянно живший в Петербурге.

В 1907 г. выходит первая неофициальная газета на русском языке «Якутский край», с приложением страницы на якутском языке «Саха дойдута», со своей небольшой типографией с русским и якутским шрифтом. На якутской странице газеты авторы открыто клеймили колониальную политику самодержавия, гнёт монархистствующих тойонов типа М. Шеломова, Ф. Пономарёва, которые пытались создать партию «истинно русских якутов». В. Ионов писал Э. Пекарскому в Петербург о большом спросе на якутскую литературу.

Вскоре за антиправительственную и революционную пропаганду в декабре 1908 г. газета была закрыта. А редактор газеты С. А. Корякин, издатель Н. Е. Афанасьев были приговорены к двум годам тюремного заключения.

В. В. Никифоров включился в хлопоты по изданию другой газеты «Якутская жизнь» с якутской страничкой «Саха олого». 31 января 1908 г. И. И. Крафт дал разрешение на издание. По утверждению А. Мальковой, издаваемые на якутском языке страницы «Саха олого», «Саха дойдута» заложили основу якутской национальной журналистики и национальной печати. В своих номерах они давали разнообразные материалы: переводы с русского языка общественно-политических публикаций, информации с мест, статьи якутских авторов. Якутский раздел первых в Якутии газет, отмечает А. Малькова, «зложил основу якутской печатной художественной литературы». Редактором раздела являлся В. В. Никифоров. В дальнейшем он же стал организатором и издателем первого якутского журнала 1912 г. «Саха саната» («Голос якута»), где публиковались произведения первых талантливых якутских писателей и поэтов – А. И. Софронова, А. Е. Кулаковского, Н. Д. Неустроева, ставших классиками зарождающейся якутской литературы. На страницах журнала напечатаны произведения местного русскоязычного поэта П. Н. Чёрных.

Начиная с 1906 г., в Якутск стали прибывать новые партии политссыльных, среди которых было много участников вооружённого восстания

(С. Ф. Котиков, Г. Рейхгарт и др.) Тогда же на основе кружка учащихся «Маяк» была создана Якутская нелегальная организация РСДРП. В сентябре 1906 г. начал издаваться её официальный печатный орган – журнал «Маяк». Всего было выпущено 4 номера. На его страницах велась пропаганда марксизма, программа социал-демократической партии. Журнал также откликался на вопросы местной жизни. Так, в одном из его номеров писали, что «...якуты непосредственно должны быть заинтересованы в гибели самодержавия, и не даром лучшие элементы области становятся в ряды врагов царя, в ряды борцов за благо всех народностей вообще и за благо якутов в частности».

В библиотеке политссыльных в Якутске хранились работы основоположников марксизма. Библиотекой пользовались, в основном, учащиеся и часть якутской интеллигенции. Но в 1909 г. «Маяк» распался.

1912 г. вошёл в историю российского рабочего движения как год исторического перелома. Толчком к новому революционному подъёму послужили события, происшедшие на Ленских золотых приисках. Забастовка вспыхнула стихийно 29 февраля 1912 г. в связи с выдачей рабочим Андреевского прииска конского мяса, непривычного им. Их поддержали и другие соседние прииски. К середине марта забастовка стала общей, охватила свыше 6 тыс. рабочих. 4 апреля в Надеждинском прииске рабочую демонстрацию расстреляли солдаты. Свыше 500 чел. было убито и ранено, среди них были и якуты. Но несмотря на это, забастовка продолжалась до начала июля 1912 г. и закончилась необычно: почти все рабочие демонстративно покинули прииск «Лензолото», в том числе и многие якуты (их было около двух тысяч).

На страницах «Якутской окраины» появились отклики якутских политссыльных на Ленские события. Из года в год увеличивалось количество ссыльных. Перед первой мировой войной здесь одних политических было более 500 чел. Среди них находились видные деятели большевизма, такие как В. П. Ногин (с 1912 г.), Ем. Ярославский (1913 г.) и др. Якутская организация РСДРП была объединённой организацией, куда входили и большевики и меньшевики. В ссылке находилась и довольно заметная группа эсеров.

В общественной и политической жизни Якутии начала XX в. своё имя вписал якутский врач П. Н. Сокольников. Он получил высшее образование в Московском университете, где происходило формирование демократических позиций Сокольникова. В Москве Л. Н. Толстой попросил его сопровождать до Якутска группу духоборов. В том же году в семи номерах иркутской газеты «Восточное обозрение» были опубликованы путевые заметки Сокольникова «Жены и дети духоборов», получившие известный отклик в периодической печати России. Как отметил В. В. Пинигин, с момента приезда на родину П. Н. Сокольников был посредником между духоборами, отбывающими ссылку в Якутии и Л. Н. Толстым. В августе 1902 г. Сокольников вновь встретился с великим русским писателем в Ясной Поляне. Там Толстой подарил якутскому врачу свою фотографию с собственноручной надписью: «Дорогому Прокопию Нестеровичу Сокольникову – на добрую память от Льва Толстого».

Почитатель таланта великого писателя В. В. Никифоров в 1912 г. перевёл на якутский язык пьесы Л. Толстого «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп». Первая из них была напечатана на страницах его журнала «Саха саната».

В 1916 г. якутский лингвист С. А. Новгородов назвал в числе произведений якутской литературы, нарождающейся ускоренными темпами, переводы на якутский язык Н. В. Гоголя («Женитьба», «Ревизор») и Л. Н. Толстого.

По ходатайству В. В. Никифорова с целью обсуждения вопросов, связанных с предстоящим празднованием 300-летия царствования Романовых на Российском престоле, 25 августа 1912 г. в Якутске состоялся инородческий съезд. Основной вопрос съезда – возбуждение перед правительством ходатайства якутского народа о своих насущных нуждах.

Первый номер журнала на якутском языке «Саха саната» вышел 1 сентября 1912 г. В редакцию журнала Никифоров собрал «все лучшие литературные силы якутского народа»: Шараборина, Сафронова, Яковлева, Чёрных, Новгородова, Неустроева, Кулаковского. Выход номера журнала вызвал интерес за пределами Якутии. В первом номере за 1913 г. (пятого

по общему счёту) вышла первая поэма А. Е. Кулаковского «Большая огнедышащая лодка».

В середине февраля 1913 г. П. Н. Сокольников Д. И. Слепцов и В. В. Никифоров прибыли в С.-Петербург. Якутскую делегацию официально сопровождал губернатор области И. Крафт. Всеимперский приём по случаю юбилея состоялся 22 февраля. Императору и членам его семьи была представлена и якутская делегация. На имя министра юстиции было вручено ходатайство «Об отмене ссылки в Якутскую область». Как уточнила А. Малькова, делегацией были также представлены правительству следующие ходатайства: «О возвращении права представительства в Государственную Думу» (об избрании одного представителя от Якутской области), «О соединении Лены с Сибирской магистралью» (о железнодорожном пути до Усть-Кута), «О реформе ссудной кассы якутов и об учреждении мелкого кредита», «О введении земства в Якутской области, а также по Сибири», «Об отмене ружного сбора» (по поводу церкви), «Об увеличении количества школ» всего 12 ходатайств.

«Депутацию якутов, - пишет А. Малькова, - в 1913 г. принимали в петербургском обществе с почётом и уважением, в правительственных кругах – предупредительно и благосклонно, а газеты – благожелательно. П. Н. Сокольников и В. В. Никифоров стали желанными гостями в светско-литературных салонах и клубах».

25 августа 1913 г. в Якутске открывается Якутское отделение ИРГО, хлопоты о котором начал ещё Семёнов-Тянь-Шанский. Его председателем был избран И. И. Крафт. Своими задачами общество считало исследование Якутии в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. В 1915 г. издаётся 1-й том «Известий» общества. Появился ещё один журнал «Якутское хозяйство».

С началом войны якутское население открыло подписку на сбор средств в помощь раненым воинам и их семьям. Десятки грамотных якутов из улусов пошли в армию добровольцами.

2 июля 1916 г. вышел первый номер очередной газеты В. В. Никифорова «Якутские вопросы», издававшейся до Февральской революции

в России. На страницах газеты освещались основные социальные и политические вопросы области.

В осенних номерах 1916 г. на страницах газеты «Якутские ведомости» лингвист С. А. Новгородов публикует большую статью «Основные задачи якутской интеллигенции». В 1917 г. он подготовил якутский букварь «Сахалыы сурук-бичик», где впервые практически опробовал созданную им новую якутскую письменность на основе латинского алфавита. Букварь был издан Новгородовым только в 1923 г. в Петрограде.

Ещё в 1908 г. в Якутской области работала специальная комиссия во главе с Маркграфом по изучению земельных ресурсов бассейна Лены. Комиссия представила проект переселения 2 млн. крестьян из Центральной России в Якутию. В этой связи намечалось переселить якутское население на север. В «Письме якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковский решительно выступил против подобного проекта. Большое внимание обращено было на вопрос дальнейшего развития земледелия. Рекомендовалось всемерно повышать уровень культуры, технологии земледелия: внедрять органические удобрения, практиковать севооборот, культивировать ячмень в качестве озимого хлеба. Он выступил с предложением организовать скотоводческие фермы, которые бы боролись за улучшение породы крупного рогатого скота.

Он писал о необходимости поощрения предпринимательства, коммерческого дела, рыночных отношений. В «Письме» Кулаковский выступил за расширение сети школ, за обучение детей на основе родного языка и за открытие сельскохозяйственных и ремесленных школ.

В «Письме» развиты мысли о необходимости открытия общественных библиотек, выписывания книг, журналов и газет, о задачах пропаганды достижений науки и техники, развёртывания культурно-просветительской деятельности, о создании художественной литературы.

Эту тревогу за судьбу своего народа А. Е. Кулаковский выразил в своей философской поэме «Сновидение шамана», написанной им в 1910 г.

Вместе с возникновением печати зародилась местная художественная литература. Её создателями явились А. Е. Кулаковский, В. В. Никифоров, П. Н. Черных, А. И. Софронов, Н. Д. Неустроев. «Их произведения, - пи-

сал Г. П. Башарин, - проникнуты духом критического реализма, протеста против антинародной политики царизма и местных тойонов, прогрессивными, демократическими, просветительскими идеями» Они создавали свои произведения под благотворным влиянием русской литературы и культуры.

В 1914 г. началась первая мировая война, названная империалистической. Якутских политических ссыльных война расколола на две группы – «оборонцев» (эсеры и меньшевики) и «пораженцев» (большевики). Участились их подпольные собрания и маёвки, где принимали участие учащиеся средних учебных заведений г. Якутска.

Антivoенная деятельность ссыльных большевиков усилилась после приезда видных деятелей партии Г. К. Орджоникидзе и Г. И. Петровского, депутата от большевиков в IV Государственной Думе.

Летом 1916 г. правительство объявило мобилизацию «инородцев» на тыловые работы. Но мобилизация не состоялась. Правительство отменило её по ходатайству золотопромышленного товарищества «Лензолото».

Ем. Ярославский в январе 1917 г. организовал подпольный революционный кружок, в который входили учащиеся средних учебных заведений. Кружок насчитывал около 20-ти членов, среди них были А. Аммосов, П. Слепцов, Н. Бубякин и др.

В годы войны не прекращалась борьба между имущими и бедными прослойками общества, которая шла, в основном, вокруг земельного вопроса, за уравнильное распределение покосов по душам и за отмену классной системы.

Весть о Февральской революции в Петрограде пришла в Якутск 1 марта. 4 марта Ревком, возглавляемый большевиками, созвал общее собрание жителей Якутска. Оно приняло постановление о создании нового органа власти – Якутского Комитета общественной безопасности (ЯКОБ). Председателем комитета был избран Г. И. Петровский. 5 марта якутский губернатор Тизенгаузен и полицмейстер Рубцов сложили свои полномочия. 6 марта Тизенгаузен по телеграфу сообщил окружным центрам о сложении своих полномочий и передаче власти Комитету общественной безопасности. В этот же день Комитет избрал Г. И. Петровского областным

комиссаром. Вскоре он был утверждён в этой должности Временным Правительством.

4-7 марта состоялись народные собрания в Олёкминске, Виллюйске, где были созданы временные комитеты во главе с эсерами Шафраном (Олёкминск) и Корякиным (Виллюйск). В начале апреля возник Виллюйский окружной комитет общественной безопасности.

В конце марта комитеты были образованы в Верхоянском и Колымском округах.

В ряды Якутской организации РСДРП вошли некоторые члены подпольных революционных кружков якутской молодёжи. В марте Ем. Ярославский организовал газету «Социал-демократ». На страницах газеты большевики пропагандировали план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Они впервые стали печатать революционные листовки и прокламации на якутском языке. Большевиками были созданы первые организации якутских сельскохозяйственных наёмных рабочих. Организуются «Союз чернорабочих-якутов», «Союз сельских рабочих Мархи», «Союз грузчиков-якутов». В марте ЯКОБ вводит постановление о 8-ми часовом рабочем дне, в апреле – отделение церкви от государства и школы от церкви.

Двоевластие, образовавшееся в стране, нашло отражение и в Якутии. Возникали Советы. Первым Советом в Якутии становится якутский совет солдатских депутатов, организованный 31 марта 1917 г. Затем в апреле – якутский совет казацких депутатов и якутский совет рабочих депутатов, в который вошли социал-демократы и эсеры (социал-революционеры). В июне 1917 г. большая часть политссыльных выехала через Иркутск в европейскую часть России.

С другой стороны в Якутии развёртывалась параллельно другое движение, представленное Е. Ярославским «националистическим». Во главе этого движения стояли В. В. Никифоров и Г. В. Ксенофонов. Последнего Февральская революция застала в Виллюйском округе, куда он приехал по судебным делам. Комиссар Временного правительства Г. И. Петровский телеграфом вызвал его в Якутск как вновь избранного члена Исполнительного бюро ЯКОБ. Был назначен комиссаром Якутского окружного

суда и председателем крестьянско-инородческой комиссии. В этой связи он принимает активное участие в созыве первого съезда якутских и русских крестьян. Съезд состоялся 26 марта 1917 г. Его основными вопросами стали вопросы о земле, о земстве и о народном образовании. Председателем президиума был избран Г. В. Ксенофонтов. Во вступительном слове он приветствовал Февральскую революцию, очертил ближайшие задачи русского народа в этой революции – созыв Учредительного собрания, установление демократической республики. «Перед нами теперь новая Россия, - говорил он заключая выступление, - ...теперь при строительстве нового общественного строя, наряду с великим русским народом на историческую авансцену выступают большие и малые племена, населяющие обширную Россию...Никакого национального угнетения и подчинения одного народа другим...всему этому не может быть места в обновлённой России». Съезд ликвидировал классную систему землепользования, заменил улусные управы, наследные управления земскими и принял специальное постановление о введении в Якутской области всеобщего начального образования.

В дни съезда, при непосредственном участии Г. В. Ксенофонтова и В. В. Никифорова, был создан демократический союз «Свобода».

25 июня 1917 г. была создана политическая партия «Якутский трудовой союз федералистов». В числе её создателей были В. В. Никифоров, Г. В. Ксенофонтов, С. А. Новгородов, А. И. Софронов, Н. Леонтьев и др. Всего в партийном списке значилось около 400 человек. Из их числа 20 человек вошли в состав ЯКОБа. Программа федералистов органически соединяла в себе идеи сибирского областничества и национального суверенитета. Они выступали последовательными сторонниками национально-государственной федерации.

Представители федералистов вошли не только в состав ЯКОБа, но и в городскую думу. Здесь пост председателя занимал Г. В. Ксенофонтов. Осенью 1917 г. позиция федералистов в органах власти занимает господствующее положение. В сентябре того же года по инициативе федералистов создаётся Национальный комитет для объединения и управления деятельности всех национальных организаций: общества «Саха аймах», земских управ,

Союза федералистов. На тот момент, по мнению А. Н. Дьячковой, Комитет являлся организацией, стоящей во главе национально-освободительного движения в Якутии. «Нацком был основой будущего государственного органа, - пишет А. Малькова, - которому надлежало возглавить после провозглашения национально-государственную автономию».

Октябрьские события 1917 г. явились полной неожиданностью для федералистов и других политических партий в Якутии. Федералисты в ходе борьбы за демократизацию якутского общества выступили против позиции большевиков и выражали негативное отношение к их стремлению свести все противоречия в якутском обществе к классовой борьбе.

С нарастанием революционной борьбы в центре России возрастало влияние Союза федералистов в Якутской области. Так, к началу ноября 1917 г. партия насчитывала в своих рядах около 1200 членов. Начался выпуск газеты федералистов «Якутский голос». На местах было создано 20 комитетов.

В октябре-ноябре 1917 г. в Якутской области прошли выборы в земские органы самоуправления. В январе 1918 г. областное земское собрание избрало Областную земскую управу, председателем которой стал В. В. Никифоров.

В ноябре 1917 г. произошло ещё одно событие. На выборах депутатов во Всероссийское Учредительное собрание Г. В. Ксенофонтов стал обладателем мандата, дающего право представлять якутов и область в целом в работе этого ответственного собрания. Одновременно Ксенофонтов был выдвинут представителем в Сибирскую областную думу от Якутии.

В условиях советизации России якутские федералисты поддержали практические усилия сибирских областников, которые пытались создать независимую Сибирскую парламентскую республику. Попытки созыва Сибирской областной думы провалились. Усилия представителей национальной интеллигенции по демократизации общества оказались «смытыми бурным большевистским потоком событий 1917 – 1918 гг. в Сибири и Якутии».

1 июля 1918 г. в Якутске установилась советская власть. Исполком Совета рабочих депутатов взял власть в свои руки. Молодые большевики,

члены исполкома М. Аммосов, Н. Бубякин, М. Виленская, В. Чаплинский и др. начали осуществлять функции диктатуры пролетариата. 9 июля представитель Центросибири и инструктор по организации Советской власти П. А. Ойунский обратился ко всем трудящимся Якутии с призывом принять активное участие в организации Советов на местах.

Началась новая страница в истории Якутии.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. Американская шпага – якутскому губернатору // Восточное обозрение. – 1885. – 18 июля (№29).
2. Аргунов И. А. Социальное развитие якутского народа. – Новосибирск, 1985.
3. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966.
4. Башарин Г. П. Исторические судьбы письма Кулаковского // А. Кулаковский. Якутской интеллигенции. – Якутск, 1992.
5. Башарин Г. П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). Т. 2. – Якутск, 1990.
6. Восточное обозрение. – 1891. – 24 марта (№13).
7. Восточное обозрение. – 1891. – 3 февраля (№6).
8. Гончаров Н. Из Якутска // Морской сборник. – Т. XVI. №6. – СПб., 1855.
9. Гройсман А. Евреи в Якутии // Илин. – 1995. - №6.
10. Гуляева Е. Якутская книга до 1917 года // Илин. – 1992.
11. Данилова Л. Якутская еврейская община // Илин. – 1992.
12. Дьячкова А. Гавриил Ксенофонов и «Якутский трудовой союз федералистов» // Илин. – 1997. №3-4
13. Заседание этнографической секции ВСОИРГО. // Восточное обозрение. – 1897. – 4 апреля (№41).
14. Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии. (Этностатистическое исследование). – Якутск, 1994.
15. История России. – М. 1997.
16. История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л., 1968.
17. История Якутии. – Якутск, 1988.
18. История Якутской АССР. Т. II. – М., 1957.
19. Казарян П. Л. Численность и состав участников польского восстания 1863-1864 гг. в якутской ссылке. – Якутск, 1999.
20. Кон Ф. Намские письма // Восточное обозрение. – 1895. – 26 апреля (№50).

21. Коркина Е. С. А. Новгородов. Жизнь и судьба // Илин. 1992.
22. Корреспонденция из Баргузина // Восточное обозрение. – 1896. – 28 июня (№88), 18 августа (№97).
23. Кулаковский А. Якутской интеллигенции. – Якутск, 1992.
24. Макаров Г. Г. Октябрь в Якутии. Ч. 1. – Якутск, 1992.
25. Макаров И. Г. Из истории общественно-политической мысли на Северо-востоке России (70-е годы XIX – 1917 г.). Якутск, 1994.
26. Макарова Н. Дьэгиттэр таланнаах Мытыйыкы // Илин. – 1998. - №2
27. Малькова А. Василий Никифоров. События. Судьбы. Воспоминания. – Якутск, 1994.
28. Мостахов Е. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии (XVII – начало XX в.). – Якутск, 1982.
29. Новгородов С. А. Основные задачи якутской интеллигенции // Илин. – 1992.
30. Нужна ли в Якутске духовная семинария // Восточное обозрение. – 1883. – 20 января (№3).
31. О приезде лейтенанта Шютце // Восточное обозрение. – 1885. – 8 августа (№32), 1886. – 7 августа (№32), 1886 – 9 октября (№38).
32. Обездоленные люди // Восточное обозрение. – 1891. – 21 апреля (№17-18).
33. Охлопков В. Е. История политической ссылки в Якутии. Кн. 2. (1895 – 1917 гг.). – Якутск. 1990.
34. Петров П. И. О революционных событиях 1905 – 1907 гг. в Якутии. – Якутск, 1955.
35. Пинигин В. В. «Любящий Вас Лев Толстой». – Якутск, 1978.
36. Письмо редактору от С. Ковалика // Восточное обозрение. – 1897. – 25 апреля (№ 49).
37. Попов Г. Миссионерство в Якутском крае //Илин. – 1997. - №3-4.
38. Последствие ссылки // Восточное обозрение. – 1885. – 21 ноября. (№45).
39. Публицист-якут об общественной жизни своего улуса // Восточное обозрение. – 1889. – 3 апреля (№73)
40. Пушкарёв С. Г. Обзор русской истории. – Ставрополь, 1993.

41. Русские поселения в Якутской области // Восточное обозрение. – 1886. – 20 ноября.
42. Сафронов Ф. Г. Якуты. Мирское управление в XVII – нач. XX века. – Якутск, 1987.
43. Софронов Ф. Г. Русские на Северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1985.
44. Ссылка и поземельный вопрос // Восточное обозрение. – 1886. – 13 ноября (№46), 20 ноября (№47).
45. Ссылные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследования пребывания. – Якутск, 1999.
46. Троев П. Егор Николаев и его «Краткая записка о современном положении Якутского края» (1883 г.) // Илин. – 1997. - №3-4.
47. Улусник. Якутские казаки // Восточное обозрение. – 1885. – 4 апреля (№14).
48. Шишигин Е. Преосвященный Дионисий. // Илин. – 1995. - №6.
49. Яковец Ю. В. История цивилизаций. – М., 1997.
50. Якут о Якутской земле // Восточное обозрение. – 1889. – 12 февраля (№7).
51. Якутские впечатления // Восточное обозрение. – 1891. – 18 декабря (№10-12).

Послесловие

Итак, сделана попытка освещения основных исторических событий, которые происходили на территории современной Якутии на протяжении огромного промежутка времени - от палеолита до начала XX столетия.

Как известно, периодизация, как метод интерпретации и понимания исторических событий, тем ценна, что позволяет увидеть и вычленить определенные закономерности процесса развития. В периодизации истории Якутии особое место занимает эпоха первобытного строя с громадной временной протяженностью. Несмотря на то, что бассейн Средней Лены с древнейших времен являлся зоной экстремального холода, он входил в число регионов, где происходили процессы антропогенеза. Во всяком случае, на основании обнаруженных артефактов, выдвинуто предположение о внетропическом происхождении человека. {

Несмотря на удаленность древней Якутии от региональных центров бронзы и раннего железного века Южной Сибири и Центральной Азии, заметного ее отставания от них в эпоху палеометаллов не наблюдалось. В этих условиях Якутия стала местом формирования народов со своеобразной специфической культурой. Но в целом, регион развивался за счет воздействия извне, не располагая достаточными потенциями для более ускоренного культурного развития.

{ Во второй четверти II тыс. н.э. на Средней Лене происходит распространение одного из видов производящего хозяйства - скотоводства. Зачинателями хозяйственно-культурных преобразований в крае стали южные предки якутов. С этих коренных перемен, на наш взгляд, начался переход к следующему периоду истории - к раннему средневековью, связанному с формированием в зоне вечной мерзлоты примитивного аграрного общества с оседлой формой скотоводства и пастушеским коневодством. Процесс сопровождался возникновением постплеменной народности саха.

Переход к средневековью завершился ко времени присоединения Восточной Сибири в состав Московского централизованного государства. Якутский край входит в орбиту восточноевропейской православно-христианской цивилизации. Данный процесс являлся частью Великих географических открытий (их восточноевропейским «сухопутным»),

«землепроходческим» вариантом) и последовавшей за ними невиданной прежде в истории, грандиозной по масштабам и последствиям волны колонизации неевропейских земель.

Немногочисленное аборигенное население Восточной Сибири, благодаря неблагоприятным для русских условиям обитания, в период колонизации оставалось преобладающим. Русские представляли собой лишь малочисленные вкрапления. Почти полное отсутствие здесь политической администрации и государственности помогло казакам легко и с минимальными потерями не только укрепиться в Якутии в форме системы форпостов (острогов-крепостей), но и присоединить ее к русским землям, начав взимать с населения налог в виде ясака.

Традиционные структуры общества здесь оказались недостаточно подготовленными к противостоянию, а низкий уровень собственного развития народов региона ограничивал темпы роста их сопротивляемости колонизаторам. Природно-климатические условия Якутии не способствовали развитию активной производственной деятельности русского населения. Поэтому далеко не случайным является то, что народы арктических территорий до недавнего времени находились на уровне полупервобытного общества, будучи едва затронутыми влиянием цивилизации.

Сибирь (и прежде всего ее пушнина) для Русского государства должна была стать одним из источников первоначального накопления капитала. Но в России для этого отсутствовал необходимый уровень внешней и внутренней торговли, общая бедность страны и главное - отсутствие нового уклада в экономике. Поэтому путь России к подступам капитализма затянулся. Якутия, став составной частью Русского государства, вместе с ним переживала все сложности, ожидавшие его на пути к этапу Новой истории.

Адаптация аборигенного населения к новым политическим и социально-экономическим условиям происходила болезненно. Но к ним довольно быстро приспособлялась тойонская верхушка общества. Она сразу же стала добиваться активного участия в управлении краем.

Значительным периодом в истории Якутии становится XVIII-первая половина XIX в. В это время в Ленском крае получают распространение

земледелие, зачатки церковно-светского образования, православное христианство. Якутия вовлекается в сферу общероссийского экономического рынка, а через него и международных торговых связей. Пушные богатства обширного края являлись огромным источником пополнения финансовых ресурсов России. Якутск становится одним из крупных торговых центров Сибири. Одновременно происходило разложение якутской сельской общины. Но Первая ясачная комиссия приостановила дальнейшее развитие частноземельной собственности. В целом, данная эпоха являлась по существу переходной, подготовившей начало постепенного перехода к рыночной экономике.

В 60-70-е годы XIX в. в России происходили такие перемены, которые даже в Западной Европе занимали целые века. Причинами тому являлись начавшийся в 1830-х гг. промышленный переворот и широкие либеральные реформы Александра II. Отмена крепостного права высвободила колоссальную энергию крестьянских масс и направила её на развитие отечественного промышленного производства. Процесс капитализации экономики в 80-е гг. принимает бурный характер. В России происходит формирование техногенного индустриального общества. Все эти радикальные изменения, происходившие в метрополии во второй половине XIX в., оказали своеобразное влияние и на развитие Якутской области. Заметно оживляется социально-экономическая инфраструктура края: улучшаются дорожно-транспортные связи, получают дальнейшее развитие хлебопашество, огородничество, скотоводство, идёт формирование горной промышленности, торгового капитала, банковского дела. Значительно укрепляются связи Якутии с центральными областями России и сибирскими регионами. Зарождению рыночных отношений в Якутии во многом способствовало открытие и эксплуатация золотых месторождений Витимо-Олёкминской горной системы. Здесь были созданы крупные промышленные предприятия, оснащённые передовым технологическим парком (мощные механические драги, железная дорога, первая в России высоковольтная гидроэлектростанция). Снабжение приисков продуктами, их поставка, лесозаготовки явились сильнейшим стимулятором развития

производительных сил и торговли в Якутии. Торговый капитал по-прежнему развивался также на продаже пушнины. |

Все эти процессы сопровождались дальнейшим обнищанием части местного населения. В этно-демографическом плане здесь наблюдались незначительный рост численности населения и ассимиляция подавляющей части местных русских якутами.

В якутском обществе крайне обостряется аграрный вопрос, связанный с классной системой землепользования и усугубляемый проникновением рыночных отношений в наслега. Покупка и продажа рабочей силы стали широко практиковаться тойонами и вообще богатыми людьми, благодаря их огромной предпринимательской прибыли от торговых операций, получая тем самым дополнительную прибавочную стоимость. Из якутского населения формируется заметная прослойка горожан, состоящих из чернорабочих, ремесленников, мелких торговцев, служащих, приказчиков и гильдийных купцов. Последние быстро усваивали быт русской городской буржуазии. Начался процесс сложения якутской интеллигенции.

Вторая половина XIX в. сопровождалась возрастанием ссылки. Внедрение в якутскую среду уголовной ссылки во многом усугубляло её быт и ложилось дополнительным экономическим бременем на местное население. Ссылный уголовный элемент оставил неистребимый след и в истории г. Якутска, нарушив его вековой патриархальный безмятежный лик. |

Но, с другой стороны, в лице политссылных Якутия приобрела значительный отряд энергичных и образованных людей России, которые отдавали все свои силы и знания изучению Якутского края, способствовали пробуждению национального самосознания народа.

В обозреваемое время происходило качественное усвоение православного учения якутами. Наряду с традиционными верованиями, христианские обряды глубоко внедряются в повседневный быт местного населения. Этому способствовала сподвижническая деятельность архиепископов Вениаминова и Хитрова (Дионисия) по переводу на якутский язык духовных книг и ведение церковной службы на якутском языке.

С 1860-х гг. начинает развиваться местная печать, продолжаются географическое, геологическое и этнографическое исследования края.

Начало XX в. ознаменовано политическим пробуждением. Под влиянием первой буржуазно-демократической революции в России якутская интеллигенция во главе с В. В. Никифоровым начинает борьбу за расширение гражданских прав и полномочий местного населения. Возникает политическая организация «Союз якутов». К «Союзу» примыкали широкие слои якутского населения. Проводилась акция неповиновения властям. Эти события явились началом гражданского становления общества. Национальное движение встретило поддержку со стороны политссыльных и молодёжи, возвратившейся из русских университетов к себе на родину с идеями национального освобождения. Движение сопровождалось возникновением якутской периодической печати, журналистики. Происходило становление якутской литературы, появились зачатки театрального искусства.

По сути, национальное движение в Якутии уходит своими корнями в середину XVIII в., когда злоупотребления местных властей и разорительные для местного населения ясачные поборы заставили Софрона Сыранова, а затем и Алексея Аржакова выступить с требованием о предоставлении якутам самоуправления. В 80-х гг. XIX в. оно было продолжено Егором Николаевым. В более организованной и массовой форме национальное самосознание сформировалось в начале XX в. в лице «Союза якутов», во главе с Василием Никифоровым.

Первая мировая война, а затем Февральская революция усилили национальное движение, открыв интеллигенции возможность политически организоваться. Возникает «Якутский трудовой союз федералистов» — массовая политическая организация якутов. Идеологом федералистов становится Г. В. Ксенофонов, один из молодых признанных лидеров национального движения. После провозглашения Якутией автономии в составе федеративного Российского государства, Якутский национальный комитет, созданный в сентябре 1917 г., должен был стать основой будущего государственного органа. Но историческая судьба распорядилась по другому. После октябрьских событий в Петрограде в стране устанавливается советская власть. Ссылные большевики воспитали целую плеяду молодых коммунистов из числа якутской молодёжи. В условиях советского строя они начали строительство автономной республики.

Оглавление

Предисловие	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЯКУТИЯ В ДРЕВНОСТИ И ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	
Раздел I. Первобытное общество в Якутии.	
§1. «Каменные страницы» истории Якутии	4
§2. Этап палеометаллов.....	10
§3. Происхождение аборигенного населения Якутии	15
Раздел II. Якутия в эпоху средневековья (конец XIII-XVII вв.)	
§1. Обоснование и характеристика периода	19
§2. Происхождение якутов.....	20
§3. Присоединение Ленского края в состав русского феодального государства.....	29
§4. Традиционная культура аборигенов Якутии.....	33
Литература использованная в первой главе	66
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЯКУТИЯ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА РОССИИ К НОВОЙ ИСТОРИИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)	
✓ §1. Характеристика эпохи	68
✓ §2. Административное управление	70
✓ §3. Экономическое положение в Якутской области.....	77
✓ §4. Реформы Первой ясачной комиссии.....	79
§5. О «Наказах» якутов	83
§6. Положение народов Севера в XVIII – первой половине XIX в.....	85
✓ §7. Реформы М. М. Сперанского и якутская степная дума	92
✓ §8. Вторая ясачная комиссия (1828-1834 гг.) и новое положение ясачных ...	98
✓ §9. Русское население Якутии	104
✓ §10. Города Якутии и их население	108
§11. Распространение христианства	113
✓ §12. Ссылка в Якутии до середины XIX в.....	116
✓ §13. Историко-географическое изучение Якутии.....	118
✓ §14. Развитие культуры и просвещения	120
Литература, использованная во второй главе	125

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЯКУТИЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

(вторая половина XIX – начало XX в.)

Раздел I Якутская область во второй половине XIX в.

§1. Характеристика эпохи	12
§2. Административное управление	12
§3. Возникновение товарно-денежных отношений в Якутии.....	13
4. Изменения в традиционной культуре якутов.....	14
5. Народы Севера Якутской области во второй половине IX – начале XX в	14
6. Русское население Якутии во второй половине XIX – начале XX в ...	14
7. Усиление ссылки.....	15
8. Культура, просвещение и научные исследования во второй половине XIX в.....	15

Раздел II. Якутия в начале XX в.

1. Характеристика эпохи	16
2. Экономическое положение Якутии в начале XX в.....	17
3. Общественное и политическое движение в Якутской области начале XX в	17
Литература использованная в третьей главе	19
Послесловие	19
Оглавление	20

Национальная библиотека РС(Я)
www.nlib.sakha.ru

00022191

tel: 435332, 424138;
fax: 423390

А. И. Гоголев

ИСТОРИЯ ЯКУТИИ

(Обзор исторических событий до начала XX в.)

Редактор З. А. Хандакова

Технический редактор Г. А. Поляков

Подписано в печать 25.02.2000. Формат 60x84/16. Бумага тип. №2.
Печать офсетная. Печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 1000 экз. Заказ **55**

Издательство ЯГУ. 677891, г. Якутск, ул. Белинского, 58

